

Съ театра войны.

Письмо священника 51-го драгунскаго полка о. Митрофана Серебрянскаго*).

Глубокопочитаемый о. Ректоръ!

Помня ваше всегда неизмѣнно доброе ко мнѣ отноше-
ніе, захотѣлось поговорить съ вами и послать вѣсть о себѣ
изъ страны далекой! По милости Божіей и вашимъ св. мо-
литвамъ мы благополучно прибыли 17 іюля на ст. „Янтай“,
въ 25-ти вер. отъ г. Ляояна, всѣ живы и здоровы; лошадей
нало только три. 17 же вечеромъ подъ темнымъ звѣзднымъ
небомъ, прямо въ полѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ япон-
цевъ я служилъ для полка обѣдницу, всѣ пѣли.. Можете
представить, какія чувства волповали меня и всѣхъ во вре-
мя этой молитвы?!? 18—съ 4 ч. утра начался нашъ походъ,
я съ обозомъ выступилъ утромъ 19-го при 52° жарѣ, пыль
такая, что съ трудомъ дышали черезъ носъ. Кругомъ Бай-
кала и теперь я ѣду верхомъ, сталъ привыкать, а сначала

* Помѣщаемое здѣсь письмо прислано о. Митрофаномъ Серебрян-
скимъ Ректору Семинарія, прот. В. А. Сахарову.

такъ ноги болѣли, что валился съ сѣдла. Съ утра шли до часу ночи, такихъ страданій отъ жары и жажды никогда еще не испытывалъ въ жизни.

Теперь полкъ стоитъ около Ляояна на передовыхъ позиціяхъ противъ японцевъ, а я живу въ китайской кумирнѣ сорока боговъ, идоловъ масса, а также сѣрыхъ скорпионовъ, которыхъ мы страшно боимся, укусить—почти вѣрное смерть. За эту недѣлю поймали болѣе десяти скорпионсвъ.

Китайцы производятъ на насъ впечатлѣніе дикарей болъшинство полуголые, дѣтишки въ деревняхъ совершенно безъ одежды, народъ вообще жадный, грязный. Религиозности не замѣтно среди нихъ, храмы въ грязи, пыли. рѣдко посѣщаются. Три послѣдніе дня шли страшные дожди. все разлилось, образовалось множество зловонныхъ болотъ и всѣ переболѣли лихорадкой. Господи, когда мы вернемся опять въ нашу милую Россію?!.. Завтра уѣзжаю на позицію. нашъ полкъ теперь въ 3-хъ вер. отъ непріятеля. Ожидается страшный бой!

Еще разъ прошу вашихъ св. молитвъ. Привѣтъ и благословеніе Вашему семейству и всѣмъ, кто знаютъ меня изъ корпораціи!

Истинно почитающій васъ

Священникъ *Митрофанъ Серебрянскій.*

1904 г. Юля 30 д.

г. Ляоянъ.

Я В О Й Н Ъ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго *).

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

11 Іюня 1904 года.

5½ час. утра, пора на вокзалъ, играетъ полковая музыка „Всадники-друзи, въ походъ собирайтесь“...

Итакъ наступила минута бросить все родное, что такъ любишь, для чего тратилъ силы: семью, жену, родителей, родныхъ, духовныхъ дѣтей, церковь, школу, домъ, бібліотеку... охъ, Боже мой, какъ тяжело... болью въ сердцѣ ото-

* Дневникъ о. Митрофана Серебрянскаго печатается съ согласія докторимаго автора, которое онъ выразилъ въ письмѣ своемъ Ректору семинаріи Протоіерею В. А. Сахарову. Въ этомъ дневникѣ о. Митрофанъ подробно изображаетъ свою жизнь и пастырскую дѣятельность въ периодъ для мирнаго пастыря Церкви обстановки—въ походѣ, среди тревогъ и ужасовъ кровопролитной войны. Уже по одному этому дневникъ о. М. является глубоко интереснымъ для всякаго читателя—и духовнаго, и свѣтскаго. Но еще болѣе придаетъ интереса этому дневнику личность автора, за сравнительно короткое время своего пребыванія въ Манчжуріи приобрѣвшаго общее и глубокое уваженіе во всѣхъ классахъ нашего общества.

Прим. Ред.

звался привывъ бросить все и всѣхъ и идти въ путь дале-
кій, на войну!...

Да, если бы не крѣпкая вѣра въ святыя принципы
„Вѣра, Царь и дорогая родина“, то трудно было бы спра-
виться съ собой, но сознание, что мы идемъ защищать эту
„душу“ русской жизни и ради этого жертвуемъ всѣмъ—
одушевляетъ, и мы справляемся съ собою, бодримся...

Прѣхали на вокзалъ... масса народа всѣхъ званій и
состояній... Господи, сколько любви, сколько искренняго
сочувствія!... У всѣхъ на глазахъ слезы, на устахъ молитвы
и добрыя пожеланія!... Вотъ пробиваются сквозь толпу два
священника о. С. и о. Г. и дорогіе мои И. А. и Е. Г. съ пѣвчимъ.
Начался передъ вагономъ напутственный молебенъ. Всѣ кру-
гомъ плачутъ, слезы душитъ и меня!.. Охъ! незабвенныя
минуты этой прощальной молитвы,—вотъ гдѣ познается, какъ
глубоко западаетъ утѣшеніе религіи! Молились всѣ, дѣй-
ствительно, отъ души! Да благословить Господь устроите-
лей молебна!... Кончилась молитва, я съ родными въ вагонѣ,
жена держитъ мою руку и смотритъ въ глаза мои съ такой
скорбію, что становятся вполнѣ понятны слова св. Симеона
Богоматери: „Тебѣ же Самой душу пройдетъ оружіе!“ Да
еще не сразила никого изъ насъ японская пуля, а оружіе
уже прошло души наши.

Подъ окномъ непрерывно поютъ пѣвчіе „Тебе Бога
хвалимъ“, „Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице“,
величаніе св. Митрофанію, „Аллилуія“ и друг. Входитъ
офицеръ и передаетъ просьбу директора корпуса благосло-
вить кадетъ, съ радостью исполняю,—я такъ любилъ всегда
и кадетъ, и ихъ наставниковъ. Какъ отраднo было молиться
съ ними 8 ноября; да благословить Господь и ихъ искрен-
но-религіознаго отца-директора, съ пути мысленно благосло-
вляю и его и корпусъ. Простился съ г. Губернаторомъ, съ
провожающими и снова въ вагонъ съ родными... не вѣ-
рится, что вотъ сейчасъ всѣ эти милыя лица скроются съ
глазъ надолго, надолго!... Третій звонокъ, трубачъ подаетъ
сигналь вѣхать... сразу сердце упало, еще разъ прижать къ
груди своей жену и родныхъ, но... сердце не камень, сколь-
ко ни крѣпись,—всѣ рыдаютъ, можно-ли найти человѣка,
который бы въ эту минуту сдержалъ себя? мнѣ кажется.

что нѣтъ,—по крайней мѣрѣ чего боялся я, то и случилось —разрыдался дико, страшно, казалось вся душа выйти хотѣть куда-то, а предъ глазами жена, почти упавшая на руки близкихъ, родители, родные, народъ... все рыдаетъ. Повадь пошелъ. Я уже безъ удержу плачу на груди моего дорогого доктора, Н. Я., который провожаетъ меня до Тулы. Вдругъ взоръ мой упалъ на ясно видимую изъ вагона полковую церковь, и снова слезы и рыданія вырвались изъ груди моей.... моя родная церковь, школа, домъ.... вѣдь каждый камень я знаю въ нихъ, и сколько пережито тамъ сладкихъ моментовъ религіознаго восторга, общенія молитвеннаго!... трудно не рыдать; все пережитое на томъ участкѣ земли за 7 лѣтъ при этомъ послѣднемъ взглядѣ пронеслось и вспомнилось сразу, и.... естественно я рыдалъ.—Много значить участие въ горѣ человѣка, особенно родного, друга; это испытать я на себѣ.

Вотъ и родная „Отрада“, Яковъ выѣхалъ встрѣтить меня на „Стененномъ“;—благословилъ я изъ окна вагона столь памятную и любезную мнѣ рошу, Малыгину аллею, мой садикъ.... какъ я любилъ тамъ гулять, размышлять, читать... прощайте, милыя мѣста, когда то увижусь съ вами?—„Мценскъ“—и снова незабвенныя лица духовныхъ дѣтей—Б., А. и другіе встрѣчаютъ меня. Идемъ въ вокзалъ, буфетчикъ подарилъ мнѣ къ чаю банку чуднаго меда... слезы, благословенія, молитвы, пожеланія и, кажется мнѣ, какъ будто еще не окончился дорогой Орель.

Подъѣзжаемъ къ Тулѣ, встрѣчаетъ комендантъ Пороховниковъ—чудный человѣкъ, ведетъ насъ осматривать призывальную новую церковь... Я просто пораженъ: масса иконовъ, прекрасный иконостасъ, изъ сѣраго мрамора, а живопись монахинь—сестеръ Дивѣвскаго монастыря выше всякихъ похвалъ...

12-е Іюня.

12-е число прошло безъ происшествій. Ночь спать плохо, всталъ въ 6½ ч. утра, помолился, напился чаю. Мих. Мать.—счастливая натура, всю ночь ни разу не проснулся и глаза открылъ только въ 9 ч. На ст. „Павелецъ“ далъ телеграммы въ Елецъ, Великой Княгинѣ, *) въ Орель. Во-

*) Е. И. В. Великой Княгинѣ Елизаветѣ Ѳеодоровнѣ, Августѣйшему Шефу 51-го полка.

шелъ генераль и поздравилъ насъ съ добрымъ утромъ,—мы отдали визитъ. Я занялся съ утра осмотромъ своего провіанта и снаряженія: спасибо, что не самъ укладывавалъ,—вотъ теперь на полдня дѣла. а, во вторыхъ, навѣрное протестовалъ бы противъ обилія всего сверхнасушнаго, по теперь благословляю всѣхъ позаботившихся, такъ какъ и путь далекъ, и ѣдоковъ сколько угодно. Осмотрѣвши вещи, изучивъ ихъ положеніе, занялся осмотромъ своей позиціи—купа, чтобы получше, поуютнѣе устроиться. Какъ подобаетъ истинно русскимъ людямъ и христіанамъ, первая моя забота была украсить свою походную храмину иконами: безъ нихъ какъ то неуютно, недомашне и на душѣ непокойно...

Устроился и радуюсь, какъ дитя.... Смотрю на церковь (на фотографіи), вспоминаю, какъ я шелъ бывало служить, вотъ на эти ступеньки входилъ, на этой дорожкѣ говорилъ съ пародомъ,—а вонъ видна школа... въ ухахъ воскресаетъ веселый смѣхъ дѣтей, вотъ мой домикъ... Смотрю на крестъ церковный... гдѣ же они мои милые вѣрныя?—я такъ привыкъ ихъ встрѣчать по утрамъ на своей колокольнѣ и преимущественно у креста! вѣдь вотъ, говорятъ, хищныя птицы, но я страшно любилъ и прямо такъ наслаждался глядя на нихъ: какая мощь, красота, плавность въ полетѣ.... Охъ, если бы у насъ были крылья, полетѣлъ бы сейчасъ еще разъ ваглянуть на родныя мѣста и лица?! Но... не все же, право, человѣку,—ему даны разумъ, сердце и воля—эти духовныя крылья, довольно, умѣй летать благоразумно и на нихъ—счастливы будете! Смотрю на группу, на Олю... рой воспоминаній и притомъ самыхъ дорогихъ!... какъ я всегда былъ счастливъ въ моей семейной жизни—родительской и супружеской! Какъ мнѣ благодарить Бога, что Онъ удостоилъ меня принять подъ свой кровъ престарѣлыхъ родителей и, хотя немного, послужить имъ,—вотъ и утѣшеніе, какого не купить за милліоны: на войну меня проводили и благословили родители своею рукою! Оля, родная моя Оля, такъ и стоять въ ухахъ ея слова: „хотя-бы разъ мы поссорились въ нашей прошлой жизни, все бы легче было прощаться“... Да, жили душа въ душу, и не только въ смыслъ земной любви и общенія, но и въ высшемъ смыслѣ: все, во что вѣрю я, вѣрить и она, къ чему стремился я, что предпрі-

ию, — она вполне разделяет... какъ хорошо трудиться вдвоемъ: посмотрю на церковь, школу, домъ, — ея участіе вездѣ, вездѣ... благодарю же ее за все прошлое счастье!... Группа съ духовными дѣтьми... дорогіе мои, сколько вы явили мнѣ грѣшному любви и сочувствія, ей-ей недостойнъ... Господь да воздастъ вамъ!...

„Ряжскъ“, — два часа стоимъ: пробовали пищу... Идемъ обѣдать и на будущее время рѣшасмъ, что Г. будетъ у насъ хозяйномъ; заказать обѣдъ по телеграфу, заплатить, — это его обязанность, а послѣ разочтемся! Съ нами обѣдалъ и обѣдаетъ племянникъ Черногорскаго князя, молодой человекъ, Владо Божиевичъ Петровичъ, который идетъ по своему желанію постоять за искренно-любимую имъ Русь-матушку; онъ очень образованный, учился въ Парижѣ и Женевѣ, я часто съ нимъ говорю, онъ страстно любитъ Россію и отъ всего въ восторгѣ. Ъдемъ дальше, на станціяхъ стоимъ страшно подолгу, такъ что лошадей выводятъ изъ вагона; я хожу провѣдать своего „друза“; его полюбили всѣ солдаты за „кротость“, смиреннѣе всѣхъ въ эшелонѣ. Пока всѣ здоровы и благополучны. Живемъ по апостольски: все общее, завтракаемъ у подп. Б., и къ нему спосимъ каждый, что можеть, ужинаемъ у меня, и продѣлываемъ тоже. Солдаты на стоянкахъ рѣзвятся какъ дѣти, кувыркаются, рвутъ цвѣты, траву, украсили свои вагоны древесными вѣтвями, какъ въ Троицынъ день. Никто изъ нихъ не скучаетъ, видимо, даже нравятся. Къ вечеру стали поговаривать, что хорошо бы прослушать всенощную, вспомнили, какъ бывало служили въ родной нашей церкви... какъ захотѣлось молиться! И праздникъ не въ праздникъ безъ службы. Ну, ужъ всенощную, какъ придется, а завтра обѣдницу рѣшили отслужить во что бы то ни стало! — Кругомъ мелькаютъ деревни, парквы, поля, равнины. Хлѣба плохи. Погода прохладная, дождь, — мы облачились во все теплое. На каждой станціи со вторымъ звонкомъ трубачъ подаетъ сигналъ „садись“ и съ третьимъ „отправление“.

Станція „Сухарево“. Подъѣзжаемъ, — о счастье! случится всенощное бдѣніе, и какое чудное совпаденіе: не надѣясь остаться ниждѣ Богослуженія, и на память началъ читать

вечерню, прочиталь... въ это время подъѣхали къ „Суко-реву“ и что же? идетъ служба и какъ разъ шестопсалміе, т. е. продолженіе того, на чемъ я остановился. Извѣстия генерала и начали молиться. Служилъ молодой священникъ, пѣли два телеграфиста; одявъ.. подпершись рукой въ щеку, немилосердно гудѣлъ басомъ, другой благоговѣнно тено-ромъ. Рады мы были этому чрезвычайно; поставили свѣ-чи, приложились къ св. Евангелію и поѣхали дальше... На душѣ стало легче, какъ будто камень свалился.... Какъ много значить привычка освящать Богослуженіемъ Божіи дни! Ужинули у меня въ купѣ и долго, долго разговари-вали о миломъ прошедшемъ, родномъ, легли спать въ 12¼ час. ночи. До завтра!..

13-ое Іюня.

Въ 4 часа меня разбудили, подали телеграмму отъ Н. П. С., очень было пріятно. Пріѣхали въ Моршанскъ; здѣсь солдаты обѣдали въ 6 час. утра; ходилъ на станцію, спрашивалъ телеграммъ, дѣтъ. Въ 9 час. утра подъѣхали къ станціи „Фитингофъ“, стоянка часъ,—рѣшили служить обѣдницу. Я попросилъ у начальника станціи разрѣшить совершить Богослуженіе въ станціонномъ залѣ, что оны сейчасъ-же и позволили.—Тогда я и Михайло вынули походныя ризы, Евангеліе и Крестъ, зажгли свѣчи, пришелъ генералъ, офицеры, солдаты, и мы не спѣша отслужили полную обѣдницу. Умилительно было чрезвычайно, пѣли всѣ и моли-лись отъ души, вотъ ужъ благодарили мы тогда святой обы-чай ставить на станціяхъ иконы. Надо было видѣть радость всѣхъ—отъ высшихъ и до низшихъ, всѣ говорили одно: „слава Богу, теперь и для насъ настоящей праздникъ!“ Я даже проповѣдь говорилъ на тему, данную дневнымъ Еван-геліемъ,—о необходимости смириться и въ испытаніи не роптать на Бога, а вѣровать, молиться и твердо надѣяться на помощь Божію. Было много народа и посторонняго, при цѣлованіи креста я раздавалъ солдатамъ и народу св. книж-ки и листки, а г.г. офицерамъ ладонки съ 90-мъ псалмомъ.— всѣ благодарилъ. Поѣхали дальше.—по телеграфу на ст. „Пачелма“ заказали обѣдъ; по дорогѣ, среди прекрасной мѣ-стности, на остановкахъ всѣ гуляемъ, часто играетъ наша музика, и это хотя немного развлекаетъ. По случаю воскрес-

наго для на станціяхъ масса народу, кричатъ намъ „ура“, просятъ сыграть „Коль славень“, даютъ солдатамъ даромъ молоко, яйца, солону, папирсы...

Приюхали въ „Пачелму“, стоянка два часа, для насъ накрытъ большой столъ. Съели всеи компаніей обѣдать, время прошло очень оживленно. Сюда съѣхалось окрестные похвѣйки съ семьями, вниманіе намъ оказывалось повсюду самое сердечное. При крикахъ „ура“ поѣздъ нашъ тронулся, пошли чудные лѣса. Попили чаю, ужинать не хотѣлось. Ночь наступила дивная, лунная. пріѣхали на разъѣздъ 31-й, и здѣсь снова стоимъ среди дремучаго лѣса, облидаго свѣтомъ луны. Что это за восторгъ! такой ночи никогда не забуду! Конечно, о снѣ никто и не думалъ, всѣ офицеры вышли гулять, а солдаты аукались и отзвукъ голосовъ ихъ разлетались далеко, далеко, отдаваясь гдѣ-то вдали, какъ голосъ лѣшаго. Я ходилъ въ какомъ-то странномъ состояніи души, что-то мистическое наполняло все существо мое... вдругъ пѣяніе, дивные звуки полились откуда-то изъ тьмы... что это? кто и на чемъ играетъ? Оказалось, нашъ писарь (изъ дворянъ) играетъ на мандолинѣ, затѣмъ писаря заплѣли какой-то дуэтъ, и получилась среди лѣса и ночи своего рода серенада... Не хотѣлось шелохнуться среди мистической тишины окружающей природы. Вдругъ шумъ, грохотъ,—и пронесся служебный поѣздъ, какъ какое-то чудовище, ворвавшееся въ нашъ рай, но не смогшее здѣсь удержаться,—оно убѣжало отъ насъ, и мы снова въ прежней тишинѣ, и снова серенада. Но всему бываетъ конецъ, наступилъ конецъ и нашему блаженству. Трубачь играетъ „сидясь“, затѣмъ „отправленіе“, и мы снова затряслись далѣе и скоро улеглись.

15-де Іюня.

Утро. Пріѣхали въ Сызрань, городъ въ сторонѣ; здѣсь пилъ кофе. Пошелъ телеграфъ—есть телеграмма изъ Орла, съ какимъ чувствомъ разрывалъ я конвертъ, думалъ отъ жены, оказалось изъ Орла отъ духовныхъ дѣтей, и то пріятно, послалъ отвѣтную. Встрѣтили эшелонъ Нѣжинскаго полка и съ нимъ принца Персидскаго*), пріятно было повидаться, я

*) Ротмистра Нѣжинскаго полка, персидскаго принца Али-Гули-Мирау, перешедшаго въ этотъ полкъ изъ Черняговскаго полка.

такъ любилъ его всегда. Тронулись и мы. Съ Михаиломъ въ купѣ у генерала отпѣли панихиду по его брату Александру на ходу; оригинальная была служба.—Ну кто могъ думать когда-либо, что придется служить панихиду въ поѣздѣ? Да, надо все пережить. Завиднѣлась красавица Волга, по ея берегу мы ѣхали цѣлыѣ часы,—что за красота, что за многоводье?! Идутъ пароходы въ 5 этажей, тянутся баржи, плоты, всюду жизнь, движеніе! Приѣхали на ст. „Батраки“ на самомъ берегу Волги. женщина подноситъ живыхъ стерлядей, генераль купилъ 21 штуку за 75 к. На станціи заказали уху изъ свѣжихъ стерлядей, а сами пошли на Волгу. Я вѣздъ мыло, подотенце и выкупался въ Волжскихъ водахъ. Ахъ какъ пріятно! чтобы понять, надо просидѣть 5 сут. въ вагонѣ!... Кричатъ что уха готова... иду; смотрю, солдаты-трубачи не выдержали и повели купать своихъ коней. Съли за столъ, добрая хозяйка-старушка подала на столъ прямо кострялю съ ухой, и, сама у меня благословившись, начала разливать намъ... Живо вспомнилась мнѣ и наша Орловская „Бабушка“ А. П., такъ и она мнѣ бывало наливала. Запили стаканчикомъ чернаго пива и тронулись дальше. Предстояло переѣхать Волгу по мосту длиною въ версту съ четвертью, я сѣлъ на площадкѣ вагона и вооружившись биноклемъ, сталъ смотрѣть. Красивѣй и грандіознѣй арѣлища я и представить себѣ не могу, описать не берусь, это надо видѣть, я даже боялся ѣхать, какъ будто по ниточкѣ какой шелъ позадъ и вотъ, вотъ она перервется, но Господь далъ—проѣхали благополучно.—За Волгой уже другая картина, степи и природа мнѣ болѣе знакома, болѣе подходит на родную мнѣ, населеніе рѣже! Въ Самару приѣхали уже въ 9 час. вечера, городъ хорошій, но вокзалъ плохъ; наши поѣхали въ городской садъ обѣдать, а я остался, поужиналъ и легъ спать.

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Жизнь священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о: Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

(Продолженіе).

16-е Іюня.

Сегодня такъ прошелъ день, что и писать нечего, все повторилось, что и прежде. Приѣхали въ инородческія мѣста татары, башкиры, мордва, черемисы. Продають кумысъ. Туркестанъ очень красивый городъ издали, только лишенъ значительности. Цѣлый день ѣдемъ отрогами какихъ-то горбыляди въ „Абдуино“, пища была плохая; все здоровы, слава Богу, все благополучно. Завтра Уфа, ложусь спать..

17-е Іюня.

Уфа. Утро. Чудный видъ на городъ, расположенный в крутой горѣ: длинный мостъ чрезъ „Бѣлую“ проѣхали благополучно, мосты все охраняются часовыми. Отъ самаго Туркестана стали попадаться татарскія деревни съ мечетями. Странное съ непривычки впечатлѣніе производять эти минареты съ полумѣсяцами... Въ Россіи и полумѣсяцъ свободно сіяетъ надъ селомъ, а говорятъ еще о русской терпимости; и сколько такихъ селъ проѣхали мы!.. Но это страшны татары здѣсь, въ своей обычной обстановкѣ, бороды и безобразны, башкиры тоже; я раньше думалъ, что только наши мужики отличаются нечистоплетностью, однако инородцы такіе же, постройки ихъ точь въ точь русскія, мечети деревянныя и небогатія. Въ Уфѣ на вокзалѣ встрѣтилъ меня подполковникъ Быковъ съ женой, бывшій у меня въ Орлѣ, очень хорошіе люди,—угостили меня чаемъ и проехали со мной полтора часа, въ 9 часовъ тронулись далѣе. Намъ предупреджали въ Уфѣ, чтобъ мы весь день не ложились отдыхать, смотрѣли въ оба, такъ какъ виды откроются изумительныя. Дѣйствительно, что пришлось увидѣть, то

и описать трудно. Съ одной стороны большая р. Бѣлая, по которой плывутъ пароходы, плоты, съ другой—горы, сплошь покрытыя дремучими лѣсами. Это начались предгорія Урала, но эти виды были только цвѣтики, ягодки же впереди.—Станція „Аша Балановская“; подъѣжая къ ней, мы увидѣли огромную гору, покрытую лѣсомъ, конусообразную... Какъ будто кто нарочно убралъ ее зеленью, всѣ назвали ее „красавицею“, да и по достоинству. На этой станціи мы обѣдали ѣли отличную солянку и цыплятъ. Тронулись далѣе и буквально замерли отъ восторга, всѣ высыпали къ окнамъ, боялись потерять мгновение, переѣзжаемъ Уральскія горы, ѣдемъ по берегу горной и быстрой рѣчки „Симъ“, между огромными горами и скалами, покрытыми чуднымъ лѣсомъ!—Горы и скалы одна причудливѣе другой: то конусъ, то опрокинутая чаша, то вдругъ совершенно отвѣсная скала страшной высоты изъ краснаго камня, какъ обрубленная и полированная, съ трещинами—пещерами! Живо представилась мнѣ Аѳонская гора съ ея подвижниками; смотря на эти горы, скалы и пещеры, такъ и кажется, что вотъ—вотъ выйдетъ изъ нихъ какой-нибудь старецъ въ родѣ св. Петра Аѳонскаго и благословить насъ, но... это только кажется, на самомъ дѣлѣ всюду грязные татары и заводскіе рабочіе! Вдругъ сердце замерло, мы несемъ въ упоръ прямо на огромную скалу,... еще минута и разобьемся, но... внезапный поворотъ и предъ глазами эта гранитная громада открыла какъ-бы зіяющій зѣвъ, готовый поглотить насъ... она оказалась разсѣчена могучею рукою человѣка на двѣ гранитныя половинцы, и мы несемъ по длинному каменному коридору... невольно у всѣхъ вырвался крикъ восторга..., вылетѣли изъ каменныхъ объятій и снова мчимся, навиваясь змѣей, по берегу Сима и Юрзона. Какія чудныя горныя рѣчки, быстрыя, бурныя, часто встрѣчаются малые водопады. Коридоровъ было нѣсколько. До вечера успѣли видѣть два завода сталелитейныхъ съ заводскими селами; какъ красиво они расположены между горами, производятъ совершенно подобіе ауловъ; живутъ очевидно зажиточно, соломы нигдѣ не видно, вездѣ крыши деревянныя и желѣзныя. Особенно поразила меня бѣлая часовня на высокой горѣ надъ заводомъ: стоитъ какъ св. часовая надъ Ураломъ, выше всѣхъ мива-

готовъ, и осѣняетъ крестомъ своихъ всѣхъ этихъ тружени-
ковъ стали и угля, копающихся въ Уральской старой гру-
ди!.. Ахъ красота, красота природы, какъ она возвышаетъ
душу, приближаетъ къ Богу!.. Офицеры говорятъ мнѣ: „смо-
три на окружающее, можно-ли не вѣрить?“—Да, если бы всегда
и всѣ обращали вниманіе на окружающее и искали истины,
то много, много природа помогла бы имъ... А все-таки мы
уже оканчиваемъ Европу и въѣжаемъ въ Азію... прощайте,
Европейцы, мы станемъ уже Азіятами, но повѣрьте, лю-
бить васъ искренно не только не перестали, но еще больше
любимъ, сердце такъ и рвется къ вамъ... однако стальная
машина не дремлетъ, а все тащитъ не къ вамъ, а отъ васъ,
все впередъ и впередъ! Дорога крайне опасна: съ одной
стороны отвѣсныя скалы, съ другой быстрая рѣка, а поѣздъ
бѣжитъ, постоянно изгибаясь то вправо, то влево: случись
зрушеніе—спасенья нѣтъ!—Что за воздухъ въ горахъ, какъ
онъ чистъ и свѣжъ, настолько, что на очень далеко отсто-
ящей отъ насъ горѣ собирающаяся вокругъ костра толпа
рабочихъ, разговариваетъ между собою и мы слышимъ даже
отдѣльныя слова: „только два окуня поймалъ“... Вечеръ...
Всходитъ огромная луна, какъ горный фонарь, точно выходитъ
рассматривать всѣ-ли горы въ порядкѣ и на мѣстахъ, не на-
рушили-ли данной имъ отъ Творца гармоніи? Вотъ она
сверху горы, вотъ нырнула въ долины и медленно и покойно
спускается въ высь небесъ... все въ порядкѣ, горы не грѣш-
ные люди, онѣ не пойдутъ противъ законовъ Вседержите-
ля!.. А вотъ какимъ темнымъ покрываломъ ложится тѣнь
отъ большихъ горъ на меньшія и на долины, ахъ эти до-
лины, онѣ сейчасъ скроются въ этомъ темномъ покрывѣ,
а какъ онѣ хороши днемъ при свѣтѣ солнца!.. Змѣйкой
бѣгутъ по нимъ серебристыя горныя ручьи, переливаясь
тысячами самоцвѣтныхъ камней, ярко зеленѣетъ трава,
все блеститъ, нигдѣ ни пылинки, и все покрыто цвѣтами раз-
ныхъ сортовъ, точно коверъ, подобнаго которому не было
даже у Соломона. Я забрался на открытую платформу, сѣлъ
за козлы командирскаго экипажа и отдался въ уединеніи
думать о пережитомъ сегодня!..

„Сядисъ“ раздается сигналъ и я вышелъ изъ своихъ
думъ. Ыдемъ дальше, начался туманъ, хочу встать въ 3
часа, чтобы видѣть Златоустъ. Ложусь.

18-е Июня.

Всталъ въ 8 часа утра, туманъ, какъ инсель, ничего не видно: оказывается, я одинъ: мой сожителъ, говорить, восхитившись видами, зашелъ на станцію въ горахъ вечеромъ, да тамъ по неизвестной причинѣ и остался, значить я сегодня въ одиночествѣ.

Въ 4½ часа утра прѣхали въ Златоустъ, города не видно, пилился кофе и чаю. Осталась одна станція—и Европѣ конецъ; рѣшили отслужить молебенъ на границѣ. Прѣхали ст. „Урашикл“, послѣднюю европейскую станцію, и я началъ служить молебенъ, во время пѣнія тропаря св. Митрофанію тихо, замедливши ходъ, подвѣхали къ завѣтному каменному столбу—границѣ Европы и Азии и при пѣніи „Иисусе Сладчайшій, спаси насъ“, „Пресв. Богородица, спаси насъ“,—перѣхали границу. Я, стоя на площадкѣ-ступенькахъ вагона, благословилъ Европу,—затѣмъ, обернувшись, благословилъ Азію. Минута эта была памятная на всю жизнь: по окончаніи молебна, при пѣніи „Спаси Господи люди Твоя“, всѣ прикладывались къ кресту, я обходилъ вагоны. Горы оканчиваются, прѣхали ст. „Хребетъ“ и теперь зпѣзагами спускаемся съ Уральскихъ горъ въ сибирскія долины. Прилежъ отдохнуть, сейчасъ Челябинскъ, хочу пойти въ баню; здѣсь дневка. Слава Богу, первую часть пути сдѣлали благополучно, только одна лошадь пала во 2-омъ эскадронѣ.

Въ 4 часа вечера прѣхали въ Челябинскъ, города почти не видно, онъ на равнинѣ въ 1½ версты отъ станціи. Господи, что здѣсь на военной платформѣ творится: прямо столпотвореніе Вавилонское, собралось шесть эшелоновъ нашихъ да столько-же 52-го полка. Масса лошадей прямо около платформы въ кучкѣ, всѣ привязаны къ временнымъ веревочнымъ коновязямъ, ржаніе, визгъ, крики солдатъ на лошадей, масса оружія, сѣдель, фуража, солдатъ, офицеровъ... всѣ суетятся, кричатъ, спрашиваютъ... затрепали бѣднаго коменданта. На самомъ вокзалѣ не лучше, тоже толпа и притомъ не только наполняетъ залъ, но прямо на платформѣ расположились—дамы, сестры милосердія, врачи, офицеры, солдаты, сѣрые мужики; все это сидитъ—иные прямо на пѣлу, другіе на чемоданахъ, узлахъ. Здѣсь-же ѣдятъ, пьютъ чай, снуютъ носильщики, орутъ

спать матомъ дѣти! Закопалось мнѣ пойти въ буфетъ выпить воды водовой, — вкожу, едва протолкнулся, спросилъ бутылку, клюквеннаго квасу, такъ какъ вода выпита вся жара здѣсь болѣе 30°), кое-какъ выпилъ, самъ подошелъ къ буфету, заплатилъ, никто не спрашиваетъ платы, нѣтъ возможности услѣдить, всѣ столы заняты сплошь и между-столы!.. Бѣжить солдатъ и говорить мнѣ: „васъ спрашиваютъ какой-то священникъ!“ — Иду и кто-же? — братъ о. Аркадія изъ Екатеринбургга прѣхалъ встрѣтить меня, я былъ очень радъ ему, поговорили съ нимъ около часу; въ это время прѣхала Нат. Аф., и я поѣхалъ къ нимъ на ихъ городскую квартиру. Бѣду на извозчикѣ въ городѣ.. широкія улицы, даже электрическое освѣщеніе, / одно плохо — улицы всѣ немощенныя.. Городъ большой, до 30 тысячъ жителей. Меня поразили здѣшнія лошади, маленькія такія, но сильныя и бѣгутъ страшно быстро, растительность на нихъ очень большая, грива до земли. Проѣхали мимо хорошаго женскаго монастыря, рядомъ тоже хорошее бѣлое училыще, съ отдѣльною при немъ церковью. Встрѣчаюсь прямо таки поразительной архитектуры дома, построены сплошь изъ гранита, напр. желѣзнодорожное собраніе. Но прѣхавъ на квартиру выжили по стакану чайку и съ К. отправились въ баню. Взяли номеръ за 1 руб., который обыкновенно стоитъ не дороже 35—50 к., предбанникъ плохой, но самая баня хорошая, я вымылся отлично, спать пріятно послѣ 8-ми сутокъ пути и мыться!.. Хочу завтра поисповѣдываться и причаститься св. Тайны. О, если-бы это удалось, какъ я былъ-бы радъ! Радужная ховайка къ моему возвращенію уже устроила уху и мягкую постель, пріятно поныжить послѣ долгаго путешествія! Много получила здѣсь писемъ отъ духовныхъ дѣтей, весьма отрадно прочесть, забыль и усталость, читаю... 12-ть час. ночи. Пора спать!

19-ое Іюня.

Ночеваль у К., всталъ въ 6 ч. утра и пошелъ въ женскій монастырь исповѣдываться и причаститься св. Тайны. Пришелъ въ монастырскій соборъ какъ разъ въ то время, какъ монахиня только что начала читать правило ко причащенію, я прослушалъ его. Затѣмъ пришелъ моло-

дой монастырской священникъ, оказавшійся Воронежскимъ, даже сосѣдомъ изъ Россіи, онъ предложилъ мнѣ отслужить литургію, на что я съ радостію согласился. Понесовѣдывавшись у старца, я совершилъ св. Литургію, первую въ Азіи. Отлично пѣли монахини, была игуменья Раваала; приобщилъ болѣе 30 человѣкъ—хорошо было служить въ храмѣ прекрасный, и пѣніе; но люди... ни души знакомой, родной... такъ и замретъ сердце, какъ оглянешься на народъ! Какъ я радъ, что приобщился св. Таинъ, гдѣ теперь еще придется?! У игуменьи въ кельѣ пилъ чай, пѣлъ свѣжую клубнику. Напутствуемый благословіемъ и благожеланіями, на монастырской лошади вернулся я подъ гостепріимный кровъ Нат. Аф. Немного отдохнулъ, почиталъ письма, написалъ, пообедалъ, поговорили, а часы уже показываютъ 4 часа вечера, въ семь час. поѣздъ уходитъ, а мнѣ нужно еще перегрузиться въ другой вагонъ, пора на вокзалъ. Простился и поѣхалъ на сибирскомъ извозчикѣ въ плетеной корзинкѣ на станцію. Стоитъ сибирскій поѣздъ, везетъ пассажировъ на Иркутскъ и между ними отрядъ сестеръ милосердія...

Поѣздъ нашъ еще не подавали, народа масса и прежняя толкотня, послужалъ половину всенощной, подали поѣздъ. Намъ отвели чудный Пульмановскій вагонъ 2-го класса, мнѣ дали отдѣльное купе и я устроился въ немъ какъ дома съ полнымъ комфортомъ, всѣ восхищаются моею „каюткой“. За полчаса до отхода поѣзда окончили мы перегрузку, я умылся и вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ и провѣдать своего „друга“, ничего, онъ пока здоровъ и веселъ. Поѣздъ подвезли къ пассажирской платформѣ, гдѣ играетъ наша музыка. Простился съ К.—поѣхали, прощай гостепріимный Челябинскъ!... ходъ у поѣзда мягкій, можно писать на ходу. Началъ осматривать вещи свои... добрая Наталья Аф. опять надолго зарядила меня: цыплята, сыръ, огурцы, картофель, рѣдиска, апельсины, лимоны, пирожки, овѣчки... дай Боже ей благодати! Пошелъ въ вагонъ къ генералу и передалъ ему просфору, а также всѣмъ офицерамъ,—они были рады... 12-тый часъ ночи, развсплывала, уснуть не могу, а тутъ еще мухи,—надѣлъ на себѣ сѣтку и только тогда уснулъ.

20-ое *Юня.*

Плохо спалъ, часто просыпался, воевалъ съ мухами, которыя какъ-то ухитрились пробираться подь сѣтку, наконецъ я догадался завязать сѣтку себѣ подь бороδοю и за-былся еще часа на два. Въ 7 ч. всталъ, смотрю въ окно. Природа здѣсь пошла однообразная—степь, но земля роскошная, родить прекрасно и особенно пшеницу. Съ самаго утра почти на каждой станціи масса народа,—и что за народъ въжливый: всѣ снимаютъ шапки съ хлѣбомъ-лещешками пшеничными, лотки съ кренделями и яйцами, которые они, если по вагонамъ, давали солдатамъ, такъ что къ вечеру въ каждомъ вагонѣ собралось по большой кучѣ лепешекъ и всякой снѣди! На одной станціи мужикъ разносилъ въ подарокъ чудный свѣжій лукъ и я соблазнился взять себѣ пучокъ, которымъ за завтракомъ съ удовольствіемъ лакомился!—Къ 11-ти час. утра прѣѣхали на ст. „Зырянка“ и здѣсь я отслужилъ обѣдню, во время которой говорилъ шелону краткую проповѣдь о необходимости въ предстоящихъ трудахъ взаимной любви и поддержки, а также соблюденія строгаго послушанія начальству, храненія дисциплины. Постѣ раздавалъ св. книжки и листки солдатамъ и народу. Нужно было видѣть радость станціонныхъ служащихъ и усердіе, съ которымъ они молились; оказывается, церковь въ нихъ въ 15-ти верстахъ и службы на станціи никогда не бываетъ. Пѣли по-прежнему всѣ, и вообще Богослуженіе прошло съ такимъ-же одушевленіемъ и радостью, какъ и 13-го юня. Въ 1-мъ часу дня прѣѣхали въ гор. Курганъ, Тобольской губ. Городъ порядочный, тысячъ 20-ть жителей, порядочно поляковъ; хороша мостъ чрезъ р. Тоболь. Дорога вездѣ охраняется часовыми изъ запасныхъ. Въ Курганѣ мы обѣдали. Ёли зеленыя щи, цыплятъ; играетъ наша музыка, публики масса. Ёдемъ дальше, все благополучно, только одно неудобно: паровозы отапливаются углемъ и притомъ очень плохимъ, поэтому дымятъ невообразимо. Ложусь. Во 2-омъ эскадронѣ пала лошадь, уже вторая въ полку.

21-ое *Юня.*

Спалъ эту ночь очень хорошо, всталъ по орловски рано—въ 5 ч. утра, а по здѣшнему очень поздно, почти въ

8 ч. утра, разница во времени достигла уже почти трех часовъ, значитъ далеко улетели отъ милой родины!... Всталъ, прибрался... именно самъ прибрался, нарочно не вею Ксенофонту, хотя оны часто заходятъ ко мнѣ, очень люблю самъ возиться и жить какое-нибудь рукоделье, сдѣлать себѣ и стурка для пояса и для туфель! Такъ вотъ я всталъ, прибралъ постель свою, сметъ щеткой пылъ, побрызгалъ и подметель въникомъ.—удовольствие получилъ большое, я очень люблю свою квартирку—купѣ и соблюдаю ее въ чистотѣ и порядкѣ всѣмъ на удивленіе! Помолился Богу, послалъ на столикъ чистую салфетку, досталъ просфорныхъ сухариковъ и попилъ чайку. Въ окно и смотрѣть не тянетъ: однообразная степь съ жидкими деревцами и солончаковыми озерами. Только и разнообразіе, что встрѣчаются въ степи огромныя табуны киргизскихъ коней, стада скота и около нихъ гарцующіе на своихъ карликахъ—коняхъ киргизы съ длиннѣйшими кнутами. Охъ, ужъ эти киргизы и удивительный народъ, на воздухѣ 33° жары, а они шеголяють въ ватныхъ халатахъ, крѣпко затянуты поясами и на головахъ мѣховыя шапки,—лица загорѣли, какъ уголь, замазаны саломъ... однимъ словомъ, такіе фигуры, что мнѣ очень не хотѣлось-бы встрѣтиться съ ними одному въ степи! Въ полдень завидѣлся городъ Петропавловскъ, это уже Акмолинская область, земля войска Сибирскаго—казковъ. Городъ очень живописно разбросанъ на гористомъ берегу р. Ишима (притокъ Иртыша), чрезъ которую перекинутъ длинный мостъ. Въ городѣ поражаетъ обиліе мечетей—ихъ 5, видимо богатыя, всѣ каменные, съ высокими минаретами. Оригинальны мусульманскія кладбища: на каждой могилѣ поставленъ маленькій домикъ, покрытый желѣзомъ. Жара страшная. Вышелъ на станцію, буфетъ номѣщается въ палаткѣ, духота невообразимая, кое-какъ съѣлъ тарелку ищей, выпилъ воды и пошелъ гулять въ станціонный садикъ. Осматривалъ вокзальную церковь—очень красивая, съ дубовымъ иконостасомъ. Вывели лошадей, сдѣлали пробѣжку: у насъ пока все благополучно, а вотъ въ 4-мъ эскадронѣ неладно: сейчасъ получили телеграмму, что заболѣлъ солдатъ, котораго оставили въ Курганѣ, да у лошади солнечный ударъ. У насъ же вышелъ казусъ: вырвалась лошадь и убѣжала въ

степь, два солдата верхами не могли нагнать,—такъ и уѣхали; на слѣдующей станціи за 16 верстъ киргизы привели ее къ нашему поѣзду—подмани. Славо Богу, разразилась гроза, прошелъ хорошій дождь и стало легче. Ыдемъ дальше, я перебрала вещи, надо умудриться такъ уложить, чтобы можно было помѣстить въ двуколку. Наступилъ холодный вечеръ, все попрятались по своимъ гнѣздамъ.

22-ое Іюня.

Странная здѣсь температура: днемъ жарко, ночью холодъ. Спать довольно хорошо, всталъ пораньше, чтобы не проспаться р. Иртышъ, которую будемъ переѣзжать предъ г. Омскомъ. Только что успѣлъ одѣться, какъ уже завиднѣлся г. Омскъ, очень красиво расположенный на холмистомъ берегу многоводнаго Иртыша... Вотъ и рѣка, опять длиннѣйшій мостъ, смотрю на воду и вспоминаю судьбу Ермака Тимофѣевича, плавшаго по этой самой рѣкѣ въ тяжелой бронѣ... онъ не смогъ побороть быстроты течения и утонулъ... Да, течение очень быстро... сердце замираетъ при этомъ воспоминаніи, думалъ-ли я, когда училъ исторію, что увижу своими глазами эти мѣста?!... Вѣрно, что отъ Господа пути человѣка исправляются!! Рѣка судоходная, обгудуть пароходы, плывутъ баржи. Вокзалъ въ 4-хъ верстахъ отъ города,—ихъ соединяетъ вѣтка желѣзной дороги, поѣзда ходятъ въ городъ и обратно каждый часъ.—Около вокзала огромная слобода, скорѣе похожая на городъ, такъ какъ въ ней красуется много очень хорошей и оригинальной постройки домовъ, церковь. Спрашиваю, что это за селеніе? кондукторъ отвѣчаетъ, что десять лѣтъ назадъ здѣсь не было ни одного дома, а съ проведеніемъ желѣзной дороги образовался цѣлый городъ.

Стоимъ три часа. Генераль поѣхалъ представляться генераль-губернатору Сухотину, а офицеры осмотрѣть городъ. Приѣхали въ восторгъ отъ магазиновъ, театра, зданій, Иртыша.

Переѣхали на продовольственный пунктъ въ 15 мин. отъ главнаго вокзала, вывели лошадей, трубачи поѣхали въ Иртышъ купаться и купать лошадей. Опять горе: вырвались изъ лошадей и ускакали въ степь, такъ мы и уѣхали, а лошадей нѣтъ; сдѣлали заявленіе коменданту. Я пошелъ въ

солдатскую лавочку, купилъ бѣлаго хлѣба и далъ М. и К., себѣ-же двѣ французскихъ булки, напился чаю, погулялъ, написалъ письма. Михайло подалъ письмо отъ В. Ив., спасибо ей, съ удовольствіемъ читалъ. Въ 1½ ч. пріѣхалъ генераль и мы пошли на главную ставцію объѣдать, я ѣлъ щи и свѣжую Иртышскую рыбу съ хрѣномъ! Подошелъ эшелонъ Нѣжинскаго полка и съ нимъ батюшка о. Владиміръ, я пошелъ посмотрѣть его помѣщеніе въ вагонѣ, очень тѣсно: на каждой скамьѣ сидятъ и сбоку, я его приглашалъ къ себѣ въ гости—въ купэ, онъ прямо пораженъ, какъ меня удобно устроили. Поговорили, я угостилъ его апельсинами... Тронулись далѣе. Это мы были въ мѣстахъ, которыя на судебномъ нарѣчій называются „не столь отдаленными“, теперь вступаемъ уже въ „отдаленныя“... Степи и степи, чахлыя березы да горячій навозъ по мѣстамъ,—вотъ и весь ландшафтъ по пути нашему, нѣсколько станцій проѣдешь и никакого жилья, ни селъ, ни церквей, просто скука!... Сталъ больше читать. Мои спутники стараются не поддаваться унынію, бодрятся. Ложусь очень рано и очень поздно—по нашему въ 9-ть час. веч., а по здѣшнему въ 12-ть час. ночи; просто перепутались, не знаешь по какому времени располагать жизнь?! Станціи и буфеты всѣ имѣютъ часы по Петерб. времени и какъ-то странно: садимся объѣдать, значить 1 часъ дня, а на часахъ стоитъ —10-ть утра.

23-ое Іюня.

5½ час. утра. всталъ; пріѣхали въ г. Каинскъ; самого города не видно почти, днѣ въ 12-ти верстахъ. Стоимъ два часа, велѣлъ осѣдлать „друга“, закололъ волосы, надѣлъ манчжурскую шляпу съ назатыльникомъ и поѣхалъ съ офицерами. Катался съ полчаса шагомъ, рысью и галопомъ немного, жарко да и лошадь жалъ: комары и оводы одолѣли, расѣдлали. Напился чаю съ просфорными сухарями и рѣшилъ сегодня, попоститься—среда. У меня есть двѣ воблы, три огурца, двѣ луковицы, да нѣсколько апельсинъ, значить можно, вотъ только бы картошечекъ раздобыть вареныхъ. Бѣгу въ казарму-кухню, прошу у солдатъ,—нѣтъ варенаго, пообщали сварить и дѣйствительно черезъ полчаса солдатъ принесъ мнѣ въ вагонъ штукъ 15-ть

артофелинъ горячихъ, въ мундирахъ. ну что это за пре-
сть, съ удовольствіемъ пообѣдалъ. Еще запилъ чайкомъ
и, какъ говорятъ у насъ, „теперь я житель“, а зарядить-
ся и особенно чайкомъ нужно, теперь болѣе чѣмъ на сто
верстъ начнутся непрерывныя болота, и вода такая гниль,
то мѣстные жители только по привычкѣ переносятъ, а насъ
предупреждали не пить, потерпѣть. Поѣхали. Дѣйстви-
тельно, непроглядныя пошла болота и степь—Барабинская;
вѣдь вода, покрытая плѣсенью, въ вагонахъ сидѣть невоз-
можно отъ неисчетнаго множества нападающихъ на насъ
болотныхъ обитателей, какъ мы ихъ называемъ „пео-
въ мухъ“ и „японцевъ“. Представьте себѣ тамъ, въ Европѣ,
въ жаркій лѣтній день васъ окружаетъ масса мухъ... вы
загодуете, отмахиваетесь,—теперь подумайте, что переживали
мы, когда вагонъ и воздухъ полны не только мухами, но
также „роями“ оводовъ, стрекозъ, кузнецовъ преогром-
ныхъ, комаровъ, мошекъ?!... все это кружится, жужжитъ,
тукается въ наши головы, кусаетъ... только и слышишь
шлепъ, шлепъ“, да неслестные для этой кампаніи эпипеты,—
то мы воюемъ съ „японцами“, кровопролитіе ужасное, но
насъ меньше и „японцы“ одолеваяютъ. Наконецъ я вспом-
нилъ, что у меня есть марля, сейчасъ-же досталъ: спинка
шла надъ диваномъ поднята, такимъ образомъ, образовался
карманъ, вмѣщающій три клухихъ стѣны, а четвертую я завѣ-
силъ марлею, спать будетъ идеально, ни одного комарика.
Вѣдь, мнѣ вѣдь хотѣлось-бы не только спать безъ „япон-
цевъ“, но и днемъ не быть въ ихъ почтенномъ обществѣ,
чтобы можно было пописать, почитать, поѣсть, попить,—но
если закрыть окно—душис, тогда я вымѣрилъ открытое
окно, отрѣзалъ по размѣру кусокъ марли и кнопками туго
натянулъ окно,—теперь уже снаружи ни одинъ „японецъ“
не мнѣ не залѣзетъ.—Потомъ начался рѣшительный бой съ
ставшимся на моей территоріи непріателемъ. Я вооружился
самымъ дѣйствительнымъ и новѣйшимъ оружіемъ—вѣни-
комъ и произошла генеральная битва, послѣ которой только
нѣсколько „японцевъ“ благополучно удрали въ полуотво-
ренную дверь, а главная масса пала въ бою, такъ какъ я
вѣнчикомъ носился по купѣ съ вѣшникомъ, поражая напра-
во и налѣво, даже потъ прояслять!... По окончаніи сраженія

я съ честію и тѣмъ-же вѣвникомъ выметъ трупы непріятелей и теперъ сижу въ купѣ своемъ, наслаждаюсь: и воздухъ свѣжій, и ни одной „песьей мухи“. Всѣ приходили ко мнѣ и отъ души завидовали. Великое спасибо Олѣ и Вѣрѣ, что положили марлю. Теперъ я уже почти не выхожу въ корридоръ вагона, а гуляю у себя въ купѣ, т. е. дѣлаю 2¹/₂ шага впередъ и столько-же назадъ.—пріятное гулянье?!

Вдемъ уже цѣлый день и только къ вечеру встрѣтили небольшое село съ церковію, на берегу озера-болота. бабы выносили продавать карасей, жареныхъ въ сметанѣ.—Странная здѣсь постройка: крыши почти всѣ покрыты землею съ дерномъ. Кругомъ на необитаемыхъ мѣстахъ вездѣ курится навозъ, варочно жгутъ и этимъ немного ограждаютъ себя отъ комаровъ и оводовъ! Замѣчательно, что животныя сами лѣзутъ въ дымъ и стоятъ тамъ. На жителяхъ надѣты сѣтки или просто почти наглухо обвязаны платками съ прорѣзомъ для глазъ. Вечеръ, залѣзъ подъ марлю спать, завтра утромъ „Объ“.

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

(Продолженіе).

24-е Іюня.

Утро, 6 часовъ, наскоро одѣлся, сейчасъ переѣзжать широкую и глубокую сибирскую р. „Обь“ по мосту немного меньше Волжскаго, на другой сторонѣ станція „Обь“ и новый городъ „Николаевскъ“. На ст. „Кривошеково“ простояли лишнѣхъ два часа, такъ какъ въ „Оби“ собралось уже восемь эшелоновъ и насъ было некуда принять... наконецъ тронулись. Переѣхали р. „Обь“ благополучно, — уже стали свыкаться съ длиннѣйшими мостами и многоводными рѣками, а сначала жутко было! Рѣка очень оживлена, много пароходовъ и баржъ, видимо р. Обь хорошая водная торговая артерія, да еще на самомъ берегу станція „Обь“, — это соединеніе желѣзнодорожнаго и воднаго путей сдѣлало то, что здѣсь образовался торговый пунктъ, теперь уже городъ „Ново-Николаевскъ“ или, какъ всѣ зовутъ, „Никольскъ“. Девять лѣтъ назадъ на мѣстѣ этого города была непроходимая „тайга“, медвѣди, и ни одного дома буквально, а теперь хорошій торговый городъ съ сорока тысячами жителей, чуднымъ соборомъ, еще тремя церквами, прекрасными школами, магазинами... прямо по американски, да и городомъ-то сталъ только съ 15 янв. 1904 г. Городъ очень живописно расположенъ на крутомъ берегу „Оби“. Приѣхали, выгрузились, здѣсь стоимъ двое сутокъ; путей запасныхъ мало, а собралось десять эшелоновъ... что творится на коновязяхъ! Просто ужасъ: двѣ тысячи лошадей собраны вмѣстѣ на веревочныхъ коновязяхъ, ихъ кусаютъ мухи, жара, лошади дерутся, кусаются, ржутъ, визжатъ!.. Здѣсь же работаетъ интендантская ружка, сушильня, вѣялка. — Все шумитъ.

кричить и покрыто тучею пыли—пу картина! что же будетъ да войнѣ?—страшно подумать. Терпѣли, терпѣли солдаты, да и взялись за кнуты, хворостины и пачали строитивыхъ кусакъ и драчуновъ отхлестывать, только этимъ и смирили немного,—послѣ уже только крикнеть солдаты да покажетъ кнутъ—сейчасъ страсти лошадинныя стихаютъ. Вотъ и подите—кнутъ помочь, я самъ свидѣтель, что среди этого ада другого ничего не оставалось дѣлать!.. Къ вечеру выкупали коней, напоили, накормили, спала жара и немного стихомирилось! Боже мой! пѣльныхъ 6 писемъ принесли, изъ нихъ 2 отъ Оли, одно отъ Ник. Якъ; какое счастье увидѣть въ такой дали родной почеркъ, услышать милую рѣчь, говорю: „услышать“, именно такъ: когда читаешь здѣсь письмо съ родины, то въ воображеніи воскресаетъ самый голосъ пишущаго. Слава Богу, Оля бодрится и смирилась. О, если бы это было не въ письмахъ только, но и на дѣлѣ?!.. Конечно, сейчасъ-же отвѣтить... Идетъ подполковникъ 52 полка и говоритъ: „совѣтую пойти въ баню, здѣсь рядомъ хорошая, казенная!“ Вотъ радость-то, я уже собрался было ѣхать въ городъ въ дрянную, грязную баню; конечно, сейчасъ-же съ Мих. пошелъ мыться, дѣйствительно, прекрасная баня и мы вымылись отлично. Вообще на этомъ пунктѣ построено нѣсколько огромныхъ каменныхъ зданій въ два и три этажа каждое; въ нихъ находятся: офицерскіе номера, солдатское помѣщеніе, столовая, офицерскія и солдатскія бани, лазаретъ, прачешная, все это даромъ для отдыха и чистки производящихъ войскъ! Спасибо великое устроителямъ сказали мы, да и всѣ говорятъ, конечно, тоже. Солдаты мои что-то расклепились: у Мих. пачипается флюсъ, а Кс. сегодня не будетъ цѣлый день ничего и все его тошнить, но они бодрятся и меня утѣшаютъ, хорошие люди и какіе сердечные, напр. Ксен. потихоньку отъ меня спрашиваетъ Мих. Матв.: „дорошо-ли я сплю, ѣмъ-ли, гуляю-ли? Или вотъ еще: вхожу въ большой оставокъ послѣ гулянья въ свое купѣ—смотрю меня цѣлая канцелярія: Мих. и Кс. оба пишутъ письма, спрашиваю: „кому вы это пишете?“ Отвѣтъ: „нашей матушкѣ, она бѣдная навѣрное теперь скучаетъ“. И какія письма, до того сердечныя, утѣшительныя, что, право, слеза пошибаетъ.—Хотѣлось-бы очень здѣсь устроить общій мо-

дебенъ для съѣхавшихся духовныхъ дѣтей и побесѣдовать съ ними, но кажется не придется: такая сутолка, и солдатамъ съ лошадыми и фуражемъ столько возни, что прямо таки и времени не выбрать и людей не собрать! Вообще мое главное дѣло въ пути сводится только на служеніе своему эшелону, а полку всему—служба только домашней молитвой, поминая путешествующихъ духовныхъ дѣтей моихъ и прося имъ отъ Бога прощенія грѣховъ, благоградской помощи въ трудахъ и благословенія. Обѣдалъ въ желанодорожномъ собраціи, послѣ писалъ пѣсьма, допилъ чаю и рѣшилъ покататься верхомъ, порамяться къ Байкалу. Отъ ст. „Иннокентьевской“ прямо пойдѣмъ походомъ три дня, не хочу отставать отъ полка, неловко это во первыхъ, а затѣмъ нахожу нужнымъ совершить этотъ предварительный походъ, чтобы закалиться, приготовиться къ будущему продолжительному Манчжурскому походу. Конечно, за три дня усгану, но затѣмъ въ поѣздѣ отдохну, а все-таки трехдневная проѣздка мнѣ окажетъ огромную пользу въ будущемъ. Сейчасъ слышалъ разговоръ, передаютъ за вѣрное, что первые эшелоны нашего корпуса уже повернули на Владивостокъ, значить мы будемъ дѣйствовать въ Корей.—6 ч. вечера, осѣдлалъ Кс. „друга“ и мы поѣхали: я на „другѣ“, а Ксен. на „закидкѣ“ безъ сѣдла, я рѣшилъ взять его, можетъ быть, протрясется на воздухъ и выздоровѣетъ. Оригинальный костюмъ былъ на мнѣ: на годовѣ Манчжурская шляпа съ назатыльникомъ, волосы заколоты на теменн, такъ что шея оказалась свободной, сверхъ подрясника плащъ,—почти невозможно было узпачъ во мнѣ священника. Въ такомъ видѣ поѣхали мы сначала на рѣку „Обь“ попить лошадокъ, здѣсь около пристали стоятъ пароходъ казенный, на который сѣли наши пѣселники, генераль, офицеры и поѣхали съ пѣсьями кататься по Оби. Это „водяные“, т. е. чиновники по водной части оказали любезность: пригласили нашихъ покататься на ихъ пароходѣ!

И понеслась удалая Черниговская пѣсня во Сибирь надъ водами быстрой Оби!.. Со времянь Ермака не видали видно Сибирь и Обь въ своихъ нѣдрахъ такого молодецкаго войска!! Глядя на пльвшихъ, живо вспомнились храбрые

казаки Ермака Тим., также плывшие добывать славу царю своему и родинѣ по сибирскимъ рѣкамъ и оглашавшие ихъ дивное такими-же удалыми пѣснями?! Ахъ, пѣсня истинно русская, она какъ и музыка выражаетъ душу народа... слышите, какою широкою волною разливается пѣсня нашихъ эиновъ?! Какая ширь, мощь, энергія въ пѣсняхъ этихъ! Именно только русскіе воины такъ поютъ, въ ихъ пѣсняхъ живо чувствуется безхитрость, простодушіе; вѣра и сила вогушая, именно „долзучая“, непадающая, нетеряющаяся при падающихъ, а идущая все впередъ и впередъ пока не достигнетъ цѣли своей... достигъ и врагъ прощенья, съ нимъ Русь цѣлуется!.. Да, особенно поетъ русское воинство! Грянетъ-ли хоромъ съ бубнами пѣснь военную, заликуетъ другъ — затрепещетъ врагъ; запоетъ-ли хоромъ „Отче нашъ“, — услышитъ Богъ его вѣру и молитву сердечную! Охъ, и люблю же я своихъ воиновъ, съ малолѣтства сталъ любить ихъ, а теперь въ восхищеніи отъ ихъ терпѣнія, безропотности, даже радости, что вотъ де и они „сподобились“ постоить за Русь-матушку, за царя-батюшку; за вѣру Православную“. — Это ихъ слова! Напивши лошадей, я и Ксен. поехали по городу... есть замѣчательные магазины, но въ общемъ молодость еще сильно замѣтна въ городѣ; мостовыхъ нѣтъ, дома многіе разбросаны... впрочемъ, это особенность сибирскихъ городовъ — немошенность; ужъ, кажется, каменъ то подъ рукой, напр. въ Челябинскѣ, а улицы всѣ мощены, даже говорятъ, сама столица Сибири — Иркутскъ, тотъ только два года, какъ вымостили главную улицу, а въ младенца Николаевска-то что и спрашивать?! Во время танца мы увидѣли, какъ пасущаяся корова съ острыми рогами бросилась въ толпу дѣтей и два раза высоко подбросила дѣвочку лѣтъ шести, я думалъ до смерти ее подбодала, нѣтъ, встала и пошла; вѣрно Ангелъ Хранитель допустилъ. Больше часу катались мы. По возвращеніи я выпилъ Ксен. рюмку коньяка и кусокъ ветчины; думаю поспитъ. Выгналъ мухъ. Ложусь.

25-е. Июня.

Утро, стоимъ въ „Оби“. Слышу звонъ въ желѣзнодорожной церкви. поспѣшилъ одѣться и пошелъ къ Бого-

служенію. Пришелъ. еще не начиналась утренняя; простоялъ всю службу, съѣлъ просфоры и пошелъ потихоньку въ свою квартиру—купна. Что сегодня дѣлать? положительно не знаю, зной томительный, хотѣлъ итти на р. Обь, вернулся—нѣтъ возможности. 12¹/₂ ч. дня, пора обѣдать. хочется попоститься эту пятницу; иду въ лавку. гдѣ купилъ себѣ пару чудныхъ копчевыхъ стерлядей за... 25 к., не повѣрилъ, когда сказали цѣну, вѣдь это вкуентѣ сига, впрочемъ, стерляди въ Оби сколько угодно, потому и дешево. Купилъ бѣлаго хлѣба, луку на 1 коп. и пообѣдалъ отлично, вмѣсто горячаго заилъ чаемъ.—Отъ жары расписъ. лежу, постыдно сдавшись и совсѣмъ обезсиленный. Вечеромъ сходилъ на рѣку, полюбовался ея шириною и оживленіемъ, покатався немного на „другъ“. Потомъ встрѣтилъ П., подѣхавшаго съ послѣднимъ эшелонмъ. Какъ пріятно было повидаться съ роднымъ человѣкомъ! Если бы не надпись „Обь“, да не полное отсутствіе родныхъ лицъ, можно было-бы сказать, что мы на „Крючковѣ“ но... на самомъ дѣлѣ въ далекой, далекой Сибири! Попили у меня чайку, подѣлились впечатлѣніями и почти въ часъ ночи улеглись спать!..

26-е Юня.

Плохо что-то сполось, вѣроятно, разволновался свиданіемъ съ П., да и долго воевалъ съ мухами, хотѣлось непремѣнно выгнать всѣхъ до одной, ну и завоевался. Всталъ рано, приготовилъ чай и только что хотѣлъ итти искать П., какъ онъ самъ входитъ ко мнѣ. Попили чай и долго, долго говорили о дорогой родницѣ, милыхъ родныхъ, будущихъ трудахъ, опасностяхъ... возложили упованіе на Бога!

Началась тайга сибирская, мѣстность совершенно измѣнилась, стала холмистая, покрыта сплошь лѣсомъ, деревья уже не чахлая, какъ въ Барабинской степи, а огромной высоты и толстыя.

Встрѣчается много полянъ и овраговъ безъ лѣса, они покрыты густо высокою травой, такой высокою, что коровы видны только наполовину, масса цвѣтовъ разнообразныхъ оттѣнковъ! Воздѣланныхъ полей почти нѣтъ, сель ни одного не встрѣтили до вечера, а лишь при станціяхъ пять десятъ

домовъ новоселовъ-переселенцевъ, еще не устроившихся и не обстроившихся. На ст. „Чабула“ я разговорился съ мужикомъ-переселенцемъ Курской губ. о землѣ,—онъ сказалъ, что землю еще правительство не дѣлило между ними, а падежь каждый, гдѣ хочетъ и сколько хочетъ, также и копать, только деревьямъ безъ разрѣшенія дѣснаго рубить нельзя, да они и боятся уходить далеко въ тайгу, можно легко погибнуть. Солдаты наши купили двѣ косы и косятъ на каждой остановкѣ сѣно, сколько хотятъ. Вотъ въ какую страну пріѣхали, странно даже! Пью безъ конца чай. Мошканы и комары—это здѣшнее бѣдствие; начальники станцій, индуктора, сторожа, рабочіе, всѣ въ сѣткахъ, а бѣдныя лошади прямо мучаются. Купилъ себѣ на одной станціи земляники, поѣлъ и расплатился жестоко, не буду больше ѣсть земляничныя ягоды,—онѣ растутъ на болотистой почвѣ и кажутся вредны.

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

(Продолженіе).

27-е Іюня (воскресенье).

Четыре часа утра (8 по мѣстн.), пріѣхали на станцію „Тайга“, что близъ г. Томска. Ходилъ смотрѣть привокзальную церковь, каменная, но мала чрезвычайно, между тѣмъ, кромѣ большаго числа служащихъ, здѣсь расположенъ довольно большой поселокъ изъ переселенцевъ; замѣчательно, что здѣсь нѣтъ ни одной соломенной кры-

ши. Церковь внутри ремонтируется, службы не бывают. Снапачный сторож—старикъ при этой церкви, оставшой солдатъ; узнавши, что я полковникъ священникъ, онъ воодушевился и сталъ рассказывать, какъ онъ воевалъ въ 1877 г., какъ брали Карсъ и пожалалъ мнѣ, чтобы я на войнѣ подражалъ имъ священнику, а вотъ у насъ батюшка былъ, какъ луна, а при штурмѣ Карса и въ другияхъ битвахъ всегда съ крестомъ въ рукахъ съ нами идетъ; въ атаку ии, и онъ съ нами, благословить крестомъ насъ, а потомъ крестъ за поясъ, ружье въ руки и пошелъ палить, и славно было биться рядомъ съ нимъ (это было въ Абхазскомъ пѣхотномъ полку)*. Фамилію священника старый вояка забылъ. Я поблагодарить его за пожеланіе, хотя и не согласился съ тѣмъ, чтобы мнѣ нужно было заткнуть крестъ за поясъ и брать въ руки ружье, но не сказалъ этого старому вояку, дабы не погашать его воодушевленія. Пошелъ къ генералу, рѣшили служить обѣдницу на ст. „Судженко“, куда приходимъ въ 9 часъ утра по петерб. времени.—Опять идемъ тайгою... прежде я представлялъ себѣ тайгу чуднымъ лѣсомъ, красивой, но оказалось не то. Мы обыкновенно привыкли видѣть лѣсъ зеленымъ, всякое сухое дерево сейчасъ же убираютъ, а тайга—это дремучій лѣсъ, но перепутанный, т. е. среди зеленыхъ дикихъ сосенъ, кедровъ, березъ и т. п. растительности находится масса сухихъ деревьевъ, поломанныхъ, обгорѣлыхъ и тутъ же валяющихся, встрѣчаются десятки десятинъ горьлыхъ деревъ.—эта безжизненность, присутствие сунняка, котораго никто не убираетъ, страшно портить общую картину тайги. На одной станціи разговорился съ крестьяниномъ, переселившимся въ 1853 г. жаловался на трудность воздѣлыванія земли, на плохую почву и много земли, да толку мало, замучились пахотой, а родить скудно,—дѣйствительно, встрѣчающіяся воздѣланныя поля—плохи. Поддерживаетъ здѣшній людъ тайга да сѣнокосъ. Приѣхали въ „Судженку“, я принесъ свои иконы въ залѣ 3-го класса да Евангеліе поставилъ и крестъ, сторожъ принесъ 2 к. свѣчу, вотъ и церковь готова! Собрались генералъ, офицеры и почти весь батальонъ да служащіе,—много богомольцевъ оказалось. Служба, какъ и прежде, прошла очень хорошо, воодушевленно всѣ пѣли, я говорилъ проповѣдь о необходимости честно и

дно исполнять возложенный на насъ Богомъ и Царемъ долгъ, помнить присягу и не только исполнять, какъ приказаніе, но и любить свое дѣло, чтобы совершать его съ сердечностью, безъ зависти и помогая другъ другу! При такомъ исполненіи долга, да кѣ тому же, если будемъ держать себя въ непорочности,—то Господь, Который укрѣпилъ немощи разслабленнаго, укрѣпитъ и наши слабыя силы и благословитъ усиліемъ наши дѣла! Приложидесь къ кресту... вотъ были рады и съ ободреннымъ духомъ побуждали къ вагонамъ вѣхать къ мѣсту исполненія своего долга!

Мѣстность немного веселѣе, тайга рѣже.

Въ Маринскѣ пріѣхали на два часа раньше расписанія:—вотъ и Сибирская дорога, говорили она плохая, а вотъ за сей поры не только нигдѣ не задержались, но и вѣдьмъ идемъ раньше. Маринскъ въ унылой мѣстности, двѣ трети жителей евреи, торговля вся въ ихъ рукахъ; никакъ не думалъ я, чтобы въ Сибиря были и евреи, однако города Каинскъ и Маринскъ почти сплошь населены ими. Здѣсь мы обѣдали, вѣрнѣе ужинали, такъ какъ было уже 7½ ч. вечера. Ложусь.

28-е. Юня. (Сибирская тайга)

Сегодня нечего сказать, только одно: природа рѣзко измѣнилась, опять начались горы; встрѣтилъ Саянскаго хребта; тайга продолжается. Къ прежнимъ обѣдамъ прибавилась новая—мошки, да такія: падаютъ на лицо, въ уши, ноздри, ротъ, за рукава; всѣмъ поголовно въ сѣткахъ, иначе гибель. Въ г. Ачинскѣ обѣдали,—остальное по прежнему. Забылъ упомянуть, что всѣ стрѣлочники и путевые сторожа вооружены револьверами, а въ некоторые и винтовками. Никакъ не могу привыкнуть къ адъшнему шуму: всегда мнѣ жутко, зыгзаговъ на Сибирской дорогѣ, масса подъемы и уклоны очень крутые, такъ что погнѣть то летитъ съ уклона, причемъ налетитъ ужасныхъ завороткахъ вагоны идутъ прямо бокомъ, то едва, едва ползетъ въ гору, и солдаты-деньщики прыгиваютъ на булавки и тайги парвать цѣпковъ для своихъ офицеровъ. Вечеромъ разразилась страшная гроза! удары грома были похожи на залпы нѣсколькихъ орудій;—говорятъ, что въ тайгѣ всегда такія ужасныя грозы! Никто не ложился, заперли окна, вен-

тиляторы и съ трепетомъ ожидали ударовъ, вѣдь поѣздъ идетъ, а въ движущіеся предметы молнія особенно любитъ попадать, но Богъ милостивъ—миновало. Ложусь, завтра пужно рано встать, чтобы видѣть Красноярскъ, куда приѣдемъ по петерб. времени въ 3 ч. 15 мин. утра.

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

(Продолженіе).

29-е Іюня.

Встала въ 6¹/₂ час. утра; ѣдемъ по долину между чудными горами, очень похожими на Уральскія, только одна особенность—нѣтъ скаль и правая сторона покрыта лѣсомъ, а лѣвая—голая, ни одного дерева, а все покрыто травой и раздѣлено подъ пашины. Очень красивый видъ имѣютъ эти горныя пашни и огороды, почти до самой вершины расположены они,—и какъ это взбираются туда пахать?!.. Въ общемъ выходитъ, что горы покрыты какъ-бы правильными четырехугольными коврами: зелеными, сѣрыми, желтыми, черными. Есть горы около р. Енисея очень высокія, особенно одна, даже смотрѣть страшно. Тайга и въ горахъ продолжается, но здѣсь деревья гораздо лучше, чѣмъ на равнинахъ: много огромныхъ деревьевъ пихты, сосны и кедровъ. Смотрю на кедръ и вспоминаю Давида, который изъ кедровъ Басанскихъ построилъ себѣ дворецъ... могучія деревья, и на нихъ-то растутъ такіе маленькіе „сибирскіе разговоры“, т. е. кедровыя орѣхи, какъ ихъ называютъ, такъ какъ сибиряки любятъ разговоривать и щелкать эти орѣхи, какъ у насъ сѣмячки. Завиднѣлся г. Красноирскъ... не даромъ онъ такъ названъ, дѣйствительно, городъ расположенъ на голыхъ горахъ, которыя лѣтомъ, когда солнце выжжетъ

траву — кажутся красными. Красноярск расположен на берегу многоводной и неимоверно быстрой р. Енисей, такой быстроты течения при огромной ширине и глубине, я и представить себя не могъ, напр. около устьевъ (быковъ) железнодорожнаго моста буквально кипитъ и шумитъ, какъ водопадъ. Городъ снаружи очень красивъ, особенно соборъ и дух. семинарія, но внутри нѣтъ ни одной мощеной улицы, хотя камня тутъ-же пропасть, — такая уже, вѣроятно, у Сибирскихъ городовъ традиція! Поездъ подошелъ къ военной платформѣ, расположенной на самомъ берегу р. Енисей, я взялъ съ собою письма и сѣтку и пошелъ погулять къ рѣкѣ. Сѣлъ на скамеечку на берегу Енисей и сталъ осматривать окрестность: прежде всего направо въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня огромный мостъ черезъ Енисей, длиною безъ двухъ саженъ верста, особенно въ этомъ мосту длинны пролеты, на одномъ пролетѣ помѣщается почти весь самый длинный товарный поездъ, — и такихъ пролетовъ шесть. Направо и лѣво отъ рѣки очень большія горы, между которыми зеленяя долины и на нихъ построены дачи, точно гнѣзда ласточекъ, въ бинокль я насчиталъ такихъ шесть дачъ одна надъ другою, такъ красиво, что не оторвешься! Городъ весь какъ на ладони, къ нему бѣгутъ пароходы и тапуть за собою баржи. Первый разъ въ жизни я видѣлъ здѣсь плоты съ пилеными и колотыми дровами, какъ ухитряются удержатъ ихъ въ деревянной очень рѣдкой рамѣ при быстротѣ течения Енисей — не могу понять!

Прямо предо мною высокая съ острой вершиной гора, „сopка“ по здѣшнему, мнѣ она кажется близкою, но спрашиваю у рабочаго „далеко-ли до нея?“ — отвѣчаетъ: „восемь верстъ по прямой линіи“, — вотъ какъ мы жители равнинъ не привыкли къ горамъ!! Обратнo пошелъ черезъ лагерь Красноярскаго резерв. баталіона, на зеленомъ плацу котораго стоитъ очень красивая часовня. Я присѣлъ на ступенькахъ этой часовни отдохнуть, подошли два унтеръ-офицера, вятые изъ запаса Харьк. губ., разговорились, я объяснилъ имъ ходъ войны и причины ея возникновенія, очень были довольны, да и сами очевидно читаютъ газеты. На мой вопросъ: „что тяжело было вамъ бросать все и идти на войну?“ они въ одинъ голосъ отвѣчали: „конечно, не-

легко, да что-же дѣлать, Государь зоветъ, значить пужно; вотъ теперь здѣсь мы и сами видимъ, что еще много. Ему сюда надо народу, по Сибирь-то уже и ратниковъ собрали. На нашу-то губернію татары и разбойники раньше напали, однако отстояли свою кровію,—теперь тихо, отстоимъ и сейчасъ—послѣ и здѣсь будетъ тихо!“ Я буквально записалъ слова ихъ. Второй звонокъ, садимся въ вагоны, поздравилъ съ днемъ Ангела П. П. Г—а. Служить для эшелона негдѣ, далѣе до самаго вечера вездѣ по 10 мин. остановки, впрочемъ, только позавчера молились, рѣшили на ходу въ купѣ у генерала отслужить молебенъ, на которой собрать империанниковъ. Тропулись, съ замираніемъ сердца переѣхали мостъ черезъ Енисей и поѣхали долиною между горами.

Отслужили молебенъ и получили приглашеніе мещаника пожаловать вечеромъ въ его купѣ на бокаль шампанскаго и чашку кофе. Съ большимъ интересомъ продолжали путь среди роскошной природы; хотя немного отдохнули душой отъ однообразныхъ равнинъ Барабинской степи.

Чаще стали встрѣчаться села съ церквами, церкви почти всѣ деревянныя и многія убогія, дома-же у жителей порядочные и рѣшительно всѣ крыты тесомъ.

30-е Іюня.

Ночь прошла благополучно. Слава Богу!

Каждое утро благодарю Бога за ночь и немудрено: эти ужасные уклоны и зигзаги, по которымъ поѣздъ бѣшено мчится и при этомъ ужасно стонетъ—оохъ, оохъ, оохъ—прося тормозитъ,—всѣ нервы мои разбиты, сердце замираетъ; вдругъ слетимъ съ рельсъ, вѣдь нашъ поѣздъ 33 груженыхъ вагона; да два паровоза, тормоза могутъ не сдержать и... такъ каждую ночь! Стоимъ на ст. „Иланская“. напило здѣсь чаю; всѣ наши спятъ: не хотятъ признавать мѣстнаго времени, хотя оно уже на 4½ час. перегнало петерб. время. О природѣ писать нечего, все тоже, что и вчера, только больше стало попадаться огромныхъ стройныхъ сосенъ, издали казущихся красными. На ст. „Юрты“

встрѣтили санитарный поѣздъ—125 раненыхъ солдатъ и офицеровъ, зрѣлище поразительное: половина на больничныхъ рубашкахъ имѣютъ георгіевскіе кресты; большинство имѣетъ наружные знаки отъ ранъ: кто безъ ноги, кто безъ руки, у кого обвязана голова и пр., но все имѣютъ бодрый видъ; офицеры совѣтуютъ запасаться теплой одеждой. Хорошо, что я взялъ все теплое съ собою; поѣздъ ихъ отличный: своя кухня, ванная, доктора, сестры милосердія.

Пріѣхали на ст. „Тайтеть“, гдѣ большая остановка. Читаю Добротолубіе и Богослуженіе великаго поста, переведенное на русскій языкъ,—что это за восторгъ, оторваться нельзя, какъ жаль, что нельзя служить по-русски. Такъ устали ѣхать въ вагонъ, что не дождемся Байкала, хотя бы немного поразмяться! Сегодня исполнилось 20 сутокъ нашего пребыванія въ вагонъ,—слава Богу, все было благополучно;—бѣжавшіе въ Омскъ лошади нашлись. Читатель прекрасное произведеніе іеромонаха Михаила.

Жа в о и н ъ .

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

(Продолженіе).

1-е Іюля.

Эту ночь мы не ѣхали, а прямо летѣли, паровозы дергали немилосердно, даже вещи падали, и я положительно мучился на ложѣ своемъ! Не говорю уже о томъ, что жутко становится при такой бѣшеной ѣздѣ, но и физическая мука: каждую минуту дергаетъ тѣло, да еще этотъ ужасный угольный дымъ,—прямо закоптились! Когда настало утро, отъ души скызалъ я: „Слава Богу!“ Чего-же достигли такой ѣздой?—На 4 часа раньше росписанія пріѣхали въ городъ Нижнеудинскъ, гдѣ и безъ того 3½ ч. стоянки!—Это машинисты для себя старались: все-таки лишнихъ четыре часа отдохнуть. Генераль вышелъ разсерженный, офицеры тоже, сдѣлали заявленіе начальнику стаяціи, и получили увѣреніе, что дальше этого не будетъ. Дѣйствительно, дальше поѣхали по росписанію.—Мѣстность очень гористая, но г. Нижнеудинскъ лежитъ въ долинѣ, на берегу очень быстрой горной рѣки Уды, чрезъ кототорую перекинуть длинный мостъ въ четыре пролета. Дно рѣки каменистое, и вода до того прозрачна, что съ высоты моста можно считать камни

*) Древняя евхаристическая молитва. См. „Ученіе 12 апостоловъ“.

на днѣ; быстрота теченія ужасающая; кондукторъ-же говоритъ, что это еще мало воды, а вотъ скоро вода начнетъ сильно прибывать, когда солнышко пригрѣетъ, и снѣгъ начнетъ таять въ горахъ! Совершается такимъ образомъ совершенно обратное нашему рѣчному положенію: у насъ чѣмъ жарче, тѣмъ воды въ рѣкахъ меньше, а здѣсь наоборотъ—тѣмъ больше! Городишко плохой, весь деревянный, только двѣ церкви; это уже пачалась Иркутская губ. Здѣсь мы простояли 8 часовъ, купали коней, солдаты пообѣдали, да и мы успѣли и утренній чай попить, и пообѣдать. Въ 12½ час. дня (по мѣстному въ 5 ч. вечера) тронулись дальше въ глубь Сибири. Опять потянулась тайга, горы стали уходить назадъ и теперь кажутся синими облаками; ѣдемъ среди долинъ и холмовъ, покрытыхъ хвойными лѣсами. Чаше стали попадаться хуторочки—это переселенцы семей по 5—10 поселились, получили по 15 десятинъ на душу и теперь подъ нашими выкорчевываютъ пни, жгутъ ихъ, такъ что среди лѣса близъ хуторовъ разбросаны воздѣланные маленькіе участки земли. Встрѣчается много березъ, но какъ жалокъ ихъ видъ: половина ствола красная, съ него ободрана кора, изъ которой крестьяне дѣлаютъ коробки для хлѣба, ящъ, даже кроютъ крыши. Просто варварство: березы послѣ такой операціи еле-еле влачатъ существованіе, болѣютъ!

2-е Юля.

Утро чудное, недавно дождь былъ, ни пылинки, ярко сіяетъ солнце, зеленѣетъ трава, вѣтеръ прохладный... Слава Богу, сегодня очевидно будетъ не такъ душно: это замѣтно по вѣтру, а то и мы и лошади замучились. Мѣстность холмистая, на горизонтѣ горы. Чаше стали попадаться населенныя мѣста, даже большія села съ хорошими церквами, и что особенно замѣчательно.—это въ каждомъ порядочномъ селѣ видна пожарная колокольня. И дороги хорошія. Косить сѣно. За ст. „Зпмою“ перѣехали по огромному мосту р. „Оку“. Какое совпаденіе съ нашей орловской рѣкой, но только сибирская Ока гораздо лучше орловской. Виды по берегамъ прекрасныя. Устали ѣхать, уже въ дорогѣ 22 дня.

3-е Юля.

Проснулся на ст. „Половина“, всталъ и уложилъ поспѣвнія вещи. Опять перѣехали два большихъ моста черезъ

рѣки „Бѣлую“ и „Китай“,—вотъ какъ Сибирь богата рѣками, огромными мостами; стали привыкать, а сначала поражались. Сейчасъ копецъ первой и большей части желѣзнодорожнаго пути и „начало болѣзней“, т. е. три дня пути походомъ. Думаю непременно ѣхать съ полкомъ въ двуколкѣ и верхомъ,—попробую разные способы ѣзды, чтобы для настоящаго похода выбрать удобѣйшій. Ст. „Иннокентьевская“... пріѣхали во время, насъ здѣсь выгрузили, и отсюда уже походомъ. Жара такая ужасная, что говорить, доходитъ, до 40° и 45°. Верстахъ въ двухъ отъ станціи ярко блеститъ на солнцѣ крестъ Иннокентьевскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи первосвятителя Иркутскаго. Величественный монастырскій соборъ особенно рѣзко вырисовывается на синевѣ близъ лежащихъ горъ: хотѣлъ съѣздить, но нужно укладывать двуколку. Рядомъ съ воинской платформой находится нѣсколько двухъэтажныхъ каменныхъ зданій, въ которыхъ находятся номера для пріѣзжающихъ офицеровъ, бесплатно; столовая офицерская съ обѣдами изъ двухъ блюдъ—40 к., и помѣщенія для солдатъ. Въ баю не успѣлъ пойти, такъ какъ комендантъ объявилъ, что по новому росписанію мы должны выступить изъ Иннокентьевской сегодня-же въ 6 ч. вечера.

Вдали въ сипей дымкѣ виднѣется Иркутскъ со своими многочисленными храмами. Поосѣдалъ въ офицерской столовой, затѣмъ купилъ Японско-Корейскій словарь и возсѣлъ на кресло въ свою двуколку, рѣшилъ первый переходъ совершить въ двуколкѣ; кресло удобное, но кидаетъ немилосердно, много очень придется перетерпѣть, но... Богъ милостивъ, привыкну. Штандартъ и трубачи впереди, мы въ серединѣ, съ боковъ и сзади вооруженные караульные солдаты, заиграла музыка, и мы выступили въ походъ, дрогнуло сердце... походъ!—Пыль невообразимая, ну что дѣлать?—смиряться; волоса заколочь подъ шляпу и усердно глотаю тучи пыли; скоро мы потеряли совершенно человѣчскій образъ и обратились въ какихъ-то эфіоповъ! Приблизились къ Иркутску, переѣхали красавицу Ангару, проѣхали мимо вокзала и поднялись на высокую гору, спускъ очень опасный, едва не разбилась офицерская кухня; мы спустились благополучно, но страху набрались порядочно! Окрестности

все покрыты лѣсами. Спустившись съ горы, на лужайкѣ, среди лѣса мы увидѣли развѣвающійся флагъ, большой столъ, накрытый бѣлой скатертью съ вилами, закусками. По сторонамъ стола два костра; картина дивная,—это уполномоченный Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны г. Второвъ угощалъ насъ; выпили вина, закусили, послали Великой Княгинѣ телеграмму. Простояли до двухъ часовъ ночи и на разсвѣтъ тронулись въ путь. Глазъ не пришлось сомкнуть даже на одну секунду.

4-е Юля.

Какъ я уже сказалъ, въ 2 ч. ночи тронулись далѣе. Ѣдемъ среди лѣсовъ по хорошей выровненной и широкой дорогѣ, такъ называемому „большому Сибирскому тракту“. Вся Сибирь, вслѣдствіе отсутствія жел. дор., перерѣзана въ разныхъ направленіяхъ „трактами“ въ родѣ нашихъ большихъ дорогъ, только лучше содержимыми, а одинъ трактъ, который идетъ отъ границы Европы черезъ всю Сибирь непрерывно, такъ и называется „большой“; теперь онъ главное значеніе потерялъ, благодаря проведенной параллельно съ нимъ желѣзной дороги, и имѣетъ значеніе только мѣстное. На всѣхъ стоянкахъ черезъ каждые 20 верстъ построены станціи съ большими комнатами для проѣзжающихъ и запасными лошадьми. Ѣдемъ горами, да какими—двѣ, три версты подъемъ,—это еще мплость, а то вотъ семь верстъ непрерывно поднимались, затѣмъ спуски не лучше подъемовъ; приходится тормозить, иначе лошади не сдержатъ. Лѣса вполиѣ дѣвственные, къ нѣкоторымъ мѣстамъ никогда не пробраться по крутизнамъ, да и по сторонамъ дороги, едва шагнешь нѣсколько шаговъ и баста,—дальше нѣтъ возможности двигаться: навалены сухія и павшія огромныя деревья, переплелись вѣтвями какія-то ползучія растенія, но красота, красота какая! не оторвешься. Вотъ поднимаемся въ тору, осталось два, три зигзага, лошади выбились изъ силъ, становятся... раздастся команда „стой, подложи подъ колеса камни!“ стали передохнуть, а я бѣгу впередъ, туда, на вершину!... На подъемѣ впризу все какъ-то сдавливаетъ грудь, какъ будто горы сжимаютъ, кажется, вбѣгу и надышусь полной грудью... Я на вершинѣ, воздухъ утренній чистъ и свѣжъ, вѣтерокъ обдуваетъ уставшее тѣло... дыщу,

дышу.... Но видъ открывшіяся прямо чудесенъ: узенькой ленточкой зигзагами вьется подъ ногами дорога туда внизъ, далеко, далеко, и не видно конца, а вдали снѣга горы, горы... своими очертаніями и зеленью, мѣняющимися по мѣрѣ прохожденія, онѣ составляютъ все разныя картины и не прозвоятъ однообразнаго впечатлѣнія. Крещусь..., внизу среди горъ, у подножія высокой горы, на берегу чистой и быстрой рѣки Иркутъ, заблестѣлъ крестъ на церкви... Село Введенское, гдѣ, по расписанію, паша первая остановка! Пройдено 31 вер.: въ 5½ час. утра подѣхали къ конюшнямъ! Все и всѣ устали, не спали и... и все таки вездѣ смѣхъ, шутки, прибаутки.—что это за солдаты наши?!.. Рядомъ съ конюшнями пять огромныхъ деревянныхъ бараковъ съ нарами у стѣнъ для солдатъ, есть одинъ баракъ офицерскій. Я не пошелъ въ баракъ и рѣшилъ особенно не распаковываться, такъ какъ сегодня же въ 3½ ч. выступаемъ далѣе! Подошелъ комендантъ, познакомились, очень совѣтуетъ прямо идти купаться „у насъ вода—кристалъ“, говоритъ онъ! Только выкупался, какъ зазвонили въ церкви, и я пошелъ прямо въ храмъ. Иду по селу—богатое, не говорю уже про крыши тесовыя, дома-то построены изъ толстѣйшихъ бревенъ и многіе съ затѣйливыми рѣзными украшеніями. Оказывается, жители землею не занимаются, а главное ремесло ихъ—сплавъ лѣса, извозъ и охота. Церковь деревянная, небогатая, что стыдно богатымъ жителямъ, но чистая и свѣтлая. Особенно меня поразило, что церковь внутри вся оклеена кожными, шпалерами и притомъ разныхъ цвѣтовъ, т. е. трапезная—одного, главная—другого. Служилъ молодой священникъ, въ утрени не было ни одного человѣка, у обѣдни—15 человѣкъ. Пошелъ во время утрени въ ограду, смотрю—свѣжая могила, вся роскошно убрана цвѣтами; подходит старушка... познакомились, она оказалась выходящей изъ Орловской губ., ея братъ діаконъ въ 1-омъ Орл. Дух. училищѣ, служилъ иногда и въ нашей церкви..., вотъ уже никогда не думалъ, чтобы въ глубинѣ Сибири, въ Забайкальѣ, встрѣтить пришлось земляка. Разговорились, оказалось, что это ея сынъ здѣсь священникъ, и въ этой могилкѣ похороненъ ея ввукъ семилѣтній, единственный сынъ у родителей. Очень усердно просила меня зайти

къ нимъ послѣ службы. Во время литургіи на клиросѣ пѣли матушка съ племянницей. Приняли меня земляки такъ радушно, что и высказать невозможно; былъ, какъ въ родной семьѣ,—напоили чаемъ, накормили, много рассказывали о Сибири, какъ о благодатной странѣ, очень сокрушались, что въ Россіи пренебрежительно отзываются о Сибири, ея населеніи и природѣ. Да, пренебрежительно, но именно по невѣдѣвію;—въ Сибири дѣйствительно, хорошо и люди радужные, и природа великолѣпная, кромѣ нѣкоторыхъ частей Барабинской степи, да то потому, что она не воздѣлана. Батюшка проводилъ меня до двуколки. Зашелъ въ баракъ, на доскахъ разослалъ накидку, подрясникъ положилъ подъ голову и „сладокъ былъ отдыхъ на доскахъ тяжелыхъ“... —часокъ поспалъ. Всталъ въ 2 ч. дня, умылся, пошелъ на кухню и попросилъ у солдата изъ котла щей, поѣлъ и въ 3½ ч. поѣхали дальше. Подъемъ версты въ три былъ такъ крутъ, что нѣкоторыя двуколки тащили на рукахъ. Я версть пять шелъ пѣшкомъ, а остальные 11 верстъ ѣхалъ верхомъ. По дорогѣ иногда встрѣчаются кресты—это путники умершіе или убитые на трактѣ. Между прочимъ говорятъ, что Кругобайкальскій трактъ строили каторжники и между ними „Декабристы“. Пріѣхали на ст. „Моты“,—я устроился въ офицерскомъ баракѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

(Продолженіе).

5-е Іюня.

Сегодня мы выступили въ походъ послѣ обѣда, въ 3 часа по-полудни. Я сѣлъ на „Друга“, сначала держался порядкомъ, т. е. ѣхалъ за своей двуколкой, а потомъ выѣхалъ впередъ: лошадь идетъ хорошо, сначала ноги у меня болѣли, теперь стали втягиваться. Нужно проѣхать 21 версту — съ горы на гору. Подъемы и спуски еще длиннѣй и круче, чѣмъ вчера, ни одного аршина ровнаго вѣтъ: лошади выбиваются изъ силъ, а въ 5-мъ эскадронѣ лазаретная линейка и весь обозъ остановились, не доѣхавъ семи верстъ до почлега, потомъ послали почтовыхъ лошадей выручать ихъ. Почти рядомъ съ дорогой виденъ грандіозный пожаръ.

Благодаря массѣ павшихъ сухихъ деревьевъ пламя бушуетъ цѣлымъ столбомъ, и огненные языки высоко поднимаются къ небу; смолистый дымъ бьетъ глаза. Бѣда пробѣжали. Дальше открылись такіе чудные виды, что и описать невозможно! Какъ только вѣдемъ на переваль, такъ и замремъ, невольно остановимся: горы, горы, море горъ, совершенно, какъ будто когда-то взволновалась почва здѣсь, образовались огромныя волны, да такъ и застыли. Горизонтъ открывается огромный, горы вокругъ насъ, подъ нами и вдали синѣють, сливаясь съ облаками! Мы даже поспорили—я говорю, что видны облака, а спутники отрицали это, и они оказались правы... Я бодро ѣду и нахожу, что этотъ способъ ѣзды гораздо лучше, чѣмъ въ двуколкѣ. Приѣхали въ с. „Глубокое“, здѣсь почлесть; намъ отвели громадный флигель, гдѣ мы расположились очень удобно. П. добрая душа, приготовилъ и предложилъ намъ горячій ужинъ—супъ, и мы пользовались изъ солдатскихъ котловъ на славу!—Но какая картина передъ нашими глазами: въ котловнѣ между горами и на полугорѣ расположилось 1800 лошадей и людей... море лошадей, масса костровъ, точно звѣздочки... Пѣсни... вдругъ все смолкло... труба заиграла „зори“, и понеслась по нашему огромному лагерю свещенная пѣсь-молитва: въ одномъ концѣ „Отче нашъ“... въ другомъ раздается: „да будетъ воля Твоя“... въ третьемъ—„Побѣды на сопротивныя даруй!“... Въ каждомъ эскадронѣ отдѣльно! Впечатлѣніе грандіозное!! Долго, долго смотрѣли мы все съ балкона барака на это выходящее изъ ряда вошь зрѣлище! Завтра еще 24 в. по горамъ и опять желѣзная дорога.

6-е Юля.

Какъ легъ, такъ и заснулъ моментально.—вотъ что значить „моціонъ то верховой! Хорошо спалось... слышу голосъ Б.: „четверть четвертаго, пора вставать!“ Сейчас же все встали, вышли изъ флигеля: все еще покрыто утреннимъ туманомъ, лошади осѣдланы, похраниваютъ, лагерь еще спитъ. Лошади стоятъ, опустивъ головы, а солдаты спятъ у нихъ—нодь мордами прямо на земль. Еще разъ полюбовались ошними горами. Солнышко выходитъ и, разгоняя туманъ, золотитъ ихъ вершины... Не знаю отчего, но горы окрашены въ разные тоны—синія, зеленая, желтоватая,

дымчатая... все это вместе сливается въ общую картину, представляетъ прекрасное зрѣлище. Казаки предупреждаютъ, чтобы мы остерегались отъѣзжать далеко отъ своего эшелона; они говорятъ, что иногда медвѣди выходятъ и днемъ на дорогу и сидятъ на ней, цѣлчасъ на солнцѣ. Одинъ казакъ говоритъ, что онъ встрѣтилъ трехъ! Сейчасъ офицеръ Нѣжинскаго полка рассказываетъ, что они сегодня на походѣ днемъ видѣли недалеко отъ дороги медвѣдя, а жители селенія очень жалуется, что медвѣди часто посѣщаютъ ихъ огороды и давятъ коровъ. Вообще звѣри разнаго въ этой тайгѣ, которая отъ Перми до Манчжурин—масса: медвѣди, лоси, кабаны, соболя, бѣлки, волки, горностан, серны, дикія козы, тетерева, фазаны, рябчики, утки и проч. и все, это въ такомъ множествѣ, что охотой кормятся буряты и русскіе, населяющіе добрую половину Забайкалья. Мѣстные жители занимаются исключительно почти скотоводствомъ, при чемъ разводять „Яковъ“—быковъ и коровъ съ лошадиными хвостами, главное достоинство которыхъ въ томъ, что они зимою сами добываютъ себѣ пищу, разбивая снѣгъ, и даютъ молоко очень густое, точно сливки, хотя немного, не больше одной бутылки съ удою; мясо ихъ вкусное.—Буряты не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ никакихъ запасовъ на зиму. Кромѣ скотоводства и лѣснаго промысла, жители почти поголовно охотники; у каждаго двѣ, три собаки и щенки, въ разные времена года охотятся на разнаго звѣря: „ходить“ на медвѣдя, кабана, соболя, (шкурка котораго стоитъ на мѣстѣ отъ 25 до 150 руб.) на чернобурую лисицу и проч. Осодотиться бы можно на этихъ мѣстахъ населенію, но водка и тутъ дѣлаетъ свое дѣло: какъ только, особенно Буряты, выѣзжаютъ на соболя и чернобурую лису.—купцы съ запасами водки ѣдутъ въ тайгу вслѣдъ за ними и, спавшая охотниковъ водкой, за ничтожную цѣну покупають дорогую пушнину!

Вотъ вдали завиднѣлся Байкаль, а за нимъ горы еще выше, и облака бѣгутъ по ихъ вершинамъ, а ниже тоже курятся горы. Съ 15 іюня горы покрываются уже снѣгомъ. Н. В. указываетъ мнѣ на кедры, высокіе, пушистые и шишки уже большія: чрезъ мѣсяць начнется промыселъ—добываніе кедровыхъ орѣховъ! Последний спускъ

къ „Култукку“ прямо ужасенъ—болѣе трехъ верстъ, едва спустились!.. Ну, опять рельсы и вагоны завидѣлись на самомъ берегу озера-моря. Солдаты хотѣли было купить лошадей, но это оказалось невозможнымъ: вода—ледь. Рыба водится только въ двухъ видахъ и то не особенно большая, благодаря необычайной холодности воды. Глубина озера весьма велика—до 3-хъ верстъ, а около села Лиственнаго не могли достать дна. Сейчасъ садимся и ѣдемъ прямо по берегу Байкала: слѣва вода, а справа огромныя горы. Сохрани насъ, Боже! Итакъ и я совершилъ походъ въ 96 вер., изъ которыхъ 31 версту проѣхалъ на двуколкѣ и нашелъ это неудобнымъ, 4 версты прошелъ пѣшкомъ и 61 вер. проѣхалъ верхомъ, и это самый удобный способъ ѣзды въ походѣ. Эти пройденныя версты по высокимъ горамъ вполнѣ равны нѣсколькимъ сотнямъ верстъ ровной дороги. Много лошадей оказалось набито, повозка 1-го эскадрона на спускѣ перевернулась, сорвавшись съ тормоза и раздавила солдата — черепъ греснулъ. Понятно, что и лошадь покатилась. Мы ѣхали вскорѣ послѣ этого и какое грустное зрѣлище: около телеграфнаго столба лошадь, половина головы ея въ крови, разбита, переднія ноги набиты, не держатъ, и она въ изнеможении стоитъ, навалившись грудью на подставку столба, съ цею фельдшеръ, а бѣдный ея разбитый хозяинъ-солдатъ положенъ въ больницу, умираетъ, безъ сознанія... Жутко, это первая жертва войны. Въ Култукѣ запасали фуражъ, сѣно—1 р. 50 к. пудъ, овесъ до 3-хъ руб. пудъ. Холодно, съ Байкала всегда дуетъ холодный вѣтеръ.

7-е Юля.

Всталъ въ 6 ч. утра, ѣдемъ чудной, по крайне опасной дорогой: берегъ Байкала.—это огромнѣйшія сплошныя горы, скалы, состояція на половину изъ мрамора: вотъ на боку то этихъ скалъ пробита динамитомъ узкая ленточка—полотно желѣзной дороги. Аршина на 4—5 въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ полотна—воды Байкала, шумъ волпъ изъ вагона не только ясно слышенъ, но даже громче шума поѣзда... Однажды на лицо мое упало нѣсколько брызгъ отъ волпъ. Холодно на улицѣ и въ вагонѣ,—отъ Байкала, что отъ ледника дуетъ... Жители говорятъ: „у насъ вся погода отъ моря зависить: съ Байкала вѣтеръ, значитъ холодно!“ почему же?

„Да, во-первыхъ, потому, что въ него впадаютъ множество горныхъ рѣкъ и потоковъ ключевыхъ, и самъ онъ имѣетъ массу ключей, а, во-вторыхъ, ледъ опускается и находится въ водѣ моря очень долгое время“. Дѣйствительно, на горахъ въ бинокль и простымъ глазомъ видно очень много снѣга, онъ таетъ и по рѣчкамъ и ручьямъ сбѣгаетъ въ Байкаль. Сегодня холодно, вѣтеръ съ озера, т. е. вивовать съ „моря“ и извиваюсь, потому что Сибиряки кровно обижаются, если Байкаль назвать озеромъ. „Какое это озеро“, говорятъ они: „вы, вѣрно, не знаете его размѣровъ? вѣдь оно въ длину 800 в. и въ ширину отъ 45 до 180, при глубинѣ до 4-хъ верстѣ. Нѣтъ, это наше море“. Бурята даже называютъ его „священнымъ моремъ“, такъ какъ оно совершенно чисто и все постороннее, попадающее въ него, выбрасываетъ вонъ. Байкаль, особенно для Бурятъ,—живое, одухотворенное существо: „Онъ, т. е. Байкаль бываетъ добрый когда кормитъ людей рыбою, поитъ скотъ и звѣрей своею водою, звѣрей, охота на которыхъ есть главное подспорье ихъ, онъ позволяетъ плавать ихъ лодкамъ, онъ доставляетъ имъ и скоту ихъ прохладу среди лѣтняго зноя, онъ... да пѣть“... махнеть рукой скуластый бурятъ съ трубкой во рту, „не перечтешь, какой Онъ добрый... Ну, а бывасть, Онъ сердаетъ... кругомъ все тихо, ни вѣтерка... вдругъ, какъ зашумитъ, какъ зареветъ Онъ, какъ пойдутъ по немъ волны горами, такъ страшно на берегу стоять, а уже не дай Богъ быть въ это время въ лодкѣ!“ (Озеро волнуется отъ вулканическихъ причинъ). За то Бурята и чтутъ Байкаль, именно, какъ живое существо: они ежегодно 9-го юля на берегахъ его совершаютъ въ честь своего „священного моря“ разныя религіозныя церемоніи, надѣваютъ маски, жгутъ костры, прыгаютъ черезъ огонь, обливаются, даже кунаются, хотя вода 4—5°. Подробно не могу описать этого праздника, не успѣвъ хорошо распросить. Населеніе пошло почти сплошь бурята, снаружи истые монголы, и грамота у нихъ монгольская, многіе носятъ косы, только головы ихъ гораздо скуластѣй и шире китайскихъ. Вѣдемъ по участку „Култукъ—Танхой“, еще не открытому для движенія, ходятъ только воинскіе поезда: по такой дорогѣ проѣхали мы 110 верстѣ. Слышны частые взрывы на подобіе пушечныхъ зал-

повъ,— это динамитомъ рвутъ скалы для полотна дороги по берегу Байкала. Кругобайкальская дорога 250 в. и на посылбныхъ 100 в. прорыто 37 тунелей, не говоря уже про громадные коридоры. Одинъ тунель пробъязали мѣ, онъ пробить въ скалѣ изъ бѣлаго мрамора, отлично обдѣланъ, небольшой. Я подошелъ къ окну... волны ревуть и мчатся прямо на насъ, точно гидры стоголавныя, разинувъ пасти, чтобы поглотить насъ, и сойдн позадъ съ рельсъ,—мы ихъ неотъемлемая добыча! Види́ются въ туманѣ горы противоположнаго берега, на видѣ вереть десять, на самомъ дѣлѣ —пятьдесятъ. Вотъ изъ воды выдѣляется огромный камень, на немъ сидитъ цѣлая стая чаекъ, сидитъ покойно, не взирая, что вокругъ бѣшено ревуть и пѣются, разбиваются о камни волны. О, если-бы и намъ покойно и твердо сидѣть на камнѣ *втры* среди бушующихъ волнъ—бѣдъ, скорбей и сомнѣній житейскаго моря!.. Горе намъ малодушнымъ!!..

Ст. „Мурнино“, хочется ѣсть, купилъ три яйца за 15 коп., это еще милость, а на Пасхѣ стоили 70 коп. десятокъ. Ст. „Выдрино“, при ней новая церковь, идемъ смотрѣть, сторожъ открылъ намъ двери и мы вошли: хорошая, свѣтлая церковь, особенно поразила насъ чудный запахъ, наполняющій весь храмъ. Мы удивляемся, по сторожъ объясняетъ, что въдь церковь вся построена изъ кедра. Поблагодарили сторожа,—третій звонокъ, и мы поѣхали къ „Танхою“, куда и прѣехали въ 6 ч. вечера. Съ утра мы и солдаты ничего не ѣли, буфетовъ, конечно, нѣтъ, на Танхоѣ тоже горячаго не достать, вся надежда на котель солдатскій. Встрѣтилъ комендантъ, бравый капитанъ, и мы пошли на кухню „пробовать“ пищу: пошли всѣ; т. е. 11 человекъ во главѣ съ генераломъ, я тоже взялъ за голенище свою ложку! Хорошо бы было, если на войнѣ всѣ такъ дружно и храбро бросались на врага, какъ мы обрушились на огромную миску супа и каши?!. Въ 10 минутъ поразили врага до тла, во новыя подкрѣпленія и подкѣли—вторая миска супа и каши—сразили и ихъ; поблагодарили коменданта и пашли пищу хорошей. Въ это время комендантъ говоритъ намъ: „у насъ есть барачная церковь, сейчасъ идетъ тамъ служба, не хотите-ли помолиться?“ Съ радостью всѣ мы и часть солдатъ нашего эшелона пошли къ Богослуженію.

Церковь очень хороша... это опять забота доброй нашей Великой Книгиши—я жертва. Служил священник, студентъ академіи, а другой студентъ за неаоломника; хорошо прошла служба, съ удовольствіемъ всё молились. После всенощной заходить къ батюшкѣ по его просьбѣ, попили чаю, побесѣдовали: жалуются, что мало солдатъ проходящихъ эшелоповъ заходятъ въ ихъ храмъ, и что первоначальная идея служить воинамъ, идущимъ на войну, не оправдалась, а служатъ они больше желѣзнодорожнымъ служащимъ и мѣстнымъ жителямъ.

8-е Июли.

Ночью встаю еще разъ полюбоваться Байкаломъ. Завтра его уже не увижу, не услышу шума его волнъ, а *Она* сегодня сердитый! Есть что-то притягательное въ водной стихіи... какъ на пылающей костеръ, такъ и на бушующій Байкаль я могу смотрѣть цѣлыми часами... что-то пріятное и вмѣстѣ щемящее чувствуетъ въ груди, какое-то подсасываніе... эти волны... такъ и манять къ себѣ! Счастливыя чайки, на своихъ широкихъ крыльяхъ онѣ могутъ полетѣть туда, на средину моря, гдѣ волны, что горы!... Путешествіе по кругобайкальской дорогѣ я называю сухопутно-морскимъ: сидишь въ вагонѣ—на сушѣ, а рядомъ мчатся грозныя волны, ревутъ и почти брызжутъ въ лицо! Ночью было переселеніе: на ст. „Мысовая“ въ 2 ч. ночи. Прицѣпили къ намъ еще вагонъ 1-го кл., и генералъ со своимъ штабомъ перебрался туда, а мы размѣстились въ своемъ вагонѣ попросторіѣ. Улеглись всё только въ 5½ час. утра, посему встали въ 12½ час. дня (я въ 8 ч. утра), пока одѣлись—два часа, служить уже некогда; слава Богу, что удалось вчера побывать за всенощной. Въ Верхнеудинскѣ я обѣдалъ. Городъ очень хорошій, много церквей, стоитъ на берегу хорошей рѣки Уды—верхней, которую переѣхали по огромному мосту: вообще въ Забайкальѣ и Манчжуріи много мостовъ—все рѣки и рѣки. ъдемъ долиной между горами; этотъ ландшафтъ уже сталъ надобдоть намъ, жителямъ равнинъ!

Въ „Щегровскій Заводъ“ пріѣхали въ 9 ч. вечера, уже темно, очень красивое зрѣлище представляетъ собою заводъ ночью... Доменныя печи выбрасываютъ массу пламени, еще чернѣе дѣлается ночь, еще ярче блеститъ огонь, клубы

дыма вертятся въ пламени, какъ демоны, получается что-то фантастическое! Замѣчательное лицо—проводникъ нашего вагона— вотъ его послужной списокъ: быть въ Иркутскѣ приказчикомъ, плавать на судахъ Добровольнаго флота, въ память чего имѣеть татуировку на рукѣ—якорь, служить въ труппѣ артистовъ, пѣть куплеты и декламировалъ и, наконецъ, истощникъ, и теперь часто раздается его пѣніе, съѣхъ смѣшить до упаду!

9-е Июля.

Утро. Ст. „Моционъ“... и населеніе бурята и названіе станцій бурятское: Саходо, Хушенга, Харангунъ и пр. Только что спустились съ Байкальскихъ горъ, какъ снова подъемъ на Яблоновья. На спускѣ съ хребта, черезъ который прорытъ туннель, стоитъ ст. „Яблоновая“, очень красиво убранная цвѣтниками, бесѣдками, павильонами, фонтанами, но плодоваго дерева ни одного! Въ этой странѣ ни яблонь, ни грушъ, ни вишенъ нѣтъ, не вырѣваютъ. Со ст. „Моционъ“ до Читы со мной въ купѣ ѣхала барышня девяти лѣтъ, дочь мѣстнаго священника, такая милая дѣвочка, всю дорогу мнѣ рассказывала разныя разности. Природа прежняя, только интересень подъемъ на Яблоновый хребетъ и путь черезъ туннель, въ которомъ мы были въ полной тьмѣ, такъ что я зажигалъ спичку. На этой сторонѣ туннеля написано большими черными буквами: „къ *Великому Океану*“, а на другой—„къ *Атлантическому Океану*“. Предъ самой Читой проѣзжали по берегу интереснаго озера „Кинюнь“, рыба котораго, преимущественно караси, не съѣдобна, полна глистовъ, и люди, поѣвши ее, болѣютъ. Озеро имѣеть въ длину верстъ 5, а въ ширину 1 версту. Въ Читу пріѣхали въ 9½ ч. вечера, темно, города не видно. Здѣсь меня встрѣтили пять кондукторовъ изъ Орла, просили благословить ихъ, взанмая радость была большая. Земли Забайкальскихъ казаковъ пошли.

10-е Июля.

Утро, ст. „Адриановка“, —встрѣдять меня оберъ-кондукторъ Илья Сорокинъ изъ Орла, мой духовный сынъ, расцѣловались, поговорили, пили чай. Онъ взялъ у меня корзину съ лишними вещами и проводилъ три станціи. Перѣздъ былъ очень интересный: поднимались зигзагами и петлями на гору и также спускались, такъ что буквально было три

пути параллельно одинъ другому. Съ этого ужаснаго пути на которомъ нѣсколько огромныхъ корридоровъ, ѣдемъ по длиннѣйшей долинь, покрытой травой, на гдѣ пасутся безчисленныя стада коровъ, овецъ, лошадей и верблюдовъ, принадлежащихъ бурятамъ. На ст. „Оловянная“ обѣдали въ 5 ч. вечера. Завтра утромъ „Манчжурія“, надо лечь пораньше, перегрузка. Прощай, милая, дорогая Россія, святая родина, когда ты еще увидишь тебя? Спаси и сохрани насъ. Боже!

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

11-е Іюля.

Въ 9 ч. утра за ст. „Маціевская“ переѣхали границу Россіи и Манчжуріи. Какъ-то замерло сердце и невольно я перекрестился: „благослові Господи пришествіе наше въ эту страну миромъ!“ Началась степь „Гоби“; въ этой ея части она жизненна, т. е. хорошая трава, такъ что монголы пасутъ здѣсь массу скота; сегодня встрѣтили стадо двухгорбыхъ верблюдовъ, головъ сто, штукъ пять изъ нихъ лежали на самомъ полотнѣ, едва не задавили. По степи масса „сурковъ“, по мѣстному „шарабановъ“—желтые, большіе, немного меньше зайца, сидятъ у своихъ норъ, посвистываютъ и рѣзвятся на травѣ недалеко отъ поѣзда, а на насъ никакого вниманія,—ихъ мильоны, усеяна вся степь. Въ 11 ч. утра подѣхали къ ст. „Манчжурія“, хотѣли отслужить здѣсь обѣдницу, но на станціи такое столпотвореніе, что сколько мы съ Н. В. не бѣгали, а мѣста для Богослуженія не нашли, времени же дано было только часъ, такъ и остались безъ молитвы; правда, здѣсь есть церковь—школа, но священникъ уѣхалъ въ Харбинъ, и безъ него не позволили открыть храмъ. Назначена была дневка, однако измѣнили распisanіе,

получена депеша „спѣшите, каждая минута дорога“, и мы сегодня-же должны выѣзжать отсюда въ 9 ч. по Харбинскому времени, которое уже на 6 час. впереди Петербургскаго. Въ 3 часа бѣжать посланный отъ „Краснаго Креста“, просить немедленно похоронить умершаго уже 4 дня санитаря, мѣстный же священникъ прѣдетъ еще черезъ недѣлю. Иду... вынесъ умершаго изъ усыпальницы въ церковь, отнёсъ и проводилъ на кладбище версты 1½, за гробомъ шли: старшій врачъ, сестры и санитары. Началось мое дѣло Манчжурское—хоронить; вѣроятно, это будетъ здѣсь моя главная треба. Везуть обратно массу больныхъ солдатъ, прошли два вагона съ умалишенными солдатами. Вездѣ китайцы—грязные, загорѣлые, какъ уголь и косы, косы... передняя часть головы выбрита. Шапокъ и шлягъ почти не носятъ, а косу завертываютъ кругомъ головы, вѣтеръ треплетъ волосы и получается очень страшная фигура. Здѣсь же гарцуютъ на своихъ маленькихъ лохматкахъ монголы, не менѣе ужасные и грязные! Впрочемъ, это я говорю про вѣшность, а въ душѣ все они, кажется, добродушно относятся къ русскимъ, влѣзаютъ въ вагонъ къ солдатамъ, шутятъ съ ними, подходятъ къ намъ, треплютъ по плечу говоря: хѳя шангѳ, т. е. другъ хороншй, все имъ отвѣчаютъ тѣмъ же! Я повидимому многимъ понравился, подходятъ, берутъ меня за руку и говорятъ, что я имъ „шнбкѳ шангѳ“ т. е. очень нравлюсь; берутъ въ руки крестъ и опять „шангѳ“, и, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе крестятся. Вышли на платформу къ своему поѣзду, скоро перегрузка, вотъ идетъ докторъ, я пригласилъ его посмотреть моего Михаила, который уже нѣсколько дней боленъ, а сейчасъ даже 39°, лежитъ; докторъ осмотрѣлъ, успокоилъ, прописалъ лѣкарство, больной уснулъ. Ксенофонтъ тоже въ лихорадкѣ, но ему лучше, онъ ходитъ. Подали поѣздъ, чудный вагонъ 1-го класса международнаго общества.

12-е Июля.

Проснулся въ 9½ ч. утра и едва не проспалъ г. Хайларъ, первый городъ чисто китайскій. Ѣдемъ степью „Гоби или Шамо“, а лучше сказать „пустыней“, проѣхали уже почти 300 верстъ и никакого признака жилья человѣческаго, жидкая трава да песчанья дюны, т. е. переносные пес-

чаные холмы. Кое-гдѣ встрѣчаются изрѣдка пять-десять тощихъ деревьевъ, ни человѣка, ни звѣря, ни птицы, кромѣ орловъ да вороновъ, которые куда-то летяты. Отъ станціи „Манчжурія“ стража еще усилена, очень часто стоятъ и идутъ часовые и наряжаются разѣзды пограничниковъ, да вездѣ по линіи, на опредѣленномъ разстояніи, стоятъ сигнальные столбы, обмотанные соломой, къ которой привязана бутылка съ керосиномъ. Въ случаѣ нападенія хунхузовъ въ опасномъ мѣстѣ зажигаютъ сигнальный столбъ, и съ другихъ пунктовъ стража стремится къ этому мѣсту на выручку. Съ „Манчжуріи“ нашимъ солдатамъ роздали боевые патроны и на ночь назначается „дежурная часть“, т. е. человѣкъ двадцать съ заряженными винтовками, не спать, чтобы въ случаѣ нападенія отразить врага, а нападеній на дорогу и воинскіе поѣзда было уже нѣсколько. Нашъ вагонъ до оконъ блиндированъ, такъ что спимъ спокойно, пуля не пробьетъ, окна завѣшиваемъ шторами, чтобы не было видно снаружи огня. „Хайларъ“,—это просто китайская деревня и ничего замѣчательнаго нѣтъ. Ст. „Акеши“ памятна по прошлой войнѣ, она окружена сопками, и здѣсь въ то время былъ самый сильный бой у ген. Орлова съ ген. Ма, причѣмъ китайцы держались цѣлый день. Памятниками этого боя остались „кресты“, одиноко стоящіе на вершинахъ сопокъ, на могилахъ павшихъ русскихъ воиновъ. Приближаемся къ черному хребту „Хингану“, черезъ главный перевалъ котораго прорытъ туннель, длиною въ три версты, опасное мѣсто, взорвать его для японцевъ было бы великое благо. На ст. „Унуръ“ встрѣтили санитарный поѣздъ: раненый капитанъ много рассказывалъ намъ и между прочимъ сообщилъ, что корпусъ нашъ уже на позиціяхъ въ Хайченѣ за Ляояномъ! Благослови насъ, Боже! Черезъ пять дней и мы на полѣ смерти.

(Продолженіе будетъ).

Жа войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

13-е Іюля.

Какъ будто кто толкнулъ, я вскочилъ, поѣздъ даетъ свистки и тормозить, я смотрю на часы—3 ч., сейчасъ значить туннель. Такъ, дѣйствительно, и оказалось. Туннель освѣщенъ электричествомъ, но лампочки расположены довольно рѣдко. Я сидѣлъ у окна своего купѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца туннеля и выхода на волю. Какое-то гнетущее чувство испытывается во время долгой ѣзды въ туннель, будто живыхъ закопали; три версты подъ землею мы ѣхали ровно 20 минутъ. Какъ облегченно вздохнулъ я, когда выѣхали изъ этой могилы! Затѣмъ зигзагами стали объѣзжать горы, я снова легъ и проснулся въ 7½ ч. утра на ст. „Бухеду“. Въ 9 ч. прѣхали на ст. „Ялу“. здѣсь я набралъ воды горячей и снова привлекъ вниманіе китайцевъ; на разные лады выражали они мнѣ свое удовольствіе: одинъ, указывая на меня, все твердитъ „шибко шанго лама“ (жрецъ), другой дотронулся до бороды моей, говоря: „шанго борода“, третій не могъ насмотрѣться на чайникъ, и всѣ увѣрены, что я для нихъ и они для меня „ходя“, т. е. друзья. Сначала китайцы насъ занимали, а теперь стали надоѣдать. Однообразны они до крайности: всѣ, какъ одинъ. Они дѣла-

ють насыпь, таскають землю на себѣ и притомъ безъ рубахъ, такъ что тѣло и лицо у нихъ стали отъ солнца и грязи темно-бронзовыя; въ такомъ-же видѣ они таскають на станціяхъ воду въ четырехъугольныхъ ведрахъ. На линіи Восточно-Китайской ж. д. всѣ станціи и жилые дома, за малымъ исключеніемъ, построены изъ толстаго, дикаго камня, изъ предосторожности на случай нападенія хунхузовъ. До войны было много на дорогѣ служащихъ китайцевъ, теперь большую часть ихъ уволили, и мѣста стрѣлочниковъ и путевыхъ сторожей занимають вооруженные солдаты желѣзнодорожнаго баталіона. Проѣхали оригинальныя горы, на зеленыхъ ихъ отрогахъ выдѣляются огромныя гранитныя совершенно голыя глыбы—скалы, принявшія разныя формы: фигуры—головы человѣка, воротъ, пирамидъ. Говорили, что здѣсь на станціяхъ нечего ѣсть, неправда—до Харбина на вокзалахъ хорошо кормятъ и недорого: щи—35 к., жаркое—45—60 к., десятокъ яиць отъ 40—45 к., вотъ пиво дорого—1 р. 25 к. бутылка.

14-е Июля.

Проѣхали г. Цицикаръ, приближаемся къ г. Харбину, замѣтно, что близко теа рѣ военныхъ дѣйствій: всѣ дома охранительной стражи окружены землянымъ валомъ, невдалекѣ другой меньшій валъ и башни съ часовыми. Ыдемъ голой равниной—Монголіей, изрѣдка встрѣчаются китайскія деревни на подобіе нашихъ малороссійскихъ, поля отлично воздѣланы. Очень интересно построены станціи—на всѣхъ крыши крыты черепицей и по китайски—съ загнутыми углами, на гребнѣ крыши непременно драконы съ разинутой пастью. Въ 9½ ч. вечера переѣхали большую рѣку Сунгари, по мосту не менѣе версты длиною, мостъ охраняется часовыми и артиллеріей, а по водѣ сторожевыми барками. Чудный видъ на г. Харбинъ съ моста: масса огней, электричество. Въ городѣ жителей уже болѣе 40 тысячъ, и раскинулся онъ на огромномъ пространствѣ. Подѣхали къ платформѣ и комендантъ подалъ намъ распоряженіе: дневки не будетъ, ѣхать на Ляоянъ-Хайченъ. Судьба рѣшилась, мы ѣдемъ на передовыя позиціи! Господи, спаси, помози и сохрани!

15-е Июля.

Сегодня намъ выдали маршрутъ до Хайчена, въ 60 в. отъ Ляояна къ югу, но говорятъ, что могутъ высадить насъ каждую минуту!.. Надо быть готовымъ. Поѣхали. Паровозы блиндированы, станціи и кордоны пограничниковъ окружены кирпичными стѣнами съ бойницами, по концамъ мостовъ стоятъ пушки, стража еще гуще, получили свѣдѣнія, что генераль Ма идетъ разрушать линіи между Харбиномъ и Мукденомъ.. Вездѣ лежатъ горы мѣшковъ съ землею для заваливанія оконъ и дверей. Мѣстность густо населена, и земля отлично воздѣлана, ѣдемъ какъ-будто по тщательно обработанному огороду, такъ ровны борозды на поляхъ, такъ тщательно выполаны поля и явны. Идутъ китайскіе обозы, просто смѣхъ: двухколесную арбу, наложенную разною кладью или хлѣбомъ, везутъ 7, 8 животныхъ: три лошади, два мула, осель и быкъ, и всю эту компанію погоняютъ 3 китайца, а 4-й съ зонтикомъ сидитъ на возу. Работаютъ или полуголые или совершенно голые, а дѣти цѣлымъ гуртомъ вертятся и всѣ нагишомъ. Очень не нравится мнѣ китайскій языкъ.—гортанный, и притомъ они орутъ, лопочуть, безъ умолка! Живутъ наши „ходячіе“ ужасно грязно и пахнутъ такъ худо, что въ жилищахъ ихъ долго не просидишь. Сейчасъ проѣхали маленькій городокъ—весь окруженъ глиняной съ башнями стѣной, очень тщательно сработанною,—стѣной только и отличается городъ отъ деревни да нѣсколько большими размѣрами. Природа здѣсь точно копія нашей милой Малороссіи; если въ китайскія деревни поставитъ церкви, то вполихъ Малороссія, но.. церкви, конечно, ни одной, а только низенькія, бѣдныя кумирни!

Я сегодня въ трудахъ: вяжу толстый динуръ для дароносицы, которую думаю носить на груди, вмѣстѣ съ крестомъ съ моцями. Завтра же нужно и послѣдній чемоданъ упаковать и уложить двуколку—вечеромъ Мукденъ, ночью—Ляоянъ! Всѣ наши путешественники естественно въ ажитации, вѣдь отъ Харбина уже отѣхали 128 верстъ и почти на театрѣ военныхъ дѣйствій, всѣ разговоры только и вертятся на войнѣ, первые наши эшелоны уже въ Ляоянъ! Встрѣтили товарный поѣздъ—полонъ ранеными: везутъ въ

харбинскіе госпитали, — прямо въ товарныхъ вагонахъ; столько раненыхъ за послѣдніе дни, что санитарныхъ поездовъ далеко не хватаетъ!.. Ложусь спать въ послѣдній разъ въ вагонѣ, завтра прїедемъ въ Мукденъ — Ляоянь.

16-е Июля.

Масса мухъ не дали спать.. въ 5½ час. утра всталъ и началъ приводить себя и вещи въ порядокъ на трудный путь — походъ. Жара 36°, сижу и работаю, буквально обливаясь потомъ, уложилъ чемоданъ и тюкъ, вещей получилось столько, что боюсь, при осмотрѣ обоза не приказали бы выбросить. Не взирая на фѣкій угольный дымъ, открылъ окно — иначе сидѣть нельзя: въ купѣ около 30°. Одна станція стоитъ въ деревнѣ, я вошелъ въ фанзу, просто ужаснулся: грязь и вонь невообразимая, никакой мебели, посреди фанзы идетъ „канъ“, печной ходъ въ родѣ нашего борова, дымъ идетъ по „инемъ“ и въ фанзѣ тепло. Постройки большею частью изъ соломы и глины, стѣны небѣденныя, потолка нѣтъ, а къ стропиламъ пришиты доски, полъ земляной, все темно отъ грязи. На стѣнкѣ, подобіе нашей иконы, стоитъ деревянная дощечка съ надписью ихъ іероглифами, да рядомъ приклеенъ листъ съ изображеніемъ какихъ-то ихъ боговъ. Хозяинъ привѣтствовалъ меня, сжавши 4 пальца въ кулакъ, а большой вытянувши кверху. Сложенную такъ руку онъ подержалъ некоторое время предъ лицомъ и сказалъ по русски „сидись“. Затѣмъ китаецъ взялъ въ руки крестъ мой, указалъ пальцемъ на небо и говорить „шанго“, очевидно стараясь показать свое знаніе, что Иисусъ Христосъ есть Богъ. — Потомъ, чтобы я не смелъ его за безбожника, онъ показываетъ мнѣ на табличку и картинку и подымаетъ руку кверху, какъ бы говоря: „я у меня есть изображеніе Бога!“ Я заметалъ головой и тоже сказалъ „шанго“. Вдемъ мимо китайскаго кладбища, могилы разбросаны безъ порядка, но всѣ одной формы — острый холмикъ, и наверху лежитъ плоскій круглый камень.

Гор. „Телинь“, скоро и Мукденъ.

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

17-е Юля.

18-е Юля.

Прошла ночь, кое-какъ пережили, потомъ облизаясь, такъ же, какъ и днемъ. Въ Россіи хотя ночью отдохнешь, а здѣсь до 2-хъ часовъ ночи духота была такая, что нитки сухой на тѣлѣ нѣтъ. Съ 2-хъ часовъ до 5-ти немного отдохнулъ; потянулъ небольшой вѣтерокъ, а съ 5½ час. началась снова жара и миллиарды мухъ. Всталъ въ 6 ч. утра и прямо грустная новость: въ 12 верстахъ отъ насъ убиты рано утромъ два офицера-пограничника, кто убили—японцы или хунхузы—неизвѣстно... Началась жара, рубашку буквально выжали, но сегодня сноснаѣ: термометръ показываетъ 45°, а вчера было 52°. лишь изрѣдка дунетъ маленькій вѣтеръ, какъ будто Господь сжалился надъ нами грѣшными, пусть, молю, вздохнуть грѣшники на минутку, именно на минутку,—дунетъ, и снова все замретъ! Ко всему можно

привыкнуть, начинаемъ и мы понемногу привыкать потѣтъ!... Ыдетъ генераль и его штабъ, выстроились эскадроны: 1, 2, 3, 4, 5; командиръ полка подходитъ ко мнѣ и беретъ благословеніе на походъ... Взялась туча пыли, это эскадроны двинулись къ Ляояну... мы остались, ожидаемъ 6-й эскадронъ, и тогда подъ его охраной весь обозъ пойдетъ догонять полкъ. Обѣдали у Б., вспоминали, какъ хорошо обѣдаютъ наши родные подъ прохладною тѣнью Тверскихъ и Орловскихъ садовъ и березъ, а мы здѣсь ѣдимъ, точно трудную работу дѣлаемъ, въ потѣ лица,—но настроеніе не угнетенное, слава Богу, стараемся даже шутить и какъ дѣти мечтаемъ о томъ блаженномъ времени, когда снова сядемъ въ вагонъ для возвращенія въ дорожную Россію, къ милымъ лицамъ и мѣстамъ. Охъ! какъ далеко до этого счастливаго дня!... Да будетъ воля Божія надъ нами!

19-е Іюля.

Ночью пришелъ 6-й эскадронъ, встали въ 5 ч. утра и начали выстраивать обозъ, вышелъ огромный поѣздъ до ста повозокъ; въ 9½ ч., благословясь, выступили: впереди дозорные, затѣмъ взводъ солдатъ, обозъ и въ хвостѣ оставшая часть эскадрона. Я сначала поѣхалъ со своей двуколкой рядомъ, но потомъ проскакалъ впередъ къ сторожевому взводу, гдѣ меньше пыли. Ыдемъ, начинается жара, надѣмся, проѣхавши 15 верстъ, отдохнуть въ назначенной деревнѣ „Лютон-тай“. Припекаетъ такъ, что у нѣкоторыхъ волдыри уже вскочили, у меня стало больно тронуть шею,—какъ ни защитишь, а все-таки припекаетъ!... Буду долго помнить этотъ день!.. Только въ книгахъ я читалъ о походахъ среди зноя, о невыносимой жадѣ, когда люди сходятъ съ ума со словами: „Вода, вода“. Теперь я и всѣ наши это испытали на себѣ. Жара болѣе 50°, и мы ѣдемъ въ облакахъ пыли. До деревни доѣхали благополучно, хоть нѣсколько разъ людьми подтягивали парные повозки. Я выпилъ всю флягу воды, цѣнилъ ее выше золота. Приѣхали на мѣсто въ часъ дня. Какъ манны небесной ожидали мы, хотя воючей, но все-таки прохладной фанзы и чаю, и что же?... Эскадроны наши уже посѣдланы и командиръ полка уже объявилъ, чтобы мы не расирягались, а черезъ два часа трогались дальше, дужно непременно къ вечеру приѣхать въ Ляоянъ.

и дойти до штаба корпуса еще версты 4 къ бывшему китайскому монастырю, въ храмахъ котораго размѣстились люди и лошади. Во время боксерской войны 1900 г. этотъ монастырь укрывалъ хунхузозъ, и въ наказаніе тогда же упраздненъ, а боговъ китайцы унесли. Ѣдемъ по линіи жел. дор. и мнѣ съ лошадыю прямо бѣда: страшно боится, прыгаетъ, однажды едва не сбросила... Проѣзжаемъ деревнями; каждый домъ—это своего рода крѣпость, окруженъ высокою глиняной стѣной, а у богатыхъ каменною съ фигурными воротами, на концахъ которыхъ головы драконовъ, а на гребняхъ маленькія собаки. При вѣздѣ въ деревню стоятъ каменные столбы съ головами собакъ и драконовъ, исписанные іероглифами. При проѣздѣ на улицѣ масса народу, но... одни только мужчины, женщинъ-же, или какъ ихъ называютъ по-русски китайцы, „бабушекъ“, они прячуть, и при всемъ желаніи съ трудомъ можно увидѣть женщину, а заговорить съ ней—почти никогда. Женщины, которыхъ удавалось видѣть, всѣ отлично причесаны съ разнородными шишьяками, довольно хорошо одѣты. Женъ китайцы прячуть въ внутреннихъ фанзахъ; обыкновенно строятся главная фанза среди двора, а затѣмъ нѣсколько маленькихъ—въ закоулкахъ, такъ что когда войско входитъ на постой въ деревню, то ворота въ дворахъ заперты, а на стукъ только тогда открываютъ, когда хорошо спрячуть своихъ „бабушекъ“. Смотрѣть тяжело на женщинъ, когда онѣ идутъ. Представьте человѣка, у котораго обрѣзана половина ступни; какъ онъ идетъ? Такъ ходятъ на своихъ съ дѣтства изуродованныхъ ногахъ несчастныя китайяки! Интересное зрѣлище представляютъ уличные мальчишки: они цѣлымъ кагаломъ встрѣчаютъ насъ, почти всѣ голые, прыгаютъ, хлопаютъ въ ладоши, показываютъ намъ большой палецъ, кричатъ и мнѣ „шанго капитанъ“, отдають честь по-солдатеки, шаркають, стараются пѣть на манеръ военныхъ пѣсней... даже крестятся... у каждаго, самаго маленькаго, заплетена коса... однимъ словомъ, премилая компанія, и солдаты наши хохочутъ во всю! —Китайцы всѣ почти безъ бородъ и усовъ. Оказывается, что усы можетъ носить прожившій извѣстное число лѣтъ женатымъ, а бороды носить только дѣды, имѣющіе внуковъ. Передаютъ, что родители многочисленныхъ семей не прочь осво-

бодиться отъ лишняго рта и продають свое дитя. У одного коменданта стаціи Манчжуріи мы встрѣтили двухъ китайчатъ, прислуживающихъ за столомъ, оказалось куплены; не увѣряю, можетъ быть комендантъ надъ нами подшутить. По дорогѣ мнѣ говорили, что офицеры N полка купили двухъ китайчатъ по... семи руб. за cadaго, а ословъ продають за 25 р. Думаю, что это пустяки: слишкомъ уже дикая купля и продажа! Деревня „Лютон-тай“ большая; едва проѣхали къ командиру полка, который помѣщался во дворѣ кумирни; я ее осмотрѣлъ: высокая каменная ограда очень хорошей постройки, и самая кумирня—тоже; вообще китайскія постройки только на картинкахъ легки и мало привлекательны, но въ натурѣ очень тяжелы и оригинально-красивы, хотя однообразны, какъ все китайское. Въ кумирнѣ собственно три храма и въ каждомъ по 9 боговъ: три противъ входа и по три по бокамъ. Боги сдѣланы очень хорошо, раскрашены пестро, выраженіе лицъ у однихъ спокойное, у другихъ улыбка, а у нѣкоторыхъ выражена страшная злоба; приклеены бороды, усы, одѣты въ національныя одежды мужскія и женскія, а также въ старинныя военныя костюма. Предъ богами стоитъ жаровня, на которой 1-го и 15-го числа cadaго мѣсяца прихожане зажигаютъ курительныя свѣчи, а на новый годъ у храмовъ устраиваются процессіи, церемоніи и сжигается масса курительныхъ свѣчей. Храмъ содержится грязно, запахъ амбара и бобоваго сквернаго масла. Во дворѣ стоитъ невысокая колокольня съ однимъ колоколомъ. Предъ входомъ огромныя каменныя собаки или львы,—не разберешь; на крышахъ драконы и маленькія собаки чудной работы, карнизы подъ крышами, колонны—все выкрашено въ разные тоны въ родѣ маіолики или эмали, дворъ вымощенъ каменными плитами, только жаль, все это очень грязно. Жара томительная, жажда столь мучительна, что я готовъ дать 10 р. за фляжку кипяченой воды; искушался выпить хоть холодной... не вытерпѣлъ, обращаюсь и прошу солдата дать мнѣ глотокъ изъ его фляги, хотя знаю, что ему также очень нужно,—стыдно, а прошу и что же? Милые солдаты сейчасъ изъ своихъ флягъ налили мою. Глотнулъ разъ, пополоскалъ ротъ и приложилъ къ груди неопценное сокровище. Кажется, что нѣтъ высшаго счастья сей-

часъ, какъ холодная вода... 52°, говоритъ докторъ, лежимъ
 подъ деревомъ, лошадямъ мочать головы водою; я ѣмъ ку-
 сокъ хлѣба насильно, ѣсть не хочется, но нужно же; въ
 карманѣ сухари, вотъ пыль-бы, ниль бы!.. долго крѣпились
 офицеры, не выдержали, крикнули въстоваго, и ведро хо-
 лодной воды чистой, чудной среди насъ...— Докторъ, офи-
 церы накиннулись и буквально выпили почти все ведро, и
 я, грѣшный! глотнулъ четыре раза, больше не буду.

Въ 4 часа поѣхали дальше и въ Ляоянь прибыли въ 7 1/2
 ч. вечера, стали на берегу прекрасной рѣки Тайдзыхе, а Б. по-
 ѣхалъ въ штабъ корпуса узнать, гдѣ стать намъ. Я, какъ
 магнитомъ, потянулся къ рѣкѣ, она кишѣла солдатами и
 лошадьми артиллеріи, и я съ вахмистромъ 6-го эск. отлично
 выкупался. Войска движутся непрерывно, всѣхъ сортовъ
 оружія, обозы и много муловъ и ословъ. Темно, звѣзды
 ярко блестятъ, съ трудомъ переѣхали понтонный мостъ и
 долго плутали по городу, не находя въ темнотѣ своего мѣ-
 ста; все движется кругомъ, все кричитъ и дѣлаетъ глубокому
 сожалѣнію, крѣпко ругается; только въ часъ ночи пріѣхали
 на бивакъ. Ъхали въ такой нѣдѣ, что не было видно пе-
 редней двуколки; я едва дышалъ черезъ носъ... перетерпѣ-
 ли!... Насъ помѣстили при штабѣ 17 го корпуса пока, а полкъ
 раздѣлили по частямъ, меня будутъ требовать по мѣрѣ на-
 добности. Я едва шелъ, вздохнуть глубоко нельзя, все вы-
 сохло, покрыто пылью... скорѣе мыться! о счастье, мистая
 вода, холодная, — лью, лью безъ конца на себя — этотъ элек-
 сиръ... вымылся и что же дальше? вѣдь часъ ночи, гдѣ
 достать кипятку, пицци? Съ 10 час. утра и до сего времени
 я съѣлъ только кусочекъ хлѣба и одно яйцо. Спасибо Ч. и
 онъ напоилъ меня чаемъ, накормилъ горячей пиццей, выдалъ
 три бутылки вина, присланныя Великой Княгиней. Слава
 Богу, можно лечь... На каменномъ полу пацрти храма я и
 А. поставили койки, выпили краснаго вина и, вспоми-
 ная пережитыя лишения и труды, хотѣли уже распра-
 вить усталые члены подъ звѣзднымъ темнымъ небомъ, какъ
 вдругъ голосъ проснувашагося сосѣда говоритъ: „Господа
 здѣсь много скорпіоновъ, будьте осторожны, мы уже нѣсколь-
 кихъ поймали, постелите на кровати бурки, они шерсти бо-
 ятся, и тогда спите спокойно“. Господи, новое горе, — только

что уснуть, отдохнуть, а тут скорпионы... постлали бурки, и наконец улеглись в 3-емъ часу, а в 5-ть уже надо вставать—жара и мухи спать не дадутъ. *20-е Июля.*

Прошелъ вчерашній день трудный, и какаѣ разница отъ прошлаго года!.. Тогда въ этотъ день я былъ въ Саро-гѣ, былъ счастливъ, а теперь? Теперь исполнились слова Преп. Серафима, сказанныя мнѣ во снѣ о перемѣнѣ жизни: „тогда я тебѣ укажу“ и вотъ въ день своего прославленія онъ указалъ мнѣ, что я долженъ перетерпѣть *труды и лишения военно-походной жизни*, раньше были цвѣтики, по день 19 июля—это—первый день настоящаго похода, настоящаго страданія! Вижу и вѣрю, что по молитвамъ Пр. Серафима я буду живъ и здоровъ. Всѣ бросились на воду, потеряли терпѣніе, а я, страшно страдаю, какъ и они, все же вытерпѣлъ и у нихъ теперь въ животѣ „лющитъ“, а у меня, слава Богу, благополучно. Всталъ около 6 часоу утра и перебрался въ пустую келлію китайскихъ монаховъ-бонзъ, гдѣ и размѣстились въ двухъ прегрязныхъ комнатахъ: я, Б., А., дѣлопроизводитель, Г. и Ш. Боимся скорпионовъ, но приняи мѣры и теперь покойны; шутимъ, обильно потѣмемъ и мечтаемъ объ обѣдѣ. Рѣшили сегодня ради праздника устроить куриный супъ изъ консервовъ и битки. Поставили пустой ящикъ—это столъ, присѣли вокругъ него и отлично пообѣдали; консервы—это роскошь,—супъ и щи, какъ будто сегодня варили... Чай, конечно, не сходить со сцены. Что то заволновался нашъ штабъ, всѣ высыпали... что это?—Убитаго генерала Келлера везутъ... простой чернѣй гробъ, завылная печальная пѣхота уныло идетъ за гробомъ... Умеръ генералъ истиннымъ героемъ, умно и храбро командовалъ боемъ, ободрялъ солдатъ и офицеровъ!.. Вдругъ разорвалось ядро, одинъ осколокъ попалъ въ Келлера, онъ опустился на руки подсакавшаго офицера со словами: „охъ, тошно мнѣ!.. братцы, не отступайте“. Черезъ 20 минутъ скончался.—Японцы, сильно наступають, приближаются къ Ляояну, теперь бой идутъ непрерывно, танутся обозы—гробы съ ранеными. Отъ духоты апатія полная, ходимъ какъ сонные, да и дѣйстви-тельно снимъ только 4 часа въ сутки, не больше! Разные

слухи носятъ про японцевъ и русскихъ—самые противорѣчивые, не знаю кому вѣрить, рѣшилъ строго не довѣряться никому. Въ 2 ч. 10 м. дня начался бой на позиціяхъ около Ляояна, ясно слышалась канонада, два залпа разобрали, потомъ все прекратилось. Вечеромъ пошли осматривать городъ. Онъ очень большой, окруженъ огромными толстыми стѣнами, каменными, съ пятью воротами, въ немъ много кумиренъ и кромѣ жилыхъ—нѣсколько торговыхъ улицъ, сплошь занятыхъ разнообразными ихъ магазинами, банками, театрами, циркулями. Очень оригинальны эти улицы—узкія, немощенныя, но обильно политыя водой, которую китайцы бросаютъ прямо изъ чашекъ. Какъ флаги болтаются вывѣски съ іероглифами, на перекресткахъ стоятъ высокіеobelisks въ видѣ точевого каменнаго столба съ надписями или на подобіе дерева, только вмѣсто вѣтвей—драконы, змѣи вызолоченныя. Въ одинъ магазинъ-банкъ насъ пригласили любезные хозяева, провели во внутренній дворъ, весь вымощенный плитами, уставленный растениями, а посреди двора—акваріумъ съ рыбами; внутри двора еще три дома, два жилые, а въ третьемъ помѣщается домашняя молельня. Сынъ хозяина былъ такъ радушенъ, что пригласилъ насъ и туда. Досталъ боговъ, курительныя свѣчи... все показалъ. Мы ему сказали: „спасибо“,—что китайцы хорошо понимаютъ. Идемъ по улицѣ, масса народу, важно шествуютъ городскіе щеголи, тщательно выбритые спереди, косы блестятъ и въ нихъ вплетены шелковые косники,—широкіе, синіе шаровары и сверху что то въ родѣ длинной синей рубахи; на ногахъ бѣлые чулки и черныя туфли, въ рукахъ вѣера... Бдутъ, небрежно болтая,—имъ уступаютъ дорогу. Бдутъ двуколки, запряженныя муломъ, крытыя, съ стеклянными окнами, съ занавѣсками—въ нихъ воасѣдають важные „купцы“. Лишь только остановится двуколка, возница вскакиваетъ, подставляетъ скамеечку и подъ руку высаживаетъ кунца, его привѣтствуютъ прохожіе, присѣдая; онъ нѣкоторымъ, болѣе почетнымъ, отвѣчаетъ тѣмъ-же. Часто стоятъ полицейскіе въ синихъ короткихъ курткахъ съ бѣлымъ кругомъ впереди, испещренными иишьменами объ его обязанности; въ рукахъ палка, на которую насажено копые и красный флагъ. Шумъ, крикъ, пахнетъ чѣмъ то прокислымъ, слытъ, что Халары предпринимали частыя заходы

прямо тошнить. «Кушцы» сидят за прилавками, обмахиваясь веерами и наслаждаясь пением любимого китайского соловья— простого, громадного, зеленого кузнца-сверчка, который сидит у них над головами въ клеткѣ и оглушительно чирикает; здѣсь же на улицѣ сидят доктора на корточкахъ и ожидаютъ пациентовъ; здѣсь же производится осмотръ и лѣчение. Гремить китайская музыка—это несут думерпаго. Странное зрѣлище: огромный гробъ-колода, впереди него цѣлая процессія: несутъ противныхъ бумажныхъ драконовъ, муловъ, замѣй, музыка завываетъ съ громомъ барабана. Я купилъ себѣ вѣеръ за 30 коп. Возвращаясь обратно, заходили въ ихъ болицейскую часть;—она представляеть собой очень большой дворъ, и обнесенный высокой, каменной стѣной, внутри двора множество грязныхъ фанзъ—это тюрьмы сегодня въ нихъ хунхузы, и наконецъ на дворѣ же лежатъ штукъ 20 собакъ, обязанности которыхъ не только сторожить преступниковъ, но и подлизывать кровь ихъ послѣ казни. Подходить банза, подаетъ мнѣ руку и показываетъ мимикой, что онъ такой же служитель теба, какъ и я. Вернулись въ кумирнѣ, смотрю толпа чиновниковъ на площадкѣ храма въ возбужденіи, оказалось, они нашли у себя скорпіона и заморили его бензиномъ!.. Въ этотъ вечеръ въ кумирнѣ убили ихъ 4 штуки. Покрылъ опять буркой кровать и спокойно ложусь. *(Продолженіе будетъ).*

Жа войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

21-е Іюля.

Сегодня записать нечего. Полкъ нашъ перевели на самыя передовыя позиціи, въ 9 верстахъ отъ японцевъ и раздѣлили на четыре части. Жара прежняя и все тоже. Если

не придется найти дѣла въ полку, то надо проситься въ госпиталь приобщать больныхъ. Гуляли, ходили на вокзалъ, — грязный и полонъ офицеровъ, встрѣтили двухъ китайнокъ, — онѣ ходятъ въ шароварахъ и короткихъ рубахахъ. Пришелъ солдатъ ко мнѣ и сказалъ, что сегодня ночью патронная двуколка опрокинулась и сильно раздавила нашего солдата. Иду въ обозъ приобщать его. Прихожу, лежитъ на землѣ подъ двуколкой, я сталъ на колѣна рядомъ, на чемоданъ поставилъ св. Дары и здѣсь-же неоповѣдывалъ и приобщилъ его, — какъ онъ быть радъ! До чего доводитъ война! Думаль-ли я когда-нибудь приобщать больныхъ прямо на землѣ, среди лошадей, чуть не на навозѣ?! Точно также приобщилъ заболѣвшаго кузнеца Зотова, при чемъ произошелъ инцидентъ, меня напугавшій: во время приобщенія рядомъ стоявшая лошадь вздумала повалиться и едва не опрокинула все. — Больныхъ отравили въ лазаретъ. Японцы сильно насѣдаютъ, ходятъ упорные слухи о дальнѣйшемъ отступленіи. Что-же? Унывать не будемъ, а лучше будемъ вѣрить, что это мы ихъ заманиваемъ все дальше, чтобы отрѣзать японцамъ отступленіе.

22-е Юля.

Слышу, слабо доносится какъ будто звонъ церковный... Говорятъ, что это звонятъ въ вокзальной церкви, такъ какъ сегодня высокоторжественный день... Возрадовался я и поспѣшилъ одѣться... Пошелъ, черезъ нѣть минутъ облился потомъ, совершенно нечѣмъ дышать, но все же иду; предъ глазами показался храмъ, какъ магнитъ священный, и потянулъ къ себѣ, несмотря ни на что. — Идутъ войска на парадъ. Великій Князь Борисъ Владиміровичъ, генералы, офицеры, военные иностранные агенты, — картина внушительная... Куропаткина лѣтъ, онъ ухалъ въ Хайченъ, который наши оставляютъ, чтобы собраться вокругъ Ляояна, гдѣ и ожидается надняхъ ужасное сраженіе, отъ котораго много, много будетъ зависѣть... Господи, помоги намъ! Началось Богослуженіе. Я сталъ сзади съ солдатами. Скоро и хорошо прошло Богослуженіе. Невыразимо отрадно было молиться, хотя какъ-то я очерствѣлъ въ общемъ... Живемъ въ грязи, миллионы мухъ, духота, мало спимъ... Идетъ чиновникъ контроля, блѣдный, взволнованный и говорить, что сейчасъ ему пришлось нечаянно увидѣть смертную казнь: прямо на улицѣ около полицейскаго дома отрубили головы двумъ молодымъ

китайкамъ за прелюбодѣяніе; головы ихъ въ грязномъ мѣшкѣ брошены тутъ же на улицѣ, чтобы прохожіе поучались супружеской вѣрности. Вотъ въ какой странѣ мы сейчасъ находимся, и когда-то Господь приведетъ намъ выбраться отсюда?!

23—24-го *Июля.*

Эти дни идетъ дождь, никуда не выходилъ. Прошли слухи, что будто бы нашъ 3-й эскадронъ взялъ въ плѣнъ 27 хунхузовъ. Полкъ нашъ ушелъ въ горы.

25-е *Июля (воскресенье).*

23-е и 24-е прошли не только безъ приключеній, но даже томительно скучно. Побывавъ разъ въ городѣ, другой разъ не тянетъ. Вчера съ корпуснымъ ветеринаромъ ходили ко всеношной, а сегодня къ Св. Литургіи въ церковь главной квартиры. Сталъ я на своемъ мѣстѣ позади всѣхъ и невольно пришлось наблюдать, — какъ поднято у всѣхъ религиозное чувство!.. Вотъ въ углу вмѣстѣ съ солдатами стоятъ два генерала и какъ молятся!.. одинъ почти половину службы простоялъ на коленяхъ... Рядомъ солдатъ, не обращая вниманія на генерала, усердно кладетъ земные поклоны... Церковь полна офицеры и солдаты всѣхъ родовъ оружія, запыленные, загорѣлые; на всѣхъ лицахъ печать какой-то серьезности, немножко грусти, каждый какъ будто къ чему-то великому готовится... и это одинаково у всѣхъ — высшихъ и низшихъ. Женщинъ нѣтъ... двѣ три сестры милосердія и какія то тоже запыленные, обносившіяся. Пришло время запричастнаго, пошелъ офицеръ съ тарелкой, и... посыпалось: серебро, бумажки, цѣлый ворохъ... каждый клалъ щедрой рукой, какъ-бы говоря: „лучше пусть Божьему храму достанется, чѣмъ, если убьютъ, басурманину!“ Вышелъ церковникъ на амвонъ и внятнѣмъ голосомъ вдохновенно прочиталъ молитвы ко св. причащенію; причастниковъ было человѣкъ 100 солдатъ... Въ душѣ что-то клокотало, дыханіе участилось, слезы навертывались на глаза... едва не разрыдался... да! трудно забыть эту картину: молитва и причастіе передъ смертію! — Ночью дилъ страшный дождь, и площади г. Ляояна превратились въ непроходимыя зловонныя болота. Идемъ изъ храма: посреди площади — болота застрялъ обозъ Краснаго Креста, и на одной изъ двуколокъ, везущей двухъ больныхъ, на козлахъ сидитъ и править лошадыю сестра милосердія. Вдетъ цѣлый поѣздъ

риക്ഷъ, на которыхъ сидятъ офицеры. Угнетающее впечатлѣніе производить на меня эти люди—лошади бѣгутъ, быстро дышать, лѣтъ потъ, выраженіе лица страдальческое..., а въ экипажѣ сидитъ подобный ему человекъ. Я не рѣшался сѣсть ни разу. Врачи утверждаютъ, что добрая половина рикшъ страдаетъ сердцемъ. Теперь они много зарабатываютъ.—Двѣясь впечатлѣніями, мы пришли въ свою „кумирню сорока боговъ“ и остальное время дня прошло попрежнему скучно, однообразно... Подъ вечеръ небо заволкло тучами, разразилась гроза, и хляби небесныя открылись, пролили на насъ море воды.

26-е, 27-е и 28-е прошли скверно—мы всё болѣли лихорадкой, теперь оправдись.

29-е. *Юль.*

Вотъ уже десять дней прожили мы въ Ляоянской кумирнѣ сорока боговъ, въ прекраснѣйшемъ обществѣ чиновниковъ контроля и казначейства 17 корпуса и ветеринара П. Ежедневно другъ у друга пили чай, бесѣдовали и вмѣстѣ тосковали по родицѣ и близкихъ, каждый разъ прибавляя: „хоть миллионъ дай, но жить и служить въ этой странѣ ни за что не остались бы... Зовутъ обѣдать... Кстати объ обѣдахъ: это время мы прекрасно питались—на открытомъ воздухѣ сервировали отъ собранія столъ и новаръ отлично готовилъ. Если бы не духота, вонь и сырость, да не вѣчный страхъ предъ скорпионами, то можно-бы отдохнуть за это время. Съли обѣдать. Подаютъ телеграмму отъ 4-го эскадрона: „при рекогносцировкѣ рѣки „Тайдзыхе“ утонулъ корнетъ Гончаровъ.“ Какъ громомъ поразила насъ эта вѣсть—первая жертва нашего полка шла ко Господу, кто-то будетъ второй, третьей?!. Сохрани Боже! Тѣла не нашли, только поймали одну фуражку, завтра поѣду въ эскадроны отслужить наихиду и молебень, а то уже давно не молились. Ходили съ Н. В. къ главному полковому священнику, онъ далъ мнѣ нѣкоторые совѣты и между прочимъ сообщилъ мнѣ грустную новость: во время сраженія убитъ священникъ Тамбовскаго полка, о. Любомудровъ.

30-е. *Юль.*

Кончилось наше Ляоянское сидѣніе, полученъ приказъ передвинуться къ дер. „Цзюцзяваньцзы“. Я съ Мих. осѣдлали коней и въ сопровожденіи конвоя, въ 2 ч. дня вы-

ѣхали въ деревню *Шахедзы*, гдѣ стоятъ 3-й и 4-й эскадроны, чтобы отслужить тамъ молебны, а также и панихиду по корнету Гончарову, а оттуда уже ѣхать на соединеніе съ обозомъ. Проѣхали безконечный Ляоянь, выѣхали за стѣну и начали переправу черезъ несчастную рѣку „Тайдзыхе“ по понтонному мосту,—этотъ мостъ черезъ два дня разорвало. Слѣзли съ коней, ведемъ ихъ въ поводу, мостъ очень длинный, узкій, и каждую минуту ожидаемъ, что вотъ, вотъ его разорветъ,—такъ неимоვნно быстро мчится вода отъ дождей! Вчера на бродѣ перевернуло четыре пѣхотныхъ двуколки, и два солдата утонуло. Слава Богу, перешли.— Сѣли и поѣхали дальше; не болѣе полуверсты отъ моста видимъ опять рѣку, не широкая, но очень бурная, тоже образовалась отъ дождей. Посланъ впередъ унтеръ-офицеръ: не глубоко, не много выше колѣнъ лошади. Одинъ за другимъ переѣхали. Странное чувство испытывалъ я во время этого переѣзда. Подъ ногами несутся волны, и какъ только взгляну внизъ, такъ сейчасъ-же голова начинаетъ кружиться и сразу тошнить. Высокіе сапоги сослужили мнѣ здѣсь хорошую службу. Ѣдемъ среди полей чумизы, гаоляна, бобовъ. Гаолянъ—вотъ удивительное растеніе, выше всадника на аршинъ. Я срѣзалъ одинъ стебель: 5 арш. 2 вершка. Гаолянъ.—это излюбленное мѣсто пребыванія хунхузовъ. На встрѣчу ѣдутъ китайскія арбы, нагруженныя женщинами. Это китайцы, предвидя сраженіе и разореніе, перевозятъ своихъ женъ и дѣтей на Мукденъ... При встрѣчѣ съ нами рѣдкая китайка посмотритъ, а большинство или закроется вѣтромъ или отвернется. Жаль мнѣ ихъ, сердце сжимается! Ни въ чемъ неповинныя существа должны бросить свои гнѣзда, свои такъ тщательно воздѣланныя и любимыя ими поля, и бѣжать съ нѣсколькими мѣшками гаоляновой муки и бобовъ, чтобы вернуться потомъ къ пеплу... Вотъ раздается визгъ и свистъ кнута... арба застряла, животныя выбились изъ сѣль, а ѣхать надо,—сзади русской обозъ, дай дорогу! Да и надо дать, въ обозѣ везутъ хлѣбъ и мясо на позиціи солдатамъ, которые, можетъ быть, ничего не ѣли, минута дорога... Вотъ лежитъ на дорогѣ осель, издыхаетъ... Бѣдное животное, оно несетъ 3—4 пуда обычно, а теперь завалили 8 пуд, да и грязь по колѣна, не выдер-

жалъ... Вдемъ по деревнѣ... Кумирня... вѣроятно, была хорошая, но теперь... одно разореніе. Въ 4½ ч. пріѣхали благополучно въ дер. „Шичензы“, вошелъ въ фанзу, гдѣ помѣщаются Б. и Л., съ ними же тамъ былъ и Гончаровъ; собрались офицеры, и что же? Многіе плачутъ, вспоминая погибшаго товарища! Давали 100 руб. китайцамъ, чтобы они отыскали тѣло этого полкового первомученика, но не шли; только полк. Ч. привезъ всплывшую его фуражку.—Солдаты вывели дворъ фанзы, выгнали противныхъ китайскихъ черныхъ свиней, набросали вѣтвей, травы, собрались 3-й и 4-й эск. при полной боевой амуниціи; унтеръ-офицеръ сталъ спереди съ иконой... Охъ, картина!.. Въ далекой Манчжуріи, вмѣсто храма во дворѣ китайской фанзы, собралось христіанское войско помянуть молитвой, вѣчной памятью погибшаго при исполненіи своего дѣла и присяги... И грустно, и что-то вродѣ воодушевленія; каждый взоръ говорить: „Что-жъ, и я исполню свой долгъ, когда прійдетъ часъ мой!“ Я облачился въ ризу, взялъ въ руки крестъ и, обратившись къ солдатамъ, сказалъ имъ небольшое поученіе, приглашая ихъ, помолвившись усердно за усопшаго, воодушевиться его примѣромъ, чтобы безъ страха идти на поле брани, памятуя о присягѣ и о томъ, какъ ее исполнилъ корн. Гончаровъ, а для этого, памянувши умершаго, необходимо и намъ живымъ попросить благодатной помощи у Господа,—поэтому послѣ панихиды отслужилъ молебень. „Благословенъ Богъ нашъ“, провозгласилъ я,—солдатики дружно подхватили „Аминь“, и полилось наше чудное священное пѣніе панихиды на китайскомъ дворѣ! Быть можетъ, мало было гармоніи, но гдѣ ея не хватило, тамъ ее восполняли обстановка и общее воодушевленіе!.. Смотрю я на небо, и хочется представить, что это мы поемъ тамъ, на родинѣ!.. Да, вездѣ Господь, вездѣ Его возможно славить; вотъ и здѣсь мы молились, и китайцы притихли, съ удивленіемъ изъ своихъ фанзъ наблюдая за нашимъ богослуженіемъ. Окончили молитву, взошли въ фанзу, и за чашкой чая вспомнили еще разъ подробности гибели Гончарова. Унтеръ-офицеръ изъ его разѣзда рассказываетъ: „Подѣхали мы къ рѣкѣ „Тайдзыхе“, ее перейти надо, вижу я: вода бунтуетъ, поѣхать, попытаться,—никакъ не возможно:—

а онъ мнѣ: „коли офицеръ приказываетъ, такъ значить можно“, и съ этими словами первый въѣхалъ въ рѣку.. Не успѣли мы и глазомъ моргнуть, какъ видимъ лошадь его перевернуло три раза, побарахталась, выплыла.. а барины нашъ ни разу даже не выпуриуль. Бросились мы, да съ той стороны 150 казаковъ,—не нашли, видно тѣло унесло водою“. Корнетъ Р. передаетъ, что передъ отправленіемъ въ разъѣздъ Гончаровъ говорилъ: „мнѣ кажется, я сегодня увижу папу и маму“. Предчувствіе сбылось!.. Я взялъ фуражку его и дневникъ, чтобы переслать сестрамъ. Осѣдлали коней, дали мнѣ 10 человекъ конвоя. Надо проѣхать 8 верстъ среди двухъ стѣнъ гаоляна. Вдемъ, разговариваемъ.. Встрѣтили китайскаго христіанина съ большимъ мѣднымъ крестомъ на груди,—указывая на него, онъ твердитъ: „католикъ, Іезусъ Христосъ, Марія“, и увидѣвши у меня крестъ на груди, обрадовался и быстро заговорилъ: „патеръ, патеръ!..“ Показалъ намъ дорогу.—Встрѣчается много китайцевъ во всемъ блѣдомъ, значить въ глубокомъ траурѣ! О, эти ужасы войны, помощи, Боже, смиренно переносить ихъ!.. Пріѣхали въ свою новую стоянку уже вечеромъ, темно. Подошелъ обозъ и мы расположились на бобовомъ полѣ. Едва дождался палатки и кровати, свалился, какъ убитый.. Слава Богу, сегодня я былъ полезнымъ членомъ арміи: я служилъ и молился съ солдатиками, видѣлъ, какъ имъ было пріятно помолиться, какъ они ободрились.. Если буду здоровъ, постараюсь объѣзжать эскадроны.

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

Съ 31-го Іюля по 5-е Августа.

Утромъ 31-го я едва поднялся съ кровати,—слабость, боль въ костяхъ и тошнота. Очевидно пришла и моя очередь поболѣть Манчжурской лихорадкой, всѣ вѣдь наши уже переболѣли, я одинъ отсталъ! Рѣшили перейти съ этого неудобнаго бивака; Н. В. нашелъ подъ деревьями на берегу озерца хорошее мѣстечко, куда къ 11-ти час. утра и переѣхали. Разбили палатки въ тѣни деревь, почти рядомъ линія жел. дороги, бѣгутъ поѣзда въ Россію, и мы грѣбные, какъ дѣти, мечтаемъ, что вотъ-де сидимъ въ вагонѣ у окошечка и кѣтимъ на милую родину, съ каждымъ поворотомъ колеса мы ближе къ вамъ, но... прошелъ поѣздъ, оглянулись... палатки, кони, фуры, китайцы, грязь... вздохъ и шепотомъ молитва: „пусть будетъ воля Божія надъ нами. Онъ все устроитъ!“ Часовъ до 4-хъ погода была хорошая, но я сильно разболѣлся и лежалъ въ палаткѣ... предполагать служить всеобщую, но—не смогъ. Часовъ съ 5-ти пошелъ сильный дождь, сразу все превратилось въ лишнюю грязь, льетъ не переставая. За этотъ день я насильно съѣлъ два яйца въ смятку. Подъ дождь и улеглись. Палатка наша цѣлый день терпѣла, потомъ стала немного протекать! Слава Богу, прожилъ послѣдній день 33-го своего года и вступилъ въ 34-й, благослови Господи! Я легъ въ сапогахъ, въ одеждѣ, укрылся сверхъ одѣяла непромокаемымъ плащомъ... кругомъ льетъ, сырость, въ палатку залѣзли спѣсаться масса мухъ, козявокъ, пауковъ, двухвостокъ... всю ночь промучился, страшно голова болѣла,—а день 1-го августа былъ для меня самый трудный, жаръ до 39°, рвота. Спасибо Вел. Княгинѣ, Ея лекарство отъ „маляриі“ спасло меня. Весь

день ни одной крошки не ѣлъ, пить по глотку холодный чай... К. и М. не отходили, искренно сокрушаясь... но болѣзнь моя оказалась обыкновенной здѣшной лихорадкой и 2-го августа я сталъ уже оправляться, а 4-го былъ совершенно здоровъ!—Здѣсь страшно трудно достать пищу, все занято войсками, каждая фанза,—намъ и фанзъ не хватило. М., зная какъ я люблю лимоны, сѣлъ въ поѣздъ и уѣхалъ за ними въ Мукденъ (въ Ляоянѣ нѣтъ ихъ) за 50 верстъ 2-го авг. вечеромъ онъ дѣйствительно привезъ 10 свѣжихъ лимоновъ и нѣсколько мягкихъ булокъ. Спасибо имъ, этимъ истинно добрымъ душамъ, участие ихъ меня до глубины души трогало!

Съ 31-го юля и до 5-го августа дождь лить не переставая; все у насъ промокло, отсырѣло, заплеснѣло: палатки, погребецъ, бѣлье, сапоги, кровати—все зеленое, у меня осталось немного сухарей,—такъ они сдѣлались снова хлѣбомъ, какъ будто и не сохли никогда, перья въ погребцѣ заржавѣли. Озера и рѣчки разлились и слились съ дорогами, которыя въ свою очередь стали рѣчками... Какъ доказательство приведу фактъ: около нашихъ двуколокъ шла хорошая, сухая дорога (здѣсь всѣ дороги въ углубленіи),—теперь это рѣчка и сегодня утромъ наши солдаты около своей телѣги поймали рыбу—красноперку, я самъ видѣлъ. М. М. и адъютантъ живутъ въ одной палаткѣ. Однажды они пошли къ писарямъ, въ это время вдругъ прорвалась вода и затопила ихъ палатку. Когда они пришли, то насладились очень интереснымъ зрѣлищемъ: ихъ погребцы, чемоданы, подушки, туфли—плавали по водѣ,—мы же спаслись, наша палатка выше, на холмикѣ. Вчера передъ нашимъ бивакомъ перевернулась фура, и лошадь упала, едва спасли, почти совсѣмъ захлебнулась. Прошли мимо насъ на позицію Воронежскій и Козловскій пѣх. полки... Они ужъ не разъ сражались, но унынія не замѣтно, идутъ, шутятъ, шагаютъ подъ проливнымъ дождемъ, переходятъ по поясъ въ водѣ, дороги-рѣчки... истинные герои... часа три продолжалось это прохожденіе одинъ за другимъ, офицеры идутъ тутъ же наравнѣ съ солдатами... ужасно! Сегодня почти весь день нѣтъ дождя и мы немного обсохли.

6-е Августа.

Ночь была страшно холодная, я спалъ, надѣвши на голову шлемъ и укрывшись теплымъ одѣяломъ. Можно ли повѣрить, что нѣсколько дней назадъ здѣсь жара превышала 40°. Небо покрыто тучами, вѣтеръ... Очевидно, что природа борется, и у насъ многіе того мнѣнія, что дожди оканчиваются. Всталъ въ 7-мъ часу, скорѣй пошелъ выбрать мѣсто для Богослуженія; нашелъ приличное мѣстечко среди гао-ляна подъ развѣстыми деревьями; солдаты выровняли лопатами борозды, вымелъ, принесли столъ, я его покрылъ скатертью и поставилъ иконы, Евангеліе, крестъ. Въ 10 час. утра собрались генераль, командиръ полка, офицеры, чиновники 19-го корпуса и много солдатъ, пѣлъ хоръ чиновниковъ. Очень торжественно, подъ открытымъ небомъ прославили мы Преобразившагося Господа! Послѣ „Отче нашъ“ я говорилъ проповѣдь о томъ, что, благодаря соединенію во Іисусѣ Христѣ Божескаго естества съ человѣческимъ, это послѣднее просвѣтилось, посему нужно и намъ, послѣдователямъ Христа, имѣющимъ немощное существо, стараться всѣми силами соединить его съ Богомъ І. Х., твердо вѣря, что Онъ вездѣ съ нами и готовъ войти въ насъ, чтобы просвѣтить, очистить, оживотворить немощное естество наше. Такимъ образомъ мы должны молиться, т. е. просить Господа войти въ насъ, прибѣгать къ Св. Таинствамъ и наконецъ исполнять заповѣди Его, чтобы удостоиться соединиться съ Нимъ; эти наши труды, въ единеніи съ силою и святостью вселившагося въ насъ Бога, сдѣлаютъ то, что и мы преобразимся изъ грѣшныхъ въ святые, изъ немощныхъ — во всемогущихъ, при укрѣпляющемъ Іисусѣ. Всѣ прикладывались ко кресту, выражая радость, что Великій праздникъ встрѣтили по христіански — молитвою. Убрали все, наполнили чаю и приказалъ сдѣлать „друга“, рѣшилъ ѣхать въ 5 и 4 эскадроны, чтобы и тамъ помолиться. Со мной поѣхалъ Б. и два солдата, ѣхать нужно было верстъ 6 по невылазной грязи, мы выбирали мѣста сверхъ дороги. Въ 1 час. дня благополучно добрались до дер. „Шичешчанъ“. Сейчасъ же очистили дворъ китайской фанзы, усыпали травой и при общемъ пѣніи отслужили и здѣсь обѣдню, проповѣдь говорилъ ту же, что и у себя. Вотъ

когда ясно видно, какъ утѣшительно наше Богослуженіе не говорю про солдатъ,—офицеры подходили ко мнѣ и неподдѣльной радостью говорили: „какъ хорошо, что пріѣхали, истосковались мы, теперь отдохнули!“ Непременно поѣду въ остальные эскадроны, да и съѣздить бы у меня если бы не дожди и рѣки! Послѣ Богослуженія собрались всѣ въ фанзу ротмистра В., пообѣдали и сердечно бесѣдовали часокъ за чашкой чая. Въ 4 часа поѣхали обратно, благополучно доѣхали и день закончился. Слава Богу! Я счастливъ, что пришлось отслужить сегодня.

7-ое Августа.

Всталъ рано. Сегодня памятный день особенно по моему дѣтству. Какъ я любилъ тогда ребенкомъ этотъ день. Иду, бывало, въ церковь. Послѣ обѣдни—молебенъ. Папаша поздравляетъ меня съ ангеломъ и цѣлуя даетъ просфору. Святымъ онъ мнѣ тогда казался, а храмъ возбуждалъ въ мнѣ обычное благоговѣніе, казался небомъ. Что храмъ, да караулка и церковной сторожъ—казались святынями. Бывало, въ храмъ одинъ (я очень любилъ бывать одинъ въ храмѣ), такъ сейчасъ трепеть охватить, ни страха нѣтъ, а какое-то святое содраганіе—Богъ здѣсь! А запахъ ладана. Охъ, счастливое дѣтство?! Окончилась служба. Я въ новой синей шелковой рубашкѣ, въ плисовыхъ черныхъ шароварахъ и маленькихъ сапожкахъ, бѣгу домой скорѣе, ноги подкашиваются, хочется увидѣть мамашу, уцѣбиться ей въ платье, залѣзть къ ней на колѣна, обнять и цѣловать, и цѣловать, шепча на ухо: „а папаша мнѣ далъ просфору“. Смѣется мамаша, гладитъ по головѣ говоря: „милый именинникъ, а вотъ придетъ папаша, будемъ ѣсть пироги съ яблоками и такъ дамъ тебѣ яблочка изъ комода, въ этотъ день сегодня именинникъ“. Радости моей нѣтъ конца, и смотрю въ глаза ея голубые, ну до чего они милы мнѣ. Прошло 33 года моей жизни, и вотъ сегодня тоже 7 августа—мамаша въ могилѣ, отецъ и жена далеко, далеко, и одного близкаго существа рядомъ. Одинъ только Богъ, и то ни креста, ни иконы. Стою сейчасъ на берегу грязнаго болота-дороги. вмѣсто литургіи я мысленно прочиталъ тропарь св. Митрофанію да потихоньку пропѣлъ величаніе Ему... Остальное время дня, сознавая

провелъ скверно, воспоминаніе прошлаго дѣтства и Орловскаго, окончательно осадили и добрую половину дня прошагалъ взадъ и впередъ по краю своего болота, борясь внутри и приводя себя въ порядокъ. Хотѣлъ ѣхать въ 1—2—5—6 эск., но пошелъ дождь и остался, такъ скучая просидѣлъ и 8-ое авг. въ своей палаткѣ, думая—гадавая что-то будетъ дальше послѣ этого дождевого затишья, да наблюдая какъ мучаются лошади и люди въ невылазной грязи.

9-ое Августа.

Сегодня мы превратились въ дѣтей, прямо по-дѣтски радуемся хорошей погодѣ, ясному солнышку. Вѣдь почти 10 дней просидѣли безвыходно въ палаткахъ, дрожа отъ пронизывающей сырости! Первый разъ въ жизни пришлось наблюдать такой дождь, именно открылись хляби небесныя, а если бы этотъ дождь шелъ не десять дней, а сорокъ?—потопъ! и послѣ пережитаго ужаса вдругъ свѣжій, чистый вѣтерокъ; ясное солнышко; на небѣ ни тучки; но какъ-же не радоваться?.. и не кричать „вивать“. Сейчас-же разобрали палатки, онѣ сверху покрылись плѣсенью, и все вещи вымыли карболовымъ растворомъ, вещи же всѣ и кровать вытянули и разложили на солнце и предварительно вытерли съ нихъ плѣсень. Вамъ можетъ быть неинтересно, но у насъ обитающихъ въ полѣ хорошая погода—вопросъ жизни! Военныхъ дѣйствій долго нѣтъ, многіе въ Россіи возмущаются, но дѣйствительность показываетъ, что во время здѣшнихъ дождей обѣ стороны двинуться не могутъ. И такъ весь день мы радовались ясному дню и суетились, суетились; но вечеромъ вмѣсто радости пришлось испытать величайшую тревогу. Въ 10 час. поужинали, чѣмъ Богъ послалъ, я легъ спать, а командиръ и офицеры сидѣли и разговаривали... вдругъ въ 11 час. почти рядомъ съ нами началась сильная ружейная пальба, взвились тревожныя ракеты, и трубы заиграли тревогу—сигналь „къ оружію“. Непрiятель близко. Я вскочилъ, выбѣжалъ изъ палатки, вижу суета у насъ, солдаты уже схватили винтовки, приткнули штыки!! послали дозорные патрули, ожидали вотъ, вотъ нападенія, но пограничники ошиблись,—это было нападеніе на жел.-дорожный мостъ недалеко отъ насъ. Что я испыталъ въ это время?

Сначала ничего, но потомъ какая-то дрожь пробѣжала по тѣлу, немного испугался но потомъ успокоился, предавшись въ руки Бога. Только въ мысли часто пробѣгало: „а вотъ сейчасъ свиснетъ пуля“, — вѣдь темно и не видно, кто и куда стрѣляетъ. Черезъ часъ все успокоилось; вернулись дождливые, и мы улеглись, но долго, долго не могли заснуть. 10-е число прошло безъ приключенія; собираемся опять переѣзжать въ Ляоянь 11-го, я оттуда уже поѣду въ Сян-отпѣвать корн. Гончарова, тѣло котораго нашли саперы похоронили безъ священника. Слава Богу, погода наступила очень хорошая.

11-ое Августа.

Получили приказъ выступить штабу полка снова въ Ляоянь... очень пріятно оставить гнилой бивакъ, на которомъ я довольно сильно болѣлъ, тѣмъ болѣе что квартирьеръ выбралъ намъ мѣсто на окраинѣ города, гдѣ почти нѣтъ специфической китайской вони! Съ утра, наскоро выпившись чаю, уложились, посѣдлали коней и поехали. День выдался очень хорошей, солнечный, вѣтерокъ, т. е. особеннаго на этомъ переходѣ не испытывали. Рѣку Тайцзи переѣзжали по желѣзно-дорожному мосту, понтонные мосты во время дождя все разорвало, и теперь ихъ вводятъ съ величайшимъ трудомъ, такъ какъ теченіе прямо бѣшеное. Велъ своего „друга“ въ поводу, — ужасно боится шума воды вообще мостовъ... Вотъ и городъ, снова толпа китайцевъ, снова невообразимый гвалтъ отъ ихъ быстрого гортаннаго говора, несносные выкрики продавцевъ: „моба-ника (хлѣба надо?)“ — „Трубка куми, куми (кури, кури)“ и дикое завываніе погощниковъ „йю, йю, йе, йе!“... По нѣкоторымъ улицамъ ездятъ переѣзжаемъ — такъ онѣ узки, а разѣзжаться обозу почти нельзя. Наконецъ добрались до отведеннаго намъ мѣста, пошли осматривать фанзы... Въ одной живетъ китайскій „капитанъ“, на видномъ мѣстѣ красуется капитанская круглая красная шапка съ длиннымъ перомъ и посрединѣ съ большимъ стекляннымъ шарикомъ. Фанзы довольно пріятныя, но прокислый запахъ и явные признаки присутствія клоповъ и вшей сдѣлали то, что мы рѣшили поспѣшить опять въ палаткахъ. Корнетъ Ш. нашелъ виноградный садикъ, среди большаго огорода, гдѣ помѣ-

стилась кухня и тамъ же разбили палатки командиръ, Б. и я. Остальные помѣстились рядомъ на чистомъ дворѣ. Мѣсто, гдѣ мы сейчасъ живемъ, очень оригинальное, я первый разъ вижу. Все пространство подъ палатками и вокругъ покрыто висячими во множествѣ огромными гроздьями чуднаго винограда, но онъ еще не готовъ и потому мы на него только любуемся, вѣтъ же не рѣшаемъ, много здѣсь болѣють дизентеріей. Мы въ палаткахъ устроились очень уютно, я купилъ за 1 р. цыновку и разостлалъ ее посреди палатки и по бокамъ кровати, получился своего рода коверъ. одно плохо, что съ винограда падаетъ масса червей и огромныхъ пауковъ, одного изъ которыхъ я сегодня ночью поймалъ на своемъ правомъ глазу. Вечеромъ принесли миѣ 8 писемъ—вотъ счастье! Цѣлый часъ жилъ.

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

12-ое Августа.

Спалъ хорошо, дождя не было, всталъ въ 6½ ч., а всѣ европейцы вѣроятно только ложились спать: у насъ 11½ ч. вечера. Въ 9 часовъ утра осѣдлали коней и поѣхали въ дер. Сяту, на берегъ р. Тайдзыхе, отгвѣчать корнета Гончарова. Поѣхали командиръ полка, Б., О. и четыре эскадрона, сѣдлали болѣе 20 вер., изъ которыхъ половину, по командѣ, ѣхали рысью. Я порядкомъ усталъ, но все-таки привыкъ ѣздить верхомъ. Подъѣзжаемъ къ деревнѣ.

Могила Гончарова и рядомъ съ нимъ 2 пѣхотинцевъ въ сторонѣ, на самомъ берегу рѣки... 3 холмика, на нихъ простые, небольшіе деревянные кресты. Тѣло покойнаго офицера завернуто въ цыповку и такъ закопано,—гробовъ здѣсь негдѣ взять. Я покрылъ могилу ковровымъ платкомъ, поставилъ на нее Евангеліе, положилъ крестъ и воткнулъ свѣчу. Окружили эскадроны могилу, я облачился и сказалъ воинамъ живымъ въ память умершаго небольшое поученіе на тему, что лежащій въ этой почетной могилѣ нашъ боевой товарищъ своею смертью свидѣтельствуетъ, что онъ истинно любилъ святыя принципы—вѣру, Царя и отечество, и, защищая ихъ, не пожалѣлъ жизни своей; что онъ очевидно твердо помнитъ данную присягу и исполнилъ ее буквально, до послѣдней капли крови... Слава да будетъ усопшему между живыми, царство небесное да дастъ ему Господь на небѣ!.. намъ, живымъ, да будетъ онъ, первомученикъ нашъ, одушевляющимъ примѣромъ!.. Началось Богослуженіе, одушевленіе было общее, многіе офицеры все время стояли на колѣнахъ, нѣкоторые плакали, молились усердно. Въместѣ съ Гончаровымъ отпѣлъ и погребенныхъ рядомъ съ нимъ неизвѣстныхъ героевъ: Филиппа и Сергѣя—пѣхотинцевъ. Пропѣли вѣчную память, бросили по горсти земли на дорогую могилу, простились!.. Передъ началомъ погребенія вдругъ раздались артиллерійскіе залпы,—это въ двухъ верстахъ началось сраженіе, и въ полкъ присланъ приказъ отправить немедленно на мѣсто боя 5 и 6 эскадроны, 1 и 2 завтра въ 6 час. утра, а 4-й послать противъ хунгузовъ, которые стали настолько дерзки, что обрываютъ проволоку полевого телеграфа. 5, 6 и 4 эскадроны я здѣсь же благословилъ; а 1 и 2 эскадронамъ, такъ какъ они стоятъ съ нами въ Ляоянѣ, рѣшилъ отслужить вечеромъ сегодня же молебствіе. Окончилось погребеніе, еще разъ опустили офицеры передъ могилой товарища на колѣна, прощаясь съ нимъ навѣки!.. Въ 2 часа дня возвратились мы благополучно въ Ляоянъ, обмылись, пообѣдали... Идутъ пограничники офицеры, говорятъ, что бой идетъ уже другой день, пушечная канонада слышна и здѣсь въ Ляоянѣ, въ 24 в. отъ мѣста боя. Въ 6 час. вечера очистили дворъ фанзы, собрались эскадроны, пришелъ я и долго бесѣдовалъ съ ними, увѣщевая воиновъ

помнить данную клятву и по поводу приближенія праздника Успенія Пр. Богородицы всегда имѣть въ памяти одно, что смерть не есть уничтоженіе, а только *успеніе*, что и за гробомъ продолжается жизнь и благо тому, кто перейдетъ къ Господу съ покойной совѣстью; посему убѣждалъ ихъ въ трудахъ, болѣзняхъ и сраженіяхъ не унывать, а всѣ силы души и тѣла направить къ тому, чтобы честно исполнить здѣсь на землѣ свой долгъ христіанина-воина, просилъ ихъ также не сквернословить, объяснивъ имъ, какъ это оскорбительно для Бога и людей! Затѣмъ начали служить молебень, пѣли всѣ безъ исключенія. Да, истинно на всякомъ мѣстѣ можно прославить имя Господа! Солдаты черезъ вахмистровъ передавали, что они очень утѣшены и постараются служить по совѣсти... Невыразимо отрадное чувство наполнило душу мою!—Теперь со всѣми эскадронами молился, бесѣдовалъ, всѣхъ благословилъ. Ясно видѣлъ, какъ утѣшаетъ и ободряетъ чело-вѣка наша св. религія!! Можно и скорби и лишенія перенести, лишь бы только принести хотя каплю пользы этимъ мученикамъ!—Нашъ старшій хозяинъ-китаецъ такъ радъ, что мы поселились въ его саду и неволью охраняемъ его виноградникъ отъ расхищенія, что вѣчасромъ принесъ намъ 2 арбуза, 20 яблокъ и тарелку винограда въ подарокъ

13-ое Августа.

Проснулся въ 6 ч. Канонада продолжается; на улицѣ бѣготня.—Эскадроны уходятъ, съ ними командиръ корпуса. Идетъ артиллерія, пѣхота,—это идутъ подкрѣпленія на позицію, ѣдутъ линейки Краснаго Креста за ранеными... Наши войска уже третій день сражаются. При видѣ этой картины, какъ то дрогнуло сердце; Боже, помоги намъ!! Весь день мы просидѣли въ томительномъ состояніи духа, такъ какъ за малыми перерывами, пушечные залпы продолжаютъ постоянно. Какъ громъ гремитъ раскатами, такъ и пальба! Если бы знали вы, какое гнетущее впечатлѣніе производитъ непрерывная канонада?.. Сегодня получена телеграмма отъ Государя. Онъ всю Манчжурскую армію назначаетъ воспріемниками Наслѣдника Цесаревича. Это очень ободрило всѣхъ и обрадовало!—Орловскіе запасы всѣ кончились, чай уже пью съ сахаромъ, который выдаетъ намъ казна по 10 ф. въ мѣсяць. Пришло извѣстіе о геройскомъ подвигѣ корнета нашего пол-

ка Крупскаго. Отъ дождей рѣки и рѣчки такъ переполнены, что теченіе воды сдѣлалось необычайной быстроты, броды стали опасны для переправы; но война не признаетъ опасности, переправляться нужно. Идетъ пѣхота, и одинъ солдатъ на бродѣ перевернуть, вынесенъ на глубину и ста- тонуть! На берегу стоялъ пѣхотный полкъ, но спасать никто не рѣшился,—это значить идти почти на вѣрную смерть, волны кипѣли... Въ это время подѣхалъ въ рѣкѣ Крупскій и видя, что его братъ во Христѣ и боевой товарищъ погибаетъ, помня завѣтъ св. Евангелія: „Больше сей любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за друзей своя“ и завѣтъ воинскій: „Самъ погибай, а товарища выручай“,—не разсуждая, бросился съ конемъ въ бушующія волны,—вода сбила коня и перевернула, корнетъ успѣлъ соскочить съ него, схватился за стремя, утопавшаго подхватилъ подъ локоть и съ страшной опасностью для жизни выплылъ на берегъ... радости спасеннаго не было конца! Да, живъ еще духъ Христовъ и духъ истиннаго товарищества между нашими воинами, да благословить ихъ Богъ! Съ 7½ час. вечера снова начался дождь и мы немного подплыли, затѣмъ окопались и спали сравнительно, удобно, только сырость пронизывала все насквозь. Чулки сырые, кровать сырая, завернулся въ теплое одѣяло и уснулъ. Наши эскадроны отлично несутъ развѣдочную службу! Многие изъ нихъ были на полѣ сраженія; но, слава Богу, пѣхота

14-е Августа.
Сегодня день прошелъ въ большой тревогѣ, бой идетъ съ страшной силой. Масса японцевъ обрушилась на нашъ 10 корпусъ, ему на подмогу пошелъ и нашъ 17. Потери наши порядочны; японцевъ—громадны! слишкомъ они отчаянно лѣзутъ. Третій же корпусъ вполнѣ выигралъ сраженіе. Выстрѣлы все ближе; очевидно, что наши медленно отступаютъ къ Ляояну, гдѣ и будетъ самый ожесточенный бой. Утромъ я ѣздилъ къ главному полковому священнику и докладывалъ о похороненныхъ мною Гончаровъ и солдатахъ. Онъ принялъ меня любезно, подарилъ много брошюръ для раздачи солдатамъ. Пока ѣхалъ по главнымъ улицамъ города, право, едва не стошнило отъ невыносимаго запаха. Въ 4 часа пошелъ въ главный штабъ корпуса, гдѣ на чистомъ

дворъ выбрать мѣсто для Богослуженія. Поставили столъ, убрали его цвѣтами, такъ что икона Божіей Матери утопала въ цвѣтахъ. Собрались офицеры, чиновники и солдаты штаба 17 корпуса, наши офицеры и солдаты, и мы очень торжественно отслужили всенощную, первую за все время отъ Орла. Пѣли прекрасно чиновники, не могу выразить, какъ отрадно было на душѣ! Въ концѣ всенощной пріѣхалъ съ позиціи г. Б. и 1-ая полковина 2-го эскадрона. Просили завтра въ 9 час. утра здѣсь же отслужить обѣдницу. К. подавалъ кадило, вообще прислуживалъ. Вернулся въ свою палатку съ облегченнымъ сердцемъ! Во время ужина пріѣхали наши офицеры Г. и С., ѣздившіе въ бою съ донесеніями, они передали, что 3-й корп. разбилъ японцевъ, особенно отличился Зарайскій пѣхотный полкъ. У японцевъ наши разбили 30 пушекъ, изъ которыхъ 6 увезли, а 24 уничтожили. 10-й корпусъ держался 2 дня, а на третій долженъ былъ отступить. Японцевъ оказалось 4 дивизіи противъ нашихъ 2-хъ. Теперь непріятель стоитъ уже въ 15 верстахъ отъ Ляояна. Наступила тихая ночь, взошла луна, дождя нѣтъ.

15-е Августа.

Ночью вдругъ раздались дикіе вопли изъ фанцы нашего хозяина. Я вскочилъ, вышелъ изъ палатки, въ фанцѣ очень ярко пылаетъ—приносятъ жертву. Оказалось, что только сейчасъ умеръ родственникъ нашего хозяина, пожилой китаецъ. Утромъ рано началась церемонія: одинъ китаецъ съ фонаремъ и чайникомъ въ рукъ впередъ, за нимъ трое молодыхъ китайцевъ, одинъ за другимъ идутъ покупать матерію бѣлую на саванъ и на трауръ себѣ (бѣлый цвѣтъ—трауръ). Купили и назадъ идутъ уже дико завывая, чтобы изобразить скорбь. Вошли въ фанцу и усопшему сдѣлали по три земныхъ поклона. Потомъ три раза тѣмъ же порядкомъ выносили что-то написанное на бѣлой бумагѣ и съ завываніемъ приносили на уголь улицъ и тамъ сжигали. На воротахъ вывѣсили бѣлый флагъ въ знакъ траура, родные облеклись въ бѣлые балахоны, туфли и головы обернули бѣлыми платками, съ спускающимися до земли концами въ знакъ того, что слезы ихъ по усопшемъ текутъ до земли. Привезли огромный гробъ—колоду, поставили посреди двора и обмазали какой-то вонючей дрянью. Мы ходили въ фанзу

смотреть тѣло: покойникъ лежитъ среди комнаты, очень прилично одѣтъ, на ногахъ бѣлые туфли, на головѣ шапка, лицо закрыто бѣлымъ покровомъ, руки вытянуты, на груди чашечка съ рисомъ, курится жертва. Хоронить будутъ, кажется, черезъ три дня. Всталъ рано, помолился и, взявши палочку в руки, началъ гулять по огороду и обдумывать проповѣдь. Въ 9 час. на томъ же дворѣ устроили въ цвѣтахъ подобіе престола, пришли генералы, корпусный командиръ, офицеры, чиновники и мы отслужили обѣдницу. Пѣли опять чиновники и офицеры штаба. Я говорилъ проповѣдь на тему, что смерть не есть уничтоженіе, а усненіе, переходъ къ бѣге близкому общенію со Христомъ, чтобы потомъ воскреснуть, посему нужно не бояться смерти, а, наоборотъ, думать о ней и готовить себя хорошою жизнію къ достойной встрѣчѣ смерти и послѣ нея Господа. Всѣ прикладывались ко кресту. Я раздавалъ молитву передъ сраженіемъ и брошюры. Очень всѣ утѣшились и просили и на будущее время послужить. Послѣ Богослуженія собрались всѣ мы въ нашемъ виноградникѣ, сидимъ, мирно бесѣдуемъ за обѣдомъ... вдругъ прибѣгаютъ сказать, что привезли раненаго нашего солдата съ позиціи. Бѣжимъ во дворъ и видимъ: стоитъ лошадь, нога у нея въ крови, ранена пулей. На лошади нашъ солдатъ 6-го эск., голова обвязана платкомъ, нога безъ сапога, въ крови, раненъ въ голову и въ ногу; сняли его и положили, затѣмъ отправили въ госпиталь. Солдатъ передаетъ слѣдующее: половина 6-го эскадрподъ командою Ведерникова, Образцова и Свищева была послана на развѣдки, впереди ѣхали дозорные. Японцы же въ множествѣ до 2-хъ ротъ, спрятались на сонкѣ (горкѣ) около деревни въ засаду. Дозорныхъ они пропустили, а какъ только солдаты вошли въ деревни и слѣзли съ коней, вдругъ раздалась залпа, пули посыпались какъ дождь, сразу было убито и ранено нѣсколько лошадей и солдатъ. Полуэскадронъ рысью отступилъ въ гаолянъ. Еще солдаты не собрались на пунктъ и потерю нашу, какъ стѣдуетъ, не подсчитали. Но извѣстно, что унтеръ-офицеръ раненъ въ голову на вылетъ, живъ еще, одного въ животъ, фельдшеръ, кажется, убили, вѣроятно, есть и еще раненные и убитые. Завтра узнаемъ. У Ведерникова убили лошадь, и когда

онъ свалился, на него напали два японца, схватили за грудь, но онъ успѣлъ схватить револьверъ и застрѣлить ихъ. Весь день буквально и сегодня ужасная канонада и совсѣмъ близко. П. М. привезъ раненыхъ М. и Л. и другихъ. П. М. привезъ Л. А. и Л. А. привезъ Л. А. 16-е Августа. П. М. привезъ Л. А. и Л. А. привезъ Л. А.

Вчера поздно вечеромъ привезли еще двухъ раненыхъ лошадей и принесли на носилкахъ тяжело раненаго въ животъ, на вылетъ, рядового 6-го эск. Илью Кузнецова, Орловскаго уроженца. Когда я вошелъ въ фанзу, глазамъ моимъ представилось тяжелое зрѣлище: на носилкахъ въ крови лежитъ нашъ раненый, весь въ крови, въ грязи, рана сзади около самага позвоночника, лежитъ на боку, глухо стонаетъ, въ сознаниіи... Я благословилъ его и предложилъ приобщиться, онъ съ радостью согласился, и я здѣсь же его и приобщилъ. Пришли врачи, перевезли и отправили въ госпиталь, говорятъ, что умереть... Сегодня рано насъ разбудили звуки китайской музыки, это къ нашему покойному пришли музыканты и рядомъ съ нашей палаткой начали свое дѣло. Мелодіи никакой, просто воють флейты, бьютъ барабанъ и тарелки, кто куда!— вотъ и все. На дворѣ построили шалашъ и туда поставили гробъ. Бой и сегодня идетъ, поднялся нашъ воздушный шаръ— „Брестъ“— осматриваетъ японскія позиціи. Сегодня утромъ штабъ нашего корпуса выступилъ за 12 вер. въ дер. Цовчидзу, куда и мы пойдемъ завтра утромъ.

(Продолженіе будетъ).

Хавойнъ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

17-е Августа.

Вчера вечеромъ пріѣхаль корнетъ Ведерниковъ и къ прежде извѣстному добавилъ, что убито у насъ 5 солдатъ, 4 ранено и 4 пропало, безъ вѣсти, вѣрно взяты въ плѣнъ. Подъ Ведерниковымъ убита лошадь, которая падая придавила его. Въ это время подбѣжалъ японецъ и схватилъ его за грудь, но Ведерниковъ успѣлъ выхватить револьверъ, убилъ японца и самъ ушелъ. Унтеръ-офицеръ А. раненъ въ голову, остался въ строю; одному солдату пуля пробила щеку на вылетъ и выбила зубы. У корнета Образцова убили лошадь, японцы настигаютъ (три роты японцевъ напали на 85 нашихъ солдатъ), тогда солдатъ слѣзъ съ лошади и отдалъ ее офицеру, ясно сознавая, что самъ погибаетъ и, дѣйстви-

тельно, сейчас же быть убитъ! Вотъ герой!.. Получено донесеніе, что удачно сражался разъездъ отъ 3-го эскадрона подъ командой корнета Романова. Калининъ и Свищевъ отлично во время сраженія передавали приказанія, удостоились похвалы. Калининъ недавно спасъ утонашаго солдата, бросившись одѣтымъ въ рѣку: едва самъ не погибъ! И все это разсказывается просто, какъ будто тутъ нѣтъ героизма! Да, слава Богу, есть еще герои въ нашемъ воиствѣ! Сегодня день—адъ! Въ 5 ч. утра мы проснулись отъ страшной ружейной стрѣльбы, а въ 6 ч. началась снова пушечная пальба, но гораздо сильнѣе прежнихъ дней и недалеко отъ Ляояна. Мы пошли на стѣну и оттуда смотрѣли на эту страсть: батареи ясно видны, всѣ горы вокругъ Ляояна безпрестанно вспыхиваютъ огнями отъ выстрѣловъ вверху, въ небѣ, съ огнемъ и трескомъ рвутся снаряды, буквально гремятъ, какъ страшные раскаты грома. Ужасъ! Господи, что это такое?! Когда же окончится война?!.. Множество китайцевъ на стѣнѣ, на крышахъ, всѣ вперили взоры въ роковые огоньки и дымки, безпрестанно вспыхивающіе; слышимъ кое-гдѣ плачь! Въ 8 ч. утра выступили мы на позиціи 17 корпуса. Тронулись, выѣхали за стѣну и стои! Слѣзай! Навстрѣчу мчатся въ карьеръ артиллерійскія повозки въ 4 лошади съ снарядами на позиціи; потомъ пошла пѣхота съ безконечными обозами; болѣе часа мы стояли. Наконецъ, двинулись впередъ, скоро подошли къ быстрой и широкой р. Тайдзыхе и перешли ее по понтонному мосту. Пушки гремятъ такъ, какъ будто обухомъ по головѣ кто то бьетъ. Вѣдь наши батареи очень близко, и мы къ нимъ подъѣзжаемъ. Что же тамъ?! у пушекъ! а вѣдь стрѣляли съ 6 ч. утра до 11 ч. вечера безпрерывно! Дорога!..— лошади ноги едва вытаскиваютъ, дожди идутъ. Переѣхали въ бродъ двѣ небольшихъ рѣчки, потомъ я и Букрѣевъ уѣхали впередъ и прибыли въ Цовчиндзы въ 12 ч. дня, а обозъ приходитъ постепенно начиная съ 3-хъ и до 8 вечера, а вѣдь всего 12 верстъ, вотъ каковы манчжурскіе дожди и дороги!.. Размѣстились въ грязныхъ фанзахъ, подъ горою, на которой стоятъ наши батареи. Въ 2½ верстахъ отъ насъ рвутся снаряды. Вездѣ вокругъ насъ окопы и масса пѣхоты и артиллеріи, пушки всю ночь везли съ крикомъ и гамомъ, везли и лошади и

люди... Посмотришь на этот ад—сердце сжимается въ груди, о своей участи не думаешь, а только сердечно жаль и людей и животныхъ. Идутъ на встрѣчу два раненыхъ: одинъ въ плечо, самъ несетъ винтовку, а другой держитъ платокъ у рта, спрашиваю: „что съ тобой?“ Онъ открылъ ротъ, я ужаснулся: пуля попала ему въ ротъ, выбила зубы, развернула десны, вмѣсто языка кровавая масса, онъ кое-какъ мычить: „ничего, малость тронула!“ Подъѣхалъ подполковникъ П. и говорить полковому казначею: „денежные двуколки не распаковывайте: черезъ 1/2 ч. можетъ прийти приказъ намъ уходить дальше, да и нужно бы, а то если японцы повернуть пушки въ нашу сторону, то снаряды будутъ падать и сюда!“ Вечеромъ командиръ полка пошелъ къ корпусному командиру и принесъ приказаніе не очень разбираться, такъ какъ чуть свѣтъ мы можемъ уйти. Такъ мы и спали не раздѣваясь. Въ мысли скользило, что вотъ сейчасъ перелетитъ къ намъ граната! Но все же подъ громъ пушекъ я заснулъ: вѣроятно, можно ко всему привыкнуть!.. Ночью были залпы, но рѣже: ружейная же пальба сильнѣе: говорить, это опять бой самый серьезный,—уже недѣлю длится. Наши всѣ атаки японцевъ отбили и, говорятъ, уничтожили нѣсколько пушекъ.

18-е Августа.

Въ 4 часа утра снова открылась пальба изъ пушекъ и ружей, и, хотя тише вчерашняго, но тоже продолжалась весь день. Въ 6 час. утра получено донесеніе отъ полковника Стаховича, что дивизія японской пѣхоты переправляется на нашу сторону и идетъ прямо на нашъ корпусъ. Начали стрѣлять и наши батареи. Японцы очевидно хотятъ прорваться между Мукденомъ и Ляояномъ, чтобъ испортить путь и отрѣзать насъ отъ Россіи. Противъ нашей деревни стоитъ самая высокая гора—двѣ версты, крутой подъемъ, на вершинѣ этой горы стоитъ наблюдательный постъ съ гелиографомъ и телефономъ. Калининъ и офицеръ генеральнаго штаба назначены слѣдить съ этой сопки за движеніями непріятеля. Послѣ обѣда всѣ мы дерзнули и отправились на эту сопку, едва влѣзли. Тамъ работа кипитъ, смотрять въ двѣ подзорныя трубы, только и слышенъ голосъ наблюдающаго: „показался японскій эскадронъ, люди

сѣзли, ищутъ брода, идетъ баталіонъ пѣхоты, везутъ понтоны, спустили лодку въ воду, доѣхали до середины, наши въ нихъ стрѣляютъ, нашихъ мало, сразу спустили 3 понтоновъ, плывутъ, пристали къ бухтѣ, наводятъ мостъ. Все въ этомъ родѣ, а по телефону сейчасъ-же передаютъ въ штабъ нашего корпуса и по гелиографу разговариваютъ съ 10-ымъ корпусомъ. Мы смотрѣли въ бинюкли, плохо видно, я подошелъ къ подзорной трубѣ, она замаскирована отъ непріятеля воткнутыми въ землю вѣтвями, смотрю... ясно вижу японцевъ, ихъ движенія, и какъ они строятъ мостъ на бѣлыхъ лодкахъ... Черезъ 40 минутъ навели уже и повезли по мосту орудія! Съ ихъ позиціи раздалось въ нашу сторону два пушечныхъ выстрѣла, но до насъ не долетѣли ихъ снаряды. Офицеры говорятъ, что насъ, вѣроятно, замѣтили и могутъ пристрѣлялись, тогда все мы, посторонніе, стали обратно спускаться внизъ. На горѣ стоятъ 4 осадныхъ орудія. Очень интересно было смотрѣть на стрельбу по всей линіи, видно, какъ падаютъ и рвутся снаряды, — горятъ деревни... Виды открываются почти на 50 верстъ. На гору ведетъ конно-желѣзная дорога, по которой везутъ орудія, снаряды... Возвратились благополучно, больше не поѣдемъ, и трудно, и опасно теперь. Можно успокоиться: видѣлъ и непріятеля и бой близко. Описывать сраженія и ихъ результаты не буду, въ газетахъ можно прочитать. Мы получаемъ Манчжурской Вѣстникъ арміи, и понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ждемъ его и читаемъ. Вечеромъ разразилась гроза, и пушечная пальба слилась съ раскатами грома, огни пушекъ и снарядовъ сливались съ блескомъ молніи, и получилась такая фантастическая картина, что, при всемъ ея ужасѣ, не хотѣлось отвести отъ нея взора. Долго смотрѣли мы на это потрясающее зрѣлище, но ночь прекратила семидневный бой, и мы улеглись. На утро 19 августа въ штабѣ корпуса сказали намъ, что вчера вечеромъ былъ страшный натискъ японцевъ, они отбиты и 2 ихъ баталіона подняли руки вверхъ и сдались, ихъ уже отправили въ Харбинъ.

19—20-е Августа.

Все идетъ бой рядомъ съ нами, ясно слышимъ свистъ снарядовъ, что-то рѣшительное происходитъ. У насъ въ 5-омъ и 3-ьемъ эскадронахъ четверо ранено. Разѣздъ изъ

3-хъ солдатъ 3-го эскадрона наткнулся на японскій секретъ, ваши шашками двухъ зарубили и сами были ранены. Горы, у которыхъ мы стоимъ, буквально курятся отъ выстрѣловъ и снарядовъ, громъ пушекъ и ружейной пальбы непрерывенъ,—ужасъ! Въ Козловскомъ полку, что изъ Курска, осталось 400—500 человѣкъ всего. Господи, прекрати же. Вчера весь день мимо насъ несли, везли раненыхъ, нѣкоторые изъ нихъ и сами шли,—потрясающее зрѣлище!

(Продолженіе будетъ).

Жа войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

21-е Августа.

Бой продолжается. Господи, что же это? Совсѣмъ близируются снаряды, ихъ свистъ и вой не умолкаетъ ни на ми-

нуту!.. Ляоянь въ огнѣ и дымѣ, снаряды падаютъ туда; станція, церковь, въ которой я молился, все разрушено, горить! Убило на платформѣ двухъ сестеръ милосердія, доктора, офицера... Китайцы съ плачемъ бѣгутъ по линіи жел. дороги, тянутся обозы, на мостахъ—Вавилонъ! Я съ командиромъ полка взлѣзъ на меньшую сопку, на которую еще не попадали снаряды, и оттуда смотрѣлъ бой: на 25 верстѣ вокругъ страшный грохотъ пушекъ, ружей, дымъ, огни,—ужасное зрѣлище! Ночью съ 20-го на 21-е авг. японцы внезапно напали на наши полки въ 5 верстахъ отъ насъ, и произошла небольшая паника, но скоро наши оправились и сбили японцевъ.

Наши эскадроны очень хорошо держатъ себя въ бою и паникъ не только не подвергались, но даже сдерживали бѣгущихъ, останавливали и возвращали назадъ. 3-ій и 4-ій эскадроны на утро ходили осматривать позиціи и захватили японскую аммуницію: одежду, семь винтовокъ, перевернули ихъ котлы съ варившимся мясомъ. Полковникъ Ванновскій подарилъ мнѣ на память японскій штыкъ—тесакъ въ металлическихъ ножнахъ на прекрасномъ ремнѣ; когда окончится война, привезу его домой. Всѣ атаки отбиты, японцы понесли огромныя потери, да и у насъ съ 12-го авг. по 22-е авг. вышло изъ строя не менѣе 15 тысячъ человекъ. Пришло извѣстіе, что японцы пошли спѣшно къ Мукдену, значить и намъ, дабы не быть отрѣзанными, нужно идти туда же. Дѣйствительно, пришелъ приказъ ген. Куроаткина, и мы оставили Ляоянь, идемъ на Мукденъ. Въ 4 часа дня поѣхали мы на деревню Лототай, а оттуда въ Янтай и далѣе. Лошадь моя заболѣла, ее ведутъ въ поводу, и я хотѣлъ ѣхать на китайской лошаdkѣ, маленькой, обѣлой, которую мнѣ подарилъ корнетъ Романовъ, но ее еще выѣзжаютъ, и поэтому я сѣлъ въ лазаретную линейку. Въ ней однако такъ трясеть, что я не выдержалъ, вышелъ изъ нея и поспѣвнѣя три версты до Лототая шелъ пѣшкомъ съ сапернымъ батальономъ. Ночевалъ въ фанзѣ покойно.

22-е Августа.
Господи, какой сегодня скорбный день, день отступленія цѣлой арміи!.. Вчера мы и не подозрѣвали какой опасности подвергались, японцы могли прорваться и тогда..

меня бы, вѣроятно, сегодня не было на свѣтѣ... Была критическая минута, но наши удержались. Утромъ встали рано, нужно проѣхать до Янтая 16 версты, но когда идетъ армія, то эти версты будутъ равны 60-ти и, действительно, наместо ночлега пріѣхали въ 3 1/2 часа дня. Я ѣхалъ на козлахъ, двуколки, завтра же поѣду на своей китайской лошади. Боже мой, какія картины видѣлъ я, во вѣкъ не забуду! Нашъ корпусъ назначенъ охранять отступленіе всей арміи, поэтому нашъ обозъ идетъ почти послѣдній; приятно сознавать, что сзади японцы?.. Подъѣжаемъ къ жел. дорогѣ, на пути стоять два товарныхъ поѣзда, послѣдніе изъ Ляояна, они наполнены пушками, ранеными, но всѣхъ раненыхъ не помѣстили, и потому рядомъ съ поѣздомъ идетъ обозъ изъ китайскихъ арбъ, на которыхъ по два страдальца! Какъ я взглянулъ я на нихъ, и кровь... воспаленные глаза, блѣдые лица, раны, стонуть, не выдержалъ я и слезы полились изъ глазъ, какъ война, война! Несутъ, кромѣ того, на носилкахъ, а также везутъ раненыхъ въ ручныхъ китайскихъ телѣжкахъ. Поѣздъ охраняется батальономъ, хотя, и за поѣздомъ нѣсколько вагонетокъ, наполненныхъ солдатскими вещами, ихъ подталкиваютъ пѣхотинцы. Кругомъ пути ужасное пламя, горятъ станціонныя постройки, склады, будки, рвутъ мосты, по дорогѣ валяются только что павшія лошади, быки... Ужасъ, внутри какая-то дрожь въ родѣ нервной лихорадки, на устахъ невольное: Господи Иисусе Христе, помилуй!.. Наконецъ справляюсь съ собой, стыдно, начинаю шутить. Кто рядомъ одно твердитъ: «охъ, хоть бы разъ посражаться, а то на позиціи были, и выстрѣлить разъ не пришлось». Подъѣхали къ ст. Янтаю, на которой 17-го июля высадились все вкрупнѣ, буквально кишить, кишить отъ войска, масса обозовъ, войскъ, думаю, что въ одномъ этомъ мѣстѣ было не менѣе ста тысячъ человѣкъ!.. Кое-какъ выбрались и стали бивакомъ на огородахъ какого-то китайца, разбили палатки, стали пить чай, немного отдохнули отъ десятидневнаго грома, какъ, вдругъ бумъ, бумъ, бумъ, трахъ, та, та, та... Ахъ, Боже мой, опять пошло, опять пушки, ружья, снова несется на позиціи артиллерія, шагаетъ туда-же вѣхога, въ 8 верстахъ отъ насъ снова бой... Значитъ японцы идутъ на насъ и параллельно

намъ... надѣялся немного отдохнуть ночью, но громъ пальбы изъ пушекъ, пулеметовъ и ружей, а также сознаніе, что врагъ близко, не дали хорошо забыться... Японцы нанали на нашъ аррьергардъ, чтобы прорвать его и уничтожить русскіе обозы, но наши удержались и мы спаслись.

23—27-я Августа

Въ 6 час. утра мимо палатки проѣхалъ ген. Куропаткинъ, а въ 8 час. выступили и мы изъ „Янтая“ по направлению къ Мукдену. Выѣхали на большую манчжурскую дорогу и втянулись въ массу обозовъ, двигавшихся по ней. Зрѣлище, открывшееся глазамъ нашимъ, не поддается описанію; болѣе 200000 людей, нѣсколько десятковъ тысячъ животныхъ движется сразу; обозы идутъ въ 8 рядовъ, пѣхотные и наши лазареты, артиллерія; гонять стада быковъ и овецъ; по сторонамъ дороги идетъ масса пѣхоты, полки казаковъ... Крики, ругань, почти драки: обозъ каждой части хочетъ пройти впередъ и потому старается сбить соседній, подолгу стоять... а что творится, когда эта масса подходитъ къ какому-либо одиночному мосту—уму непостижимо! Я ѣхалъ на своемъ „китайцѣ“,—чудная лошадка, быстро бѣжитъ и какъ мышь шныряетъ между повозками... Переѣхали въ бродъ двѣ широкихъ рѣки, сапоги мои были въ водѣ, конечно, ничего не ѣлъ, кромѣ одного сухаря, весь день, голова отъ солнца разболѣлась... Наконецъ, наступила темнота, въ 8½ час. вечера мы остановились почевать на нашѣ, въ бороздахъ которой еще стояла вода, дожди замучили, лошади прямо падаютъ. Палатки разбивать некогда: завтра уходимъ въ 4 ч. утра. Солдаты нарѣзали голяну, постлали его на нашѣ, поставили на него кровать, я завернулся въ бурку и забылся часа на три. Въ 2 ч. уже всталъ, дрожа отъ холода и сырости; всю ночь обозы шли. Конечно, я не раздѣвался. 24-го авг. это великое переселеніе народовъ продолжалось; картины тѣ же, только гораздо больше встрѣчалось павшихъ животныхъ, нѣкоторые были уже на половину съѣдены, валяются внутренности, головы... Китайцы разбѣжались, деревни почти пустыя, а что осталось—солдаты берутъ, ѣдятъ, жгутъ. Бѣдные китайцы, это имъ невольная оплата за то, что такъ ужасно драли съ насъ: „невольная“, говорю оплата, потому что, когда

безпрестанно идетъ 200000 тысячъ людей, десятки тысячъ животныхъ, то покупать некогда. Естественно, что берутъ все, что попадетъ подъ руку; вотъ когда армія снова станетъ на позиціи, тогда опять будутъ все покупать. 24-го мы безъ остановки ѣхали съ 5 ч. утра до 6½ ч. вечера, остановились въ деревнѣ и почевали въ фанзѣ; мнѣ такъ было жаль китайцевъ, что я нѣкоторымъ давалъ деньги, хотя они многое попрятали, за многое взяли впрятеро, а за потоптанныя поля получаютъ деньги отъ казны.

25-го къ вечеру прибыли въ Мукденъ и остановились бивакомъ около городской стѣны подъ деревьями, разбили палатки, устроились, сварили кое-что поѣсть и, кажется, отдохнемъ нѣсколько дней, а затѣмъ пойдемъ далѣе въ Телинъ или снова на Ляоянъ. Не могу описать этого отступленія, пишу очень кратко, некогда, хочется что-нибудь записать, а главное недостаетъ красокъ изобразить пережитыя картины,—одно скажу, что нѣсколько разъ, глядя на солдатъ на муки скота, на бѣдствія китайцевъ, я вдругъ начиналъ рыдать, но конечно, сейчасъ же сдерживалъ себя. Конечно, это было не бѣгство наше: подъ Ляояномъ наши хорошо сражались, но перейти всей арміи на новыя позиціи съ обозами—это очень трудно. Черезъ р. Хунхэ, что у Мукдена, перекинута два моста, по нимъ идутъ только войска, а обозы бѣгущихъ китайцевъ съ женщинами, дѣтьми, имуществомъ должны искать брода, и вотъ они со страхомъ лѣзутъ въ воду, ослы и мулы ихъ почти плывутъ, колеса все подъ водой, крики... Одно время мы ѣхали около линии желѣзной дороги; лежатъ кучи брошенныхъ, стрѣльныхъ, пушечныхъ гильзъ, рядомъ съ ними отдыхающая нѣхота раскладываетъ костры, солдаты роятся въ гильзахъ,—и что-же? Нашли въ одной кучѣ девять нестрѣльныхъ снарядовъ, еще бы немного и они могли разорваться! Богъ спасъ!

26-е авг. просидѣлъ на бивакѣ; въ городъ не хотѣлъ ѣхать: что тамъ смотрѣть?! Видѣлъ Ляоянъ, остальные все какъ одинъ. Хотѣлъ поѣхать въ эскадроны, да поднялась такая гроза, что въ жизни я такой не переживалъ. Мы открыли палатку и отсидѣлись благополучно.

27-е авг. день для меня счастливый: я ѣздивъ въ 1 и 6 эск., тамъ же поѣхалъ 1 и 2 эск., вездѣ подолгу бе-

сѣдовать съ войнами о необходимости, особенно въ военное время, *молиться*; среди недуговъ и скорбей военныхъ только молитва утѣшаетъ и поддерживаетъ война, т. к. она соединяетъ *нашу душу* съ Самимъ Богомъ Который есть безконечная Сила и Любовь! Просить ихъ быть мужественными, терпѣливыми и сообща работать, поддерживая другъ друга и почитая себя счастливыми, что удостоились пострадать... Поэтому просить ихъ вспомнить, какъ древніе мученики терпѣли страданія, благодаря Бога, другъ друга поддерживали и... побѣдили! Вездѣ служили молебны подъ открытымъ небомъ, всѣ пѣли... Радость и ободреніе ясно видѣлись во всѣхъ,—о! какъ я радъ!! Теперь полкъ нашъ снова идетъ въ первую боевую линію, помоги намъ Боже! Вахмистръ 6 эск. Бурьба въ развѣздѣ раненъ въ ногу и въ темнотѣ заблудился въ гаолянѣ, до сихъ поръ—6-й день его пѣть, вѣроятно, взять въ плѣнъ или добить японцами, —жаль, я очень любилъ его!

(Продолженіе будетъ).

Жа войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

2-е Сентября.

Ходятъ слухи, что скоро снова бой. рѣшилъ поѣхать въ 5—6-й эскадроны отслужить обѣдницу и побесѣдовать а то уйдуть подъ пули, трудно будетъ до нихъ добратъся. Слава Богу, успѣли не спѣша помолитъся и поучитъся; прѣповѣдь говорилъ о святомъ Іоаннѣ Предтечѣ.

Службу нашъ полкъ до сихъ поръ несъ очень хорошо, прѣзжалъ ген. Куропаткинъ и два раза благодарить за отличную работу. Раненый въ животъ Илья Кузнецовъ, что я приобщалъ 15-го авг., умеръ. При мнѣ пришли два солдата изъ развѣзда вахмистра 6-го эскадрона Бурбы и передали слѣдующія подробности его гибели. 21-го авг. вахмистръ и эти два солдата поѣхали на развѣдку; въѣзжаютъ въ деревню, смотрятъ,—на другомъ концѣ улицы не мѣѣе 20 всадниковъ, которые бросились на нашихъ. Вахмистръ съ солдатами повернулъ обратно, вскочили въ гаолянъ и отъ погоицъ ушли. Продолжаютъ развѣдку, выѣхали изъ гаоляна, и что-же? Оказалось,—наѣхали прямо на японскую пѣхоту и артиллерію. Японцы быстро вскочили, схватили ружья и дали залпъ по нашимъ,—вахмистръ оказался раненъ въ правую ногу около ступни съ раздробленіемъ кости, но въ сѣдлѣ усидѣлъ. Наши снова вскочили въ гаолянъ и поскакали, вдругъ болотная рѣчка, бросились въ нее... солдаты перескочили, а вахмистръ завязъ... „Братцы, не бросьте!“ кричить онъ, солдаты тотчасъ вернулись, освободили его и снова ѣдутъ по гаоляну. Стрѣльба стихла... „Братцы, не могу больше ѣхать, больно, снимите меня, перевяжите ногу!“.. говоритъ вахмистръ. Стали, сняли его, разрѣзали саногъ, перевязали ногу платками.. въ это время снова залпъ... 2 лошади умчались, осталась только одна... на нее посадили раненаго вахмистра, сами же побѣжали ловить своихъ лошадей, наступила темнота... лошадей не поймали, и вахмистра въ гаолянѣ потеряли... Что стало съ нимъ? Конечно, его настигли японцы и или добились, или взяли въ плѣнъ. Три дня ползли черезъ японскія сторожевыя цѣпи наши два солдата и наконецъ добрались до своихъ. Грустно было выслушать этотъ рассказъ Тяжело на душѣ... передъ глазами такъ и стоитъ кроткая жена вахмистра,—да утѣшить ее Господь!

3-е Сентября.

Просидѣлъ на бивакѣ, читаль... Погода устанавливается хорошая, начинаютъ просыхать Манчжурскія болота—дороги, только по ночамъ стало холодно.

4-е и 5-е Сентября.

4-го сентября погода была хорошая, и я долго гулялъ, завтра именинница Великая Княгиня,—черезъ генерала

Степанова послать ей поздравленіе. До чего врутъ телеграммы, особенно Рейтеръ, наприм. пишутъ, что „25-го Куроки черезъ нѣсколько часовъ займетъ Мукденъ“. Неприда—и до сихъ поръ съ 23-го авг. ни разу не стрѣльнута потому что японцы такъ разстроены, что имъ трудно бороться!.. Вообще, если-бы не обошелъ насъ Куроки 21-го то побѣда наша была-бы полная. Пишутъ, что „населеніе Мукдена все бѣжало при нашемъ приближеніи“, опять до Мукденъ кишмя кишить жителями, какъ муравейники, жители даже въ выгудѣ, такъ какъ удвоили и утроили цѣны на все и отлично торгуютъ. 5 сент. всталъ пораньше подумать проповѣдь и приготовить мѣсто для служения сегодня день Ангела нашей Великой Книги, рѣшили служить на нашемъ бивакѣ. Горе, опять дождь, и вся наша надежда на торжество пропала. Въ 9 час. утра собрались 1 и 2 эскадроны, также приѣхали 5 и 6. Среди дождя я сказалъ солдатикамъ небольшую проповѣдь на притчу талантахъ и по поводу событія, и затѣмъ вмѣсто обѣдни и молебна отслужили одинъ молебенъ. Вымокли порядочно сейчасъ сушу въ палаткѣ ризы и иконы. Охъ, Господь когда же прекратятся эти ужасные дожди? Дали отдохнуть 3 денька и потомъ опять на цѣлый день. Слава Богу, что палатка хорошо поставлена, не протекаетъ. Въ 2 часа за обѣдомъ я получилъ отъ Ея Высочества слѣдующую телеграмму: „Сердечное благодарю за поздравленіе и благословеніе, рада, что здоровы, уповаю, Господь вашими молитвами будетъ охранять моихъ дорогихъ Черниговцевъ—утѣшительно, что скоро можете начать служить въ церкви—помогай вамъ Господь, вчера видѣла вашу жену въ Креклевскомъ складѣ въ полномъ здоровьѣ. Елисавета“.

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. М.
рофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

6-е Сентября.

Сегодня ночью и утромъ мы основательно познакомились съ новымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нашей военной жизни, господиномъ морозомъ, градуса въ 2 съ вѣтромъ днемъ и вечеромъ; 5-го былъ дождь, а ночью припожаловалъ этотъ новый знакомецъ, и хотя мы довольно радушно встрѣтились, но лучше бы подольше съ нимъ не знакомились. Пришлось лечь во всемъ одѣяніи, завернуться по-лучше, закрыть, насколько возможно, палатку, а все-таки продрогли и встали съ мокрыми усами, паръ замерзаетъ вода тоже! Вотъ она миленькая Маньчжурія,—то жгла немилосердно, то мочила, а теперь безъ передышки за морозъ взялась!! Однимъ утѣшаемся, что мы, жители сѣвера, перетерпимъ, а вотъ какъ теперь танцуютъ наши противники японцы, южный народъ, да и воевали они до сихъ поръ не легкъ, даже давно шинели бросили. А тутъ еще ночью въ Мукденѣ что-то творилось неладное: гремѣли барабаны, гудѣла какая-то труба, шумъ человѣческихъ голосовъ, лай и вой собакъ... Я вышелъ изъ палатки, ничего не видя, только звѣзды необычайно ярко горятъ въ морозномъ воздухѣ, да вспыхиваютъ на нашемъ бивакѣ костры, грѣются дневальные, да изъ-подъ тѣлтъ несется дружный русскій храпъ нашихъ воиновъ! Охъ, русскіе люди, подъ стѣнами Мукдена снять себя преспокойно, точно въ деревнѣ на родинѣ... все Господь, да „авое“, да „небось“ помогаетъ. Смолкло въ Мукденѣ, только изрѣдка раздается звукъ „Гоча“ (родъ металлическаго таза, въ который ударяютъ почные сторожа). Улегся я... на голову шлемъ надѣлъ, пригрѣлся, задремалъ и... о радость, въ Орель прилетѣлъ, но знаю, что

я на войнѣ и что сейчасъ долженъ лѣтъ назадъ въ Маньчжурію, ѣду около церкви, сейчасъ тамъ будутъ служить... народъ начинаетъ узнавать меня, думаю, что смущать людей, вѣдь остаться я не могу, а разнесется, что „батюшка прѣѣхалъ“. Повернулъ и понесся обратно. Все въ порядкѣ нашель, только у церковной паперти двѣ большихъ березки выросли! Проснулся... вѣтеръ воетъ, трещеть палатка, ржутъ и стучать ногами о землю прозябшія лошади... я въ Маньчжуріи! Рано встали всѣ, вода—ледь, едва умылся, наскоро выпилъ чаю и побѣжалъ къ двуколкѣ, достать теплыя вещи: подрясники, фуфайки, чулки. Весь день страшный вѣтеръ, вѣроятно, гдѣ—нибудь вынать градъ, быть не можетъ, чтобы съ этихъ поръ морозы пошли надолго... Опишу порядокъ дня нашего бивачнаго, такъ сказать „мирнаго“, когда цѣлый день дома сидимъ, не двигаемся. Встаю въ 6^{1/2} час. (по вашему въ 11^{1/2} ч. вечера), другіе много позже. Одѣваюсь, беру умывальныя принадлежности и Кс. подаетъ мнѣ кружечкой холодную, прехолодную воду, умываюсь... за умываньемъ почти всегда у насъ происходитъ бесѣда о родинѣ, куда во снѣ ѣздили... „Вотъ, батюшка, вы уже нѣсколько разъ были въ Орлѣ, а я только разъ во снѣ тамъ былъ... а что къ новому году вернемся въ Россію?“ говорить Кс.—„Нѣтъ“, говорю, „и къ Пасхѣ-то не попадемъ“. Умывшись, беру палочку и иду по дорожкѣ гулять, читаю правило, а Кс. или кофе кипятитъ мнѣ въ котелкѣ, или готовить кипятокъ... Гуляя, иногда дохожу до городской стѣны, смотрю на это сооруженіе, вообще на всю эту старую китайскую цивилизацію и невольно задумываюсь... Да, старыя, прежніе китайцы сумѣли создать религію, искусство... всѣ эти храмы, стѣны, дворцы, а теперешніе новаго не создали и старое не поддерживаютъ: стѣны осыпаются, дворцы Мукдена покрыты плѣсенью, пылью, тоже рушатся, никто и не думаетъ отремонтировать, не дорожатъ! Искусство, наука, жизнь? Застой, нѣтъ движенія впередъ, ни черточки новаго... Нынѣшній Китай замкнулся въ „старое“ и кое-какъ ему подражаетъ. Религія... сколько я видѣлъ храмовъ... всѣ въ пыли, нѣтъ ухода, а архитектура столь оригинальная, не посмотрись, особенно хороша работа изъ камня и черепицы и что-же? Съ удовольствіемъ отдають ихъ подъ по-

стой, и стоит казаку или хунхузу стащить дверь или что-либо другое из храма, как жители преспокойно довершают ограбление родной святыни!

Религиозность выродилась въ культъ предковъ, все церемоніи къ этому и направлены, наприм. на похоронахъ въ процессіяхъ несутъ не эмблемы религіи, а чучела арбы, мула, коня, стула, т. е. все, что принадлежало покойнику. Вѣрятъ китайцы въ Бога—Небо, въ загробную жизнь, но все это очень смутно и сбивчиво, суевѣрій-же масса. Можетъ быть, мои наблюденія поверхностны, но мнѣ такъ кажется... Струю „живой“ религіи нужно бы вдохнуть въ эти сотни милліоновъ людей, а то сейчасъ еще держится нравственность по старымъ традиціямъ, но если когда-либо разовьется въ этомъ народѣ „критицизмъ“ и „раціонализмъ“, то сразу наступитъ полная потеря идеаловъ и катастрофа готова, такъ какъ на чемъ-же тогда основать добродѣтель? Тоже и японцы. Какъ говорятъ, религія и у нихъ еще больше исчезла, но они заполняютъ теперь внутреннюю пустоту своей жизни погоней за чужой цивилизаціей, которую они стараются скорѣе ввести въ свою жизнь, но „духа“ жизни, истинной религіи, могущей заполнить ту внутреннюю пустоту, не взяли, и вотъ пройдутъ десятилітія, сотни лѣтъ, изживутъ они всю „внѣшнюю“ цивилизацію, надоѣсть и... тогда заговоритъ „духъ“ ихъ?!

Гдѣ же найдетъ онъ себѣ тогда отвѣтъ? Въ кумирняхъ у старыхъ боговъ, которыхъ и теперь уже китайцы и японцы сбькутъ розгами за неудачи? Плохой отвѣтъ. Въ философіи? Но „духу“ нужна не „часть“ истины, открываемая философіей, а „вся“ истина, могущая освѣтить своимъ свѣтомъ все темные уголки души, обосновать стремленіе „духа“ къ добродѣтели, отвѣтить на все запросы...

Мнѣ кажется послѣ войны, когда они достаточно заплатятся за принятую „внѣшнюю“ цивилизацію, очень возможно, что „протестъ духа“ скоро, скоро покажетъ себя! Вотъ вамъ и разъ, хотѣлъ описать порядокъ „мирнаго“ нашего дня, да и заговорился о другомъ, а сосѣдъ мой уже похрапываетъ, время и мнѣ прилечь. Ложусь въ теплое подрашникъ и въ саногачъ,—продолженіе завтра.

Ночь прошла благополучно, спали хорошо, мороза не было, но все-таки холодно. Продолжаю описание порядка повседневной „мирной“ нашей жизни: прихожу съ прогулки, читаю немного Евангеліе, Посланіе, Псалмы (рѣшилъ уже писать все безъ утайки), а Кс. или К. (Букрѣва) приносятъ тоже и кипятокъ, я открываю погребецъ, завариваю чай. Въ это время изъ палатокъ раздаются громкіе возгласы: „Иванъ, Козьма, Кончукъ, Петрушкевичъ, Ковальчукъ, Ракитанъ... это значитъ: встають в.г. офицеры, требуютъ отъ своей прислуги сапоги и пр. Встали!.. Поздравляемъ другъ друга съ добрымъ утромъ. Я съ Н. В. пью чай, если есть бѣлый хлѣбъ—съ хлѣбомъ, а нѣтъ—съ сухарями изъ обоза. Послѣ чаю сейчасъ-же пишу дневникъ, готовлю письма на почту. Затѣмъ люблю пойти по обозу, посмотрѣть солдатское житье-бытье и ихъ выдумки. Какъ только станемъ на бивакъ, солдаты сейчасъ-же начинаютъ устраивать себѣ помѣщеніе: одни составляютъ повозки по нѣскольку въ рядъ, покрываютъ сверху брезентами, а съ боковъ заставляютъ гаолянью, другіе роютъ въ землѣ большую широкую яму, сверху изъ вѣтвей устраиваютъ подобіе крыши, все это плотно застилается гаолянью и травой, и получается довольно теплое помѣщеніе, а нѣкоторые сносятъ прямо на землѣ, подстлавши попоны. Затѣмъ вся команда давно уже,—по духовному сродству, вѣроятно,—раздѣлилась на кружки, человѣкъ по 5—6; каждый кружокъ имѣетъ свой костеръ и промышляетъ себѣ завтракъ и полдникъ, такъ какъ солдатскіе желудки не довольствуются однимъ казеннымъ котломъ. На этомъ поприщѣ, конечно, лучше всѣхъ отличается Кс.: онъ и толченый картофель, и гаолянью кашу, и супъ съ саломъ умудряется приготовить, иной разъ и меня угощаютъ. Въ его кружокъ входятъ: онъ, Михалъ, Галкинъ, Мозалевскій и Рыженко—это неразрывные друзья, а въ послѣднее время этотъ кружокъ сталъ брать свой паекъ натурой, т. е. сырое мясо, картофель, крупу, сало, и Кс. въ большомъ старомъ ведрѣ варить на свою компанію чудный обѣдъ и ужинъ, даже ухитряется въ кружечкѣ поджаривать лукъ. На томъ же кострѣ кипятится большой чайникъ воды, изъ котораго Кс. въ тазу стираетъ

миѣ бѣлье; тазъ возимъ, привязавъ его подъ телѣгой. Интересно обойти, посмотреть, послушать солдатскіе бесѣды въ общемъ безропотны и весѣлы, несмотря на невзгоды наступившей холодъ. Прихожу къ палаткѣ... У командира узнаешь что-нибудь новенькое о полку и вообще о военных дѣйствіяхъ: къ нему присылаютъ донесенія командиры эскадроновъ съ передовыхъ линій. 2 ч. дня... на сколоченномъ изъ старыхъ досокъ и деревяшекъ столѣ, подъ полотнянымъ навѣсомъ уже накрытъ обѣдъ, беремъ каждый свою походную скамеечку и ѣдимъ съ аппетитомъ „бывающаго жителя“, что Богъ послалъ, смотря по мѣсту: стоимъ въ городѣ—хорошо, т. е. горячее съ мясомъ, жаркое изъ мяса, а если въ деревнѣ или въ полѣ, то и одно мясо, а были времена, что ѣли консервы или доѣдали орловскую колбасу; за обѣдомъ оживленные разговоры... родина, родные, политика, война... все перетолкуется основательно. Послѣ обѣда расходимся по палаткамъ, кто спать ложится, кто въ городъ ѣдетъ, а я что-нибудь читаю, а главное—съ великимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ ожидаю почты, за которой пошелъ уже писарь и пріѣдетъ въ 4 ч... Несутъ... бѣгу... самъ разбираю, кладу въ карманъ и ухожу куда-нибудь подъ дерево... читаю... какое наслажденіе! Когда же ничего нѣтъ, то и не знаешь, какъ дожить до завтра?—Прочту письма, иду въ палатку... кипитокъ готовъ уже, пьемъ вечерній чай, послѣ котораго часовъ въ 6 я снова иду по своей дорожкѣ (на каждомъ бивакѣ выбираю), читаю вечернее правило... и такъ отрадно смотрѣть на небо: вѣдь оно одно у васъ и у насъ (хоть когда у насъ ночь, у васъ свѣтло), да тамъ штъ ни сраженій, ни биваковъ, а миръ и Божественный покой. Провило читаю до ужина, такъ какъ послѣ бываетъ очень темно, и ходить невозможно, а въ палаткѣ неудобно. Въ 7 ч. вечера подается сигналъ, и наша команда выстраивается въ 2 шеренги; прихожу я, провозглашаю „Благодаренъ Богъ нашъ“... и начинается общая вечерняя молитва; поемъ всѣ „Царю Небесный“, „Отче нашъ“, „Спаси Господи“ и „Достойно“, послѣ этого люди ужинаютъ. Передъ обѣдомъ они поютъ „Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ“. Часовъ въ 8 ужинаемъ и мы ѣдимъ по куску жаренаго на сальтиса мяса,—масла здѣсь не достать, китайцы понятія не имѣютъ

о молокъ и маслѣ. За время съ 1-го іюля были на бивакахъ: Янтай, Латотай, Ляоянь, Цуюцаюаньцзы, Ляоянь, Цовчиндзы, Латотай, снова Янтай, Са-хе-пу, Ван-дя-пу, Мукдень,—не считая передвиженій. Когда упоминаются города Ляоянь и Мукдень, то это не значить, что мы живемъ съ удобствами, все равно (кромѣ перваго Ляояна „скорпионнаго“ и гнилого) на огородѣ бивакомъ, а теперь подь стѣновъ. Это „мирная“ жизнь наша, будничная, въ праздникъ прибавляются Богослуженія, хотя и въ будни иногда служу въ эскадронахъ, пользуясь военнымъ затишьемъ. Во время же сраженій, когда мы были на позиціи, и во время передвиженій,—конечно, все совершенно обратно: 10 дней мы не ѣли хлѣба, а только сухари, пили и умывались почти грязью и проч. Сегодня весь день въ тепломъ, холодно. Назначена была всенощная въ 5 ч., мы приготовились уже идти, вдругъ изъ штаба корпуса отмѣна, не знаю почему?... Ложусь.

8-е Сентября.

Ночью холодъ, утромъ дождь мелкій, осенній... не видно солнышка, а насталь праздникъ великій—Рождество Начальницы спасенія нашего Пресвятой Богородицы. Если всѣ, у кого не умерло желаніе „истинно“ и „вѣчно“ жить, сегодня торжествуютъ, то женщины должны радоваться въ особенности... родилась Великая Жена, которая подвигами Своей чудной жизни совершенно сняла пятно позорнаго осужденія съ женской половины рода человѣческаго и поставила ее на должную высоту! Какъ я уже сказалъ, у насъ праздникъ начался не весело: дождь... всталъ я, пошелъ по обыкновенію на дорожку, походилъ, подумалъ проповѣдь. Мимо бѣгутъ толпы китайцевъ жать гаолянъ, чумизу, рисъ... что оцалось... у нихъ нѣтъ Праздника и женщины ихъ еще не знаютъ „духовнаго избавленія“. Ѣдетъ кортежъ: китайскій „капетана“ отправился куда-то творить судъ и расправу... впереди верховой въ шляпѣ съ краснымъ махромъ, за нимъ „колымажка“, запряженная однимъ муломъ, въ ней сидитъ на корточкахъ самъ „капетанъ“ въ остроконечной шляпѣ съ краснымъ хвостомъ и стекляннымъ шарикамъ наверху, его „священная“ особа закрыта шелковыми занавѣсками отъ взоровъ простыхъ смертныхъ. Сзади тоже верховой, и

муломъ править кучеръ, оба одѣты подобно переднему. Колымажка окружена большою толпою китайцевъ, которые бѣгутъ въ припрыжку, съ великимъ благоговѣшемъ загораживая подь завѣску, чтобы хотя мелькомъ удостоить узрѣть капетанскую особу! 8½ ч. утра, дождь какъ будто стихаетъ, послалъ звать эскадроны на службу... Собрались, устроились на нашемъ бивакѣ; дождь совсѣмъ пересталъ, но только я возгласилъ: „Благословенно Царство“, какъ опять заморосилъ и шелъ всю обѣдницу. Одна мысль очевѣтѣшила меня въ это время: „Самъ Господь кропитъ насъ св. водою!“ Послѣ „Отче нашъ“ говорилъ проповѣдь о тому, что намъ для вѣчнаго спасенія необходимо идти по стопамъ пути Богоматери, т. е. крѣпко хранить въ душѣ св. вѣру, которая какъ несокрушимый камень, легшій въ основаніе спасенія нашего, сохранить насъ отъ всего. Присильте избѣгать всѣми силами гордости, которая отрываетъ насъ отъ Бога, ибо Онъ—смиренная любовь,—разстраиваетъ и лишаетъ спорости общую работу, наполняя ее ошибками гордости, лишаетъ душу внутренняго покоя... Наоборотъ необходимо стяжать смиреніе, любовь другъ ко другу, выражающуюся въ взаимопомощи безъ зависти и тщеславія. Въ 10½ ч. погода разгулялась, подулъ вѣтеръ, разогнали тучи... выплыло солнышко и обдала насъ своимъ свѣтлымъ тепломъ: „моль—радуйтесь... съ праздникомъ, я васъ забыло!“ Я надѣлъ сверхъ теплаго подрясника рясу съ „орденомъ“, взялъ палочку и пошелъ тихонько въ 1 эскадронъ служить молебень: тамъ эскадр. праздникъ. Пришелъ и диву дался... ну и артисты же солдаты наши—изъ простого огорода съ китайской рѣдкой устроили цвѣтущій садъ! Выровняли большой четырехугольникъ, утрамбовали, обсадили срубленными деревьями, да такъ искусно, что всѣ принимали ихъ за настоящіе. Собрали массу цвѣтовъ, украсили ими деревья, столы—офицерскіе и солдатскіе съ бѣлымъ хлѣбомъ, колбасою, яблоками, грушами, яйцами, водкой, виномъ; сдѣлали 2 земныхъ арки и на одну изъ нихъ поставили игрушечнаго барана, что „самъ хвостомъ вертѣтъ“ (отъ вѣтра, конечно), а на другую повѣсили китайскую корзинку съ цвѣтами; столикъ для иконы—весь въ цвѣтахъ! Нужно было видѣть восторгъ солдатъ-устроителей! Какъ дѣти утѣ-

шались они, глядя на свой „салъ“, на барана „хвостомъ вертящаго“, на изумленіе гостей при видѣ ихъ „художества“! Собрались 2 саперн., весь почти штабъ 17 корпуса, офицеры нашего полка,—и торжество открылось. Я сказалъ проповѣдь на ту-же тему, что и утромъ (1 эск. не былъ на обѣдницѣ), затѣмъ молебень, многолѣтіе, окропленіе яствъ и питій... однимъ словомъ будто въ Орлѣ. Потомъ здравицы, ура и трапеза. Съли за столъ и ротм. Обломіевскій сразилъ всѣхъ окончательно: вина, закуски и... даже огромный пирогъ,—это уже было столь необыкновенно, что одинъ капитанъ штабный вскочилъ и снялъ его фотографически. Затѣмъ жаркія шли: котлеты, бифштекъ, цыплята, и наконецъ фрукты и кофе съ ликерами. Подзакусивши, я скоро всталъ и ушелъ на бивакъ, чтобы ѣхать служить обѣдницу въ другіе эскадронч, а остальная братія пребывала за трапезой до вечера и „угобзилась зѣло“. Вернулся я домой, вѣтеръ холодный, велѣлъ сѣдлать лошадей, досталъ и надѣлъ панаху, на теплый подрясникъ накидку, сѣлъ на „Китайца“ и поѣхали... Дорожку уже успѣло обдуть... „Китаецъ“ застоялся, какъ вѣтеръ несетъ... мелко сѣменить ножками, качаетъ какъ въ люлькѣ. Михаилъ скачетъ сзади галопомъ, Вѣтеръ обвѣваетъ лицо, волокна панахи щекочатъ лобъ... Зорко смотритъ моя дивная лошадка впередъ, какъ змѣя скользитъ по изгибамъ дорожки, не споткнется... не даромъ служила хунхузамъ!... Я въ полѣ... вокругъ чумиза, гаолянъ, одиночныя деревья... Какъ я любилъ всегда побыть одинъ въ полѣ тамъ... далеко! А здѣсь?... и невольно голова опустилась... рой воспоминаній ворвался, и нѣтъ силъ противостать... Пронеслися времена: дѣтское, учебное. Варшавское, Тверское, Орловское, Отрада... 6 мая, 3 іюня... всплыло ужасное 11 іюня... и прощанье въ домъ, вокзалъ, отъѣздъ... Оля... Господи!... и не замѣтилъ, какъ скатилась слеза, быстро смахнулъ, совѣстно... Что же это? малодушіе? О, нѣтъ, не знаю что такое, только не малодушіе!—Славу Богу, русскій и христіанскій духъ крѣпко держится еще въ душѣ моей! И вспоминаются мнѣ тогда чудныя слова Тараса Бульбы казакамъ своимъ во время битвы: „а что, дѣти, есть еще порохъ въ пороховницахъ?“ „Есть, батьку!“ отвѣчаютъ казаки. Такъ и хочется себѣ и

другимъ крикнуть: „а что, есть еще въ вашихъ душахъ крѣпкій русскій духъ и вѣра христіанская какъ нѣкій порошокъ въ пороховницахъ? Бросьте ненужный критицизмъ и скептику, вѣрьте въ Промыслъ Божій въ жизни народовъ, будьте просто русскими и боритесь до смерти, памятью гдѣ русскіе—тамъ русское, тамъ всѣмъ „языцемъ“ тепло „незлокозненнымъ“! А лошадка, что вѣтеръ, несеть... уже нѣсколько разъ фыркнула, нагибая голову до земли, какъ бы давая знать, „что молъ, хозяинъ, задумался?... вѣдь давно бѣгу!“—Ну, прости, прости, голубушка, пойдн шажкомъ и треплю лошадкѣ шею, глажу, а она повертывается ко мнѣ голову, подставляетъ, чтобы почесать ей подъ железку. Вду дальше, оглянулся... китайцы убирають хлѣбъ съ полей... Манчжурія... Господи, что со мной сегодня сдѣлалось? Опять думы!! Вспоминается пережитое „манчжурское“, особенно Ляоянское сраженіе, вереницы носилокъ съ ранеными, покрыты щинелями, мертвенно-блѣдные... Арбы... вотъ двое очень памятные... сидитъ солдатъ, склонивъ голову въ руку, словно думу думаетъ!... Смотрю ближе—вмѣсто лица кровавая масса!, править этой арбой раненый въ ногу. Другая,—на днѣ лежитъ голое тѣло, думаю—убитый?—нѣтъ, пошевельнулъ рукой, согналъ слабымъ жестомъ муху: тяжело раненъ, рубашка въ ключьяхъ въ бою свалилась, остальное пошло на первую товарищескую перевязку... Боже мой, сколько такихъ!... Кругомъ все напоминаетъ о витающей здѣсь смерти!... Идутъ толпы китайцевъ, и мысль скользитъ: а можетъ быть, они хунхузы? Завтра попадутся и будутъ повѣшены, какъ недавно провели мимо насъ 2-хъ связанныхъ за косы, точно такихъ же. Идутъ мимо пѣхотные полки на позиціи съ музыкой, весело, бодро шагаютъ... а завтра?—А завтра можетъ быть не будетъ уже на свѣтѣ вотъ этихъ, что сейчасъ на мой вопросъ: „какой полкъ идетъ?“ такъ дружно и громко отвѣтили: „1 боевой въ арміи—Зарайскій!“ Гонять стада животныхъ, но... не на мирныя настища: завтра они будутъ убиты для прокормленія арміи; весело кричатъ на повозкахъ пѣтухи,—это послѣдняя пѣсня: завтра ихъ ждетъ та же участь, и т. д. Слышу голосъ Михаила: „Батюшка мы кажется сбились, проѣхали поворотъ!“ Выѣзжаю на пригорочекъ, что у двухъ дорогъ.

вижу сидять два русскихъ витязя, два Ильи Муромца, и вскричалъ я громкимъ голосомъ: „охъ и гои вы, добры молодцы, кто, откуда вы, куда путь держите?“—Отвѣчаютъ Ильи Муромцы: „Мы витязи славнаго войска Сибирскаго, 11-го полка стрѣлковаго, истрепались у насъ сапоженьки, изранились босы ноженьки, износились рубашеночки, и идемъ мы промыслить одеженку, обуженку за рубль—копѣчку въ славный градъ Мукденъ“.—„А, скажите, добры молодцы, гдѣ стоитъ здѣсь славная русская конница?“ Указали Ильи Муромцы перстомъ вправо, попрощались, повернули мы коней и скоро пріѣхали на ханшинный, т. е. китайскій водочный заводъ, гдѣ стоятъ наши эскадроны со вчерашняго дня. Такъ на заводѣ этомъ и устроили мѣсто для Богослуженія,—что дѣлать?! обстановка повелѣваетъ!

Отслужилъ обѣдницу, говорить проповѣдь на ту же тему, что и у себя. Понили чаю, побесѣдовали, осмотрѣлъ заводъ и сжатый рисъ—зеленый... У насъ онъ дорого продается, а здѣсь солдаты кормятъ имъ лошадей. Пріѣхалъ лошой уже вечеромъ, немного усталъ. Прошу простить, кажется много лишняго понаписалъ?! Легъ спать въ полномъ одѣяніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

28-е Августа.

28-е число просидѣлъ на бивакѣ, только въ городѣ на почтѣ былъ, получилъ письма и читалъ ихъ, такое было счастье! Пришелъ приказъ изъ корпуса: завтра въ 9 часовъ отслужить обѣдницу. Подъ вечеръ взялъ палочку, которую мнѣ сдѣлалъ Кс., и пошелъ погулять по биваку и вокругъ него.—Къ намъ на бивакъ только два входа, недалеко отъ нашей палатки у штандарта стоитъ часовая, а по коновязямъ кругомъ день и ночь ходятъ дневальные. Посторонніе не только китайцы, но и солдаты не пускаются, хунхузы грабятъ прямо въ городъ и около стѣнъ снаружи—нужно быть осторожнымъ. Смотрю я на эти Мукденскія стѣны и невольно воспоминаю уроки изъ исторіи о стѣнахъ Ниневіи,

Вавилона, Египта!!... Безъ всякаго преувеличенія скажу, что это „циклопическая“ постройка—ширина стѣнъ такова, что по нимъ свободно можетъ ѣхать четверка лошадей, высота же ихъ, думаю, не меньше 6 саж.,—каменные, съ башнями, сдѣланы необычайно тщательно, но со временемъ уничтожаются—ихъ никто не ремонтируетъ. Я катался верхомъ съ Кс. по городу,—огромный, богатый, есть памятники, но въ общемъ типъ такой же, какъ и въ Ляоянѣ, только женщинъ на улицѣ больше. И такъ пошелъ я гулять по биваку, зашелъ прежде всего осмотрѣть кладбище, очевидно древнее и богатое, обнесенное оградой, прекрасныя ворота, могилы—это цѣлые курганы... Сильное явилось желаніе раскопать ихъ, я такъ люблю древность, но не хочется оскорблять религіозность китайцевъ. Кладбище брошено давно, все заросло бурьяномъ... Теперь на этомъ кладбищѣ рѣжутъ скоть для солдатъ и рядомъ съ могилами, быть можетъ, сановныхъ мандариновъ, закапываются внутренности убитыхъ животныхъ... таковъ законъ войны, надо мириться... Предъ воротами кладбища снаружи лежитъ огромная каменная черепаха, на спинѣ ея стоитъ каменная доска аршинъ 7 высоты съ надписью; на верху доски высѣчены переплетающіеся драконы... все чудной работы... черепаха и драконы свирѣпо разинули пасти, очевидно, не пускаютъ злыхъ духовъ на кладбище, которое должно быть мѣстомъ „упокоенія“! Наблюдая религіозную жизнь китайцевъ, особенно простыхъ, ясно замѣтно, что они вѣрятъ въ боговъ—въ духовъ добрыхъ и злыхъ, признаютъ грѣхъ, необходимость добродѣтели, очищенія отъ грѣховъ и не только живыхъ, но и умершихъ почему приносятъ очистительныя жертвы. Китайцы горячо вѣрятъ въ загробную жизнь и общеніе между живыми и умершими, на примѣръ, садясь обѣдать, они ставятъ на гробъ своего покойника также чашку риса, вѣря, что онъ съ ними духомъ... громко голосятъ по умершемъ, объясняя: „чтобы онъ услышалъ!“ Все пространство нашего бивака покрыто деревьями... если бы не дожди, то отдыхъ былъ бы полный, хотя перепедаютъ хорошіе дѣвочки. Вышелъ я на дорогу и долго стоялъ, наблюдая мимотекущую жизнь: китайцы бѣгутъ изъ деревень въ Мукденъ и „все свое несутъ съ собою“, печальное до слезъ

арьянице и вмѣстѣ невольно смѣшное!... Вотъ подугольные китайцы на коромысла ташать огромную живую сванью, которая визжитъ на всю вселенную: они спасаютъ ее отъ „сольдата“; несутъ цѣлый огромный шкафъ съ рухлядью, боговъ, стулья, окна, двери, строила съ крышь, сухой галазанъ, дѣтей за спиной!... Здѣсь же съ утра до ночи „кушцы“ ходятъ по дорогѣ и орутъ немилосердно: „олеха“ (орѣхи), „лобака—махола“ (махорка), „попилюса, спички, леба (хлѣба)! Торгаши они страшные, запрашиваютъ внятеро, торгуются, а чуть только солдатъ, по ихъ мнѣнію, поступить съ нимъ неправильно, сейчасъ же кричатъ во все горло: „капетана, капетана!“ Торгуютъ всё—старые и молодые, даже дѣти 6—7 лѣтъ, держа въ рукѣ двѣ коробки спичекъ, кричатъ: „спичка, спичка“.

Слышу направо визгъ, крикъ... Смотрю: толпа китайцевъ... дерутся, схватили другъ друга за косы и такъ дерутъ, что едва кожу не оторвали... Оказывается, изъ-за какого-то пучка ненужной содомы поспорили! Стащить что-нибудь у насъ они тоже не прочь. Пришлось однако встрѣтить и хорошихъ: въ городѣ Ляоянѣ я очень подружился съ семьею нашего хозяина.—онъ, жена и двѣ дочери, одна 13-ти лѣтъ, другая 10-ти, очень сердечные люди, ежедневно приходили дѣвочки поздравлять меня съ добрымъ утромъ, приносили винограда, яблокъ и упорно отказывались отъ денегъ. Мысленно одну я называлъ Сашей, а другую Милицей и очень утѣшался, глядя на нихъ, и вспоминалъ тѣхъ дорогихъ дѣтокъ. Хозяинъ очень любилъ со мной поговорить, конечно, больше догадками. Все исполняли, что я желалъ или совѣтовалъ, напр., вся семья курить, однажды я говорю дѣвочкамъ: „кули, кули, худо есть, не шанго“,—онѣ сейчасъ же бросили папирсы и трубки и больше при мнѣ никогда не курили; онѣ прямо ужасались, что я ѣду туда, гдѣ „бумъ, бумъ“ и „пилюли“, т. е. пушки. Тяжело было прощаться съ этой семьей, они всё вышли проводить насъ, грустные, всё наши любили ихъ. Несчастные! Черезъ недѣлю Ляоянъ горѣлъ уже отъ снарядовъ... что съ ними?! Еще жалѣлъ я одну семью, наполовину разоренную; я далъ старику 1 р., отъ радости онъ сталъ на колѣни, конечно, со слезами на глазахъ, я подѣялъ его и что же? Проходить минутъ 20, и

онъ приносить маленькаго цыпленка, даетъ мнѣ въ подарокъ, денегъ ни за что не взялъ.—Возвратился съ прогулки. Ксенофонтъ вскипятилъ въ котелкѣ кофе и я съ Иваномъ и Вл. выпили по стакану... Настала холодная, тихая звѣздная ночь... Господи, какъ необычайно красиво темною ночью небо, какъ ярко горять звѣзды... поднять бы глаза вверхъ да такъ и не сводить бы оттуда!! Кромѣ красоты, какимъ миромъ вѣетъ съ неба... такъ тянетъ туда... безъ словъ душа съ кѣмъ-то говорить... О если-бы не ужасъ войны, не разлука съ близкими, съ родиной?!. Но и при этомъ такъ прекрасно, такъ успокаиваетъ тоскующую усталую душу!.. А внизу... оглянулся... земля пылаетъ, море костровъ, фонарей, факеловъ, шумъ... Двигутся обозы, орудія... несется волною въ одномъ концѣ священное пѣніе молитвы Господней, въ другомъ—удалая русская военная пѣсня, слышатся откуда-то издали музыка, „ура“, визжитъ свинья, изловили, кричатъ „кукареку“ пѣтухи на повозкахъ, мычатъ коровы, перекликаются привѣтнымъ ржаніемъ лошади, костровъ оживленные группы солдатъ, пьютъ чай, варятъ картофель въ котелкахъ, причемъ изъ нѣкоторыхъ торчатъ ножки курицы!.. везухиваютъ трубочки... Люблю я подойти къ костру и послушать незамѣтно солдатскіе разговоры, сколько въ нихъ юмора и... правды, вѣры въ начальство. Само начальство частенько критикуетъ другъ друга, сомневается, а солдаты глубоко убѣждены, что все такъ и нужно, что дѣлается, начальство молъ знаетъ! а Куропаткины дѣла ихъ—богъ, хотя многіе его ни разу не видали!

29-е Августа.

Всталъ рано, помолвившись Богу, пошелъ гулять въ кругъ бивака и обдумать проповѣдь. Въ 8½ ч. утра я, Михайло, а также 1 и 2 эскадроны, наша команда—отправились въ штабъ 17 корпуса, гдѣ на чистомъ дворѣ устроили мѣсто для Богослуженія. Пришелъ корп. командиръ, генералъ офицеры, чиновники, прусскій и австрійскій военные агенты. Служба прошла хорошо, пѣли штабные пѣвчіе, а „Въ проповѣдь на тему, что св. Іоаннъ Предтеча, получивши отъ Бога повелѣніе проповѣдовать людямъ покаяніе, отпущеніе

отъ грѣховъ,— всю свою жизнь земную самоотверженно несть это служеніе, забывая о себѣ и своихъ потребностяхъ. Онъ честно, мученически, подвижнически выполнилъ долгъ свой; даже изъ темницы проповѣдывалъ, наконецъ, сподобился мученической кончины, а теперь на немъ вѣнецъ побѣды, вѣчная блаженная жизнь со Христомъ и Богородицей. Просиль молящихся подражать св. Предтечи, т. е. вѣрить, что каждое служеніе земное дается человѣку Богомъ, что всё неуспѣхи въ дѣлахъ бываютъ оттого, что люди забываютъ объ этомъ и работаютъ не самоотверженно, не подвижнически, а лѣниво, кое-какъ. Просиль помнить, что если честно дѣлать свое дѣло, то непременно будутъ скорби, испытанія. Каждое дѣло тогда крестъ, но такъ должно, и духомъ падать отъ этого не нужно, а, наоборотъ, съ увеличиваніемъ скорбей увеличивать энергію и бодрость, не сдаваться, и тогда вѣнецъ Предтечи готовъ и для насъ!.. Тихонько вернулся домой, съ 1/2 версты всего... довольный, что покойно, безъ помѣхи, помолились въ св. день. Пообѣдали. Хотѣлъ ѣхать въ эскадронъ служить, но изъ корпуса прислали сказать, что сегодня ожидаютъ сюда икону преподобнаго Сергія Родонежскаго, предъ которой нужно отслужить молебень, но иконы мы не дождались и въ эскадронъ я не попалъ.— Съ величайшимъ духовнымъ наслажденіемъ читать воспоминанія Поселянина о Саровѣ и Дивѣевѣ. Все прошлогоднее воскресло въ душѣ! Слава Богу за все!..

30-е Августа.

Сегодня почти весь день провелъ въ разъѣздѣ: въ 7 1/2 ч. утра я и командиръ полка поѣхали въ 3 эскадронъ служить молебень, тамъ и въ 4 эскадронѣ праздники. Послѣ дождя воздухъ чудный, солнце ярко свѣтитъ, дышать—не надышаться... лошади бодро мѣсятъ ужасную жидкую грязь, хлопаютъ по водѣ и усердно ею облаютъ насъ, такъ что живого мѣста на мнѣ не осталось, все въ грязи! Въ 9 час. утра пріѣхали. Солдаты постарались такъ устроить все, что заставляютъ забыть о военномъ времени!—Большой дворъ утоптали, чисто вымели, устлали цыновками, столъ съ иконой покрыть бѣлой скатертью, столікъ съ закуской для здравицы, большой столъ съ угощеніемъ для солдатъ; каж-

дому по бѣлому хлѣбу, куску мяса, яблоки, груши, водки, все это ухитрились достать, хотя и страшно дорого, наш хлѣбецъ 40 коп., водки жестянка около ведра 36 рублей. Торжественно, при общемъ пѣніи отслужили молебень, проповѣдь говорилъ о необходимости, подобно св. князю Александру Невскому, во всякое время и во всякомъ положеніи *спасаться*, т. е. хранить несомнѣнную вѣру, надежду и благодатную помощь Господа, молитву, чистоту сердца, слова и дѣла, вообще исполненіе заповѣдей Божіихъ, такъ какъ грѣхъ всегда грѣхъ—и въ мирное, и въ военное время. Наскорѣ пообедали у гостепріимныхъ хозяевъ и поспѣшили въ штабъ 17-го корпуса тоже служить молебень, тамъ сегодня штабный праздникъ и день Ангела командира корпуса. Устроились, собрались все (опять были германскій военный агентъ) и здѣсь отслужили, причемъ прекрасно пѣли штабные пѣвчіе, проповѣдь говорилъ на ту же тему. Вернулись изъ штаба, закусили рѣдечкой и съ Михайломъ и двумя солдатами въ 12 ч. дня поѣхали въ 4 эскадронъ, который отъ насъ верстахъ въ восемнадцать къ Ляояну по Манчжурской дорогѣ. Проѣхали по линіи желѣзной дороги версты 13, переѣхали длинный желѣзнодорожный мостъ, который сильно укрѣпленъ: два форта, волчьи ямы, проволока. Проѣхали разъѣздъ, стоитъ поѣздъ, саперы снимаютъ рельсы и увозятъ къ Мукдену, вездѣ пѣхотные окопы. Мы все ѣдемъ, солдатъ уже мало стало встрѣчаться, тишина, деревни пусты, немного жутко... Смотрю на встрѣчу намъ показавшійся какой-то разъѣздъ... ближе... какъ будто драгуны... Дѣйствительно, ѣдетъ самъ командиръ 4 эскадрона Калининъ съ нѣсколькими солдатами (Бодиско боленъ дизентеріей, управляется). „Мы къ вамъ!“ кричу я... „Вернитесь“, раздается въ отвѣтъ, „сегодня ночью нашъ эскадронъ передвинется на новую стоянку, отсюда еще версты 20, подъ самую носомъ японцевъ, до темноты не доѣдете, до и не застанете почти никого: эскадронъ расосланъ въ разъѣзды, сложимъ празднованіе до болѣе удобнаго времени“. Такъ и вернулись мы въ 6½ час. вечера домой, сдѣлавши сегодня болѣе 30 версты, немного устали; еще великое спасибо говорю Романову, что подарилъ мнѣ иноходца: я какъ въ люлькѣ, мало трясегъ. Днемъ нынѣшнимъ очень доволенъ.

улегея рано. 31-е августа и 1-е сентября прошли въ пол-
номъ бездѣйствіи, только читаль.

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

9-е Сентября.

Ночь была теплѣе, и день хорошій солнечный, сравнительно теплый. Съ ранняго утра какъ муравьи завозились наши солдатики... застучали топоры, заработали лопаты и метлы: надо бивакъ разукрасить во чтобы то ни стало: сегодня нашъ штабный праздникъ, день св. Θεодосія... Мы счастливы... солнышко свѣтитъ, ни тучки... Праздникъ выйдетъ на славу и... вышелъ!—Притащили изъ 1 эск. ихъ вечерашній садъ полностью, корзину, цвѣты, барана „самъ хвостомъ вертящаго“ и даже арки переправили, не разбирая ихъ. Все, что было въ 1 эск., водворилось у насъ и не менѣе художественно, офицерскій же столъ и солдатское угощеніе у насъ было красивѣе и полезнѣе: напр., вмѣсто колбасы и ведра водки, лежали чай и сахаръ, булки были большія бѣлыя, а водки дали каждому только по маленькой рюмочкѣ, да по стакану пива (90 к. бутылка, а получше 1 р. 25 к.), затѣмъ яйца, яблоки, груши. Въ 12 ч. пришелъ нашъ генераль, офицеры нашего полка, гости, и я отслужилъ молебень. Сказаль при этомъ поученіе о томъ, что св. Θεодосій

принадлежать къ военной семьѣ и однако это не помѣшало его спасенію, посему просилъ воиновъ отбросить ложный взглядъ, будто бы на военной службѣ можно себя позволить много лишняго, грѣховнаго, чего никогда бы въ гражданской жизни воинъ не сдѣлалъ. Но развѣ военная служба для погибели?—Нѣтъ, для спасенія,—поэтому всѣ воины должны внушить себѣ, что и на военной службѣ необходимо, и даже болѣе, чѣмъ въ мирной, соблюдать заповѣди и стремиться къ святости. Развѣ военная служба мѣшаетъ искренно вѣровать въ Бога, горячо молиться, соблюдать уставы св. Церкви, охранять чистоту помысловъ, воздержаніе въ словѣ, цѣломудріе, честность, трудолюбіе, послушаніе, уваженіе къ старшимъ и пр.?! Конечно нѣтъ, даже наоборотъ: къ этому то и обязываетъ и еще прибавляетъ *энецъ* мученичества. *Спасайтесь-же!* Указалъ затѣмъ, что многіе нестроевые спятъ себя какъ-бы наполовину воинами: „мы же не сражаемся!“ и грустятъ отъ этого. Не надо смущаться этимъ, но помнить, что какъ тѣло одно, а члены разны, но всѣ члены другъ другу необходимы, такъ и полкъ—одно тѣло, въ которомъ всѣ несутъ одну службу Богу, Царю и Отечеству, и другъ другу необходимы,—нужно только честно и вѣрно служить по присягѣ, а Богъ и Царь не забудутъ и св. Θεодосій своими молитвами благословить и поможетъ! Послѣ молебна у насъ былъ обѣдъ съ пирогомъ и... шампанскимъ,—достали таки!... Принесли пѣсенники и пошло русское веселье рѣкою, а я велѣлъ подать „китайца“ и похвалъ отъ этого шума на сосѣдній бивакъ къ родственнику П., гдѣ живеть и батюшка 52 Нѣж. драг. полка. Тамъ пили чай, оживленно бесѣдовали, вернулся въ 6 ч. вечера домой и весь остальной вечеръ писалъ.

10-е и 11-е Сентября.

Погода снова наступила теплая, только ночью холодно, но уже спимъ, раздѣваясь, безъ опасенія простудиться. Получено донесеніе полк. Ванновскаго, что рядовой Верейкинь, возвращаясь съ нашего бивака въ 4 эск. съ лазаретной ливейкой, былъ раненъ хунхузами пулей въ животъ на вылетѣ, отправили въ госпиталь. Вѣроятно, умереть—еще новая жертва въ нашемъ полку!

Вчера вечером корпусный командир прислалъ сказать, что онъ проситъ 12-го отслужить обѣдницу въ 8½ утра. Всталъ я пораньше. Слава Богу, потеплѣло, — взяли то, что нужно для Богослуженія и пошли съ Михаиломъ на штабной дворъ, туда же собрались эскадроны и наша команда. По дороге мнѣ пришла въ голову мысль, что священникъ въ служеніи своемъ подобенъ св. Предтечѣ Христову, Иоану. Св. Предтеча своею пламенною проповѣдью готовилъ людей къ принятію Господа Иисуса Христа; не то же ли делаетъ и священникъ? Конечно, да! Священникъ долженъ часто проповѣдовать людямъ, что приблизилось Царство Божіе въ Иисусѣ Христѣ, что только въ Немъ. Одномъ истинная вѣчная жизнь, полное удовлетвореніе всѣхъ запросовъ духа человѣческаго! Пламенное слово: „покайтесь, исправьте пути ваши, укрѣпитесь малодушные и вѣруйте въ Мессію, Который есть Христосъ!“ Это слово Предтечи должно быть и въ устахъ священниковъ. Какъ съ береговъ Иордана, такъ теперь съ амвона и въ домахъ оно должно жечь сердца людей, чтобы ихъ сомнѣнія, ложныя извиненія и прегрѣшала въ этомъ духовномъ пламени, и люди принимали Сладчайшаго Спасителя своего и здѣсь, на землѣ, въ своей душѣ съ вѣрою, любовью и покаяніемъ, и послѣ смерти приходили къ Нему приготовленными!.. Господи, какое мудрое служеніе!.. И вспомнился мнѣ св. Предтеча, забывшій о себѣ и только объ одномъ помышлявшій: — представить Господу людей приготовленными, а упорныхъ обличенными. Вспомнились акриды и его одежды изъ волоса, и паралелью къ этому наша жизнь и служенія теплохладная!.. Боже мой, — какъ стыдно стало, — а вѣдь и мы, какъ „жертвы“ — суть „отдѣленные“ отъ міра для Бога и спасенія людей! Собрались, устроились... началось Богослуженіе, все прошло попрежнему, а на душѣ у меня было какъ-то легче, хотѣлось молиться и такъ стало жалъ, что все скоро окончилось! Проповѣдь говорилъ на евангеліе о хананейкѣ: вотъ она, какъ человѣкъ, все, все сдѣлала для своей дочери, — вырастила, научила полезному, — когда заболѣла, вѣроятно, лечила, — а вся таки этихъ однихъ ея усилія оказалось мало, потребовалась высшая помощь, къ которой она и обратилась.

припавши къ ногамъ Спасителя съ горячей вѣрой и пламенной мольбой, срастворенной покаяніемъ и *всего* достигла зря, и труды ея получили Божію благодать, — донь стала здорова и счастлива! Поэтому просильте слушателей вспомнить, что и мы такіе же люди, какъ и хананейка, такъ же трудимся, болѣемъ и скорбимъ, значитъ, подобно ей, должны и на своей только силѣ шуповать, а съ вѣрой просить у Отца Небеснаго благодати, вѣщающей успѣхомъ дѣла наши съ вѣрой. Но что значитъ вѣровать? Вѣровать, значитъ быть всегда твердо, несомнѣнно и убѣжденнымъ, что существуетъ Господь Творецъ, Отецъ нашъ, что Онъ все наполняетъ близъ насъ, — сомнѣвающимся же ино Апостолу подобенъ волнѣ, вѣтромъ поднимаемой и колеблемой. Да, такъ и бываетъ: человѣкъ говоритъ, что онъ вѣритъ, пока все въ его жизни гладко и хорошо, какъ въ покойномъ морѣ, но стоитъ подуть вѣтру — какому-нибудь лижечуленію человѣческому или горю, такъ и сомнѣніе готово. Далѣе происходитъ съ нимъ, что и съ волной, — какъ она чѣмъ дальше бѣжитъ, тѣмъ все болѣе свирѣпѣетъ, и вдругъ разобьется о камень такъ, что одна водяная пыль останется, — такъ и человѣкъ, потерявъ вѣру, не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ. Ему уже не на чемъ основать добродѣтель, и потому грѣхи быстро наполняютъ жизнь его и чѣмъ дольше пребываетъ онъ въ безвѣріи, тѣмъ свирѣпѣе и тиуснѣе становятся грѣхи его, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе и тоска души его и угрызения совѣсти, и думается человѣку покал не разобьется: или умретъ безъ надежды на воскресеніе и вѣчную жизнь, или убьетъ самъ себя или... Да, Богъ каждому, сомнѣвающемуся обратиться къ Господу своему!.. Вѣровать — значитъ говорить съ Богомъ, какъ дѣтямъ съ Отцомъ, рассказывая Ему все свои радости, нужды и печали, значитъ *молиться* Ему и славословить Его. Наконецъ, вѣровать — значитъ всеми силами стараться *сдѣлать* угодно Богу, а Ему угодно святая и добрая наши мысли и дѣла, такъ какъ Онъ Самъ Святъ есть. И такъ просильте я всѣхъ несомнѣнно вѣровать, а отсюда молиться, творить добрая дѣла христіанна и все срастворять покаяніемъ, такъ какъ безъ этого вѣра наша подобна бѣсовской, гордая!

По окончании Богослужения подходит К. Степановъ и предлагаетъ осмотрѣть Мукденскіе императорскіе дворцы на что получилось въ штабѣ корпуса разрѣшеніе отъ смотрителя. Конечно, я съ радостью согласился, съ нами пошло человѣкъ 40. Подъѣзжаемъ къ дворцамъ. Едва издали узнали ихъ по желтымъ крышамъ; этотъ цвѣтъ, кромѣ Императорской фамиліи, никто не можетъ употреблять. Передъ главными воротами прогатки и стоятъ 2 китайскихъ часовыхъ, отдали намъ честь ружьями на караулъ, формы особой на нихъ почти нѣтъ. Дворцы обитаемы съ 1644 года, правительство ежегодно отпускаетъ на содержаніе ихъ въ порядкѣ большія суммы, и деньги эти расходятся по карманамъ чиновниковъ, а дворцы разрушаются безъ ремонта. Вошли мы на первый дворъ, насъ встрѣтили пять чиновниковъ, во главѣ съ старикомъ-смотрителемъ, у всѣхъ на головахъ красныя съ черными воротами шапки съ перомъ сзади, а на макушкѣ разноцвѣта стеклянные шарикъ, смотря по чину: простого стекла бѣлые, какъ молоко, красныя, зеленые, золотые. Они позвали насъ руки и осмотръ начался, насъ сопровождалъ студентъ восточнаго Института Н. Я., говорящій по китайски. Первый дворъ огромный, выстланъ камнемъ—плитами, это военный дворъ, здѣсь были парады китайскимъ войскамъ; кругомъ онъ обставленъ бесѣдками прекрасной работы, особенно различительны крыши, онѣ сдѣланы изъ обливной черепицы разныхъ цвѣтовъ, преобладаетъ желтый, цвѣта подобраны со вкусомъ, но все порасло травой, а дворъ—такъ едва пройдешь—бурьянь! На слѣдующихъ дворахъ мы осмотрѣли:

1) *Тронный залъ*—отдѣльное зданіе, кругомъ обнесено прекрасной работы каменной (высѣчена изъ камня) рѣшеткой—въ него ведутъ три каменные невысокія лѣстницы: по боковымъ ходили мандарины, а по средней только императоръ, на ней вмѣсто ступеней высѣченъ лежащій каменный драконъ. Въ самомъ залѣ потолокъ, балки, стѣны—все покрыто чудной орнаментной работой изъ золота и эмали, посрединѣ на четырехугольномъ возвышеніи стоитъ вызолоченный тронъ, весь покрытый золотой рѣзбой, надъ нимъ балдахинъ съ дракономъ; рѣшетка, окружающая возвышеніе, изъ краснаго дерева съ бронзой, къ трону ведутъ три

лѣсенки. Надъ трономъ золоченая доска, на которой стихами воспѣвается мудрость богдыхана, причемъ у насъ рѣзаны въ концѣ, а у китайцевъ въ началѣ строки. Все это дивное произведеніе китайскаго искусства конца 16 столѣтія теперь покрыто пометомъ голубинымъ, пылью, что ковровъ, и, конечно, разрушается. 2) *Частные покои Императора* — уже разрушены и лежатъ здѣсь-же въ развалинахъ... Невозможно смотрѣть на эту картину безъ чувства жалости и возмущенія, а китайцы ходятъ себѣ вполне равнодушно!! Противъ тронной залы 3) *Придворный храмъ*. Здѣсь пусто уже, все расхищено, студентъ увѣряетъ, что сами китайцы прежде всѣхъ крали. Затѣмъ смотрѣли 4) *башню „Феникса“*, въ 3 этажа, въ ней стоитъ тронъ императрицы; черный изъ сандальнаго дерева, весь обломанъ, — это посѣтители на память по кусочку ломаютъ и наши немножко утащили, но... у меня не налегла рука: вѣдь это все таки — *тронъ!!* Затѣмъ пошли въ *арсеналъ*, гдѣ хранится библіотека и одежды царскія. Осмотрѣли портреты императоровъ, рисованные 250 лѣтъ назадъ и одежды ихъ. Одежда — это роскошь: по желтому шелку вышиты мелкимъ жемчугомъ и шелками разныхъ цвѣтовъ драконы, головы животныхъ, цвѣты... прямо не насмотришься, не удивишься. Поблагодарили чиновниковъ и съ чувствами удивленія предъ древнимъ китайскимъ искусствомъ и возмущенія предъ преступнымъ равнодушіемъ охранителей этихъ сокровищъ — отправились мы домой.

13-е Сентября.

Спали не особенно хорошо; у китайцевъ „праздникъ овощей“, три дня продолжается, и потому музыка раздражительная гремитъ часовъ съ 3-хъ и 4-хъ утра до поздней ночи, — это первая помѣха, а вторая — собаки!... это прямо что-то невозможное! Жители разбѣжались изъ деревень, собакъ, конечно, бросили, и вотъ онѣ стаями держатся въ гаюлянѣ, ночью же подходятъ къ бивакамъ и ищутъ пропитанія, и если одна найдетъ что-либо, то бросаются всѣ и начинается ужасающая грызня и визгъ, и такъ каждую ночь... Рано всталъ и пошелъ по дорожкѣ... пыльная земля; копнешь лопатой — черная, грязная, некрасивая, но... живеть-же въ ней какая-то злительная невидимая сила, что производитъ всю эту земную красоту: разнообразныя травы, цвѣ-

ты, злаки, могучія деревья, кустарники и проч. Невольно сравнилъ съ этимъ и человѣка: тѣло по себѣ часто некрасивое, да и красивое имѣетъ въ дальнѣйшемъ состариться, болѣть... Но въ тѣлѣ живетъ невидимая духовная сила—*душа* разумная, свободно любящая, она то и мыслить, чувствуетъ, творить много столь прекраснаго и мудраго, ее то потому надо искать и цѣнить въ человѣкѣ прежде всего! Много, много горя претерпѣть въ жизни человѣчества и особенно семейной именно потому, что люди любятъ больше плоть, чѣмъ духъ, ищутъ болѣе тѣлесной красоты, нежели духовной!! Погулялъ, попилъ съ Н. В. чаю и сталъ придумывать какъ-бы поторжественнѣе устроить сегодня Богослуженіе и выносъ Честнаго Креста Господня!! Послалъ во 2-ой эскадронъ сказать вахмистру, чтобы онъ промыслилъ цвѣтотъ для вѣнка, а самъ пошелъ къ Михаилу совѣщаться относительно всеобщей, какъ-то особенно хотѣлось отслужить всеобщую, душа трепетала, не могъ дожидаться вечера! Пообѣдали, вахмистръ принесъ цвѣтотъ, изъ которыхъ Ко. сидель очень хорошій вѣнокъ. Въ 4½ часа начали готовиться къ Богослуженію рѣшили служить у насъ на бивакѣ. Принесли два столика походныхъ, покрыли скатертью изъ собранія, на одномъ поставили полковую и другія иконы, положилъ въ цвѣтахъ большой серебряный крестъ, двѣ свѣчи, а другой оставилъ пустымъ на него вынесемъ крестъ... Въ 5½ час. собрались эскадронные и обозные воины, генераль, многіе изъ штаба 17 корпуса. Погода прекрасная... Началось Богослуженіе, и съ фиміамовъ кадильнымъ понеслись наши мольбы и словеса туда, въ синеву небесъ, „Сотворившему вся“. Я самъ читалъ стихиры и канонъ... Невыразимо хорошо, покойно было на душѣ! Особенно умилительно было, когда подъ открытымъ небомъ, уже при мерцаиці звѣздѣ, опустились всѣ на колѣна. И перенесъ Св. Крестъ и загляли „Кресту Твоему поклоняемся, Владыка!“ Всѣ прикладывались ко кресту... Завтра здѣсь-же обѣдницы. Слава Богу, что погода была хороша, и мы безпрепятственно совершили Богослуженіе и поклонились Святому Кресту! По окончаніи всеобщей походитъ подъ благословеніе съ соседняго бивака инженерныя солдаты, уже пожилой, изъ запаса, и со слезами въ глазахъ говорить: „ужь какъ я радъ, что быть на службѣ“

то, вѣдь это первый разъ послѣ Россіи, да ужъ какое торжество было... вѣдь и мы христіане, помолитесь-то вотъ какъ хочется!

14-е Сентября.

Пораньше всталъ, надумалъ проповѣдь и снова приготовилъ все для служенія, положилъ и крестъ въ цвѣтахъ. Погода опять по милости Божьей очень хорошая, даже свѣчи горѣли! Къ намъ помолитесь пришли также саперы-инженеры, наши сосѣди, человекъ двѣсти, да наши, такъ что молящихся было весьма много! Отслужили обѣдницу, съ великимъ одушевленіемъ всѣ пѣли „Воскресеніе Христово видѣвши“.... „Кресту Твоему“... и другое. Проповѣдь я говорилъ о томъ, какія мысли и чувствованія должны наполнять наши души при видѣ и лобызаніи честнаго креста и распятаго на немъ Господа, а также передалъ исторію праздника. По окончаніи Богослуженія, при пѣніи „Кресту Твоему“ и „Спаси Господи“,—подходили прикладываться молящіеся, и я каждого благословлялъ. Такъ радостна была служба, такъ ободрительна и успокоительна для воиновъ, что рѣшилъ во что-бы то ни стало поѣхать и эту радость привезти и въ дальніе наши эскадроны 3-й и 4-й, занимающіе передоюю линію аванпостовъ прямо противъ японцевъ, въ десяти верстахъ отъ насъ по направленію къ Ляояну. Въ 12 ч. дня, немного закусивъ, я, Бузиновъ, Михайло и небольшой конвой, благословясь, отправились въ путь далекій. Сначала рѣшили ѣхать въ 3-й эскадронъ—25 в. по „Мандаринской“ дорогѣ. Ѣдемъ тою-же дорогой, что и отступали. Переѣхали понтонный мостъ черезъ р. „Хувхе“... Какъ живо вспомнились мнѣ картины бѣдственной переправы несчастныхъ китайцевъ тогда черезъ эту рѣку! Теперь они переѣзжаютъ ее по безопасному броду—отмели, а тогда вѣдь были дожди, многоводье и рѣка бурлила! Страшно взглянуть на эту дорогу... Неужели, дѣйствительно, мы по ней проѣхали тогда? Да, это своего рода Балканы!.. Ужасная, глубокія колдобины—теперь сухія, сейчасъ, если по нимъ переѣхать верхомъ дорогу поперекъ, можно ручаться, что лошадь сломаетъ ноги, что же было тогда? Дрожь пробѣгаетъ по тѣлу!.. Проѣзжаемъ знакомыя деревни... ей-ей хочется плакать, онѣ почти совершенно пусты, ѣдемъ точно

по открытой какой-нибудь „Помпеѣ“..., а деревни были гатя, съ постоянными дворами, лавками, заводами! Теперь все мертво здѣсь, только иногда встрѣтится единичный таецъ, сидящій на корточкахъ въ фанзѣ, опустивъ голову, да собаки лежать, какъ вѣрные стражи у своихъ фанзъ. Злаемъ уже не встрѣчаютъ, онѣ лежать почти безъ движенія отъ голода, и худы, какъ скелеты! Многіе фанзы тоже стали скелетами, разрушены въ дождливое время и пошли в костры!.. Ничто не дѣйствуетъ на душу болѣе угнетающе, какъ эта „мертвость“, какъ будто приготовлена огромная могила для многихъ тысячъ людей... Да это безъ сомнѣнія и будетъ, китайцы потому и разбѣжались, что скоро бои. А мы все ѣдемъ и ѣдемъ, незамѣтно для самихъ себя беримъ лошадокъ и аллюръ ведется предпочтительно рысью, и кони рвутся, будто тоже испытываютъ тоску, какъ и мы. Тутъ еще запахъ отъ разложившихся труповъ павшихъ тоскующихъ животныхъ!—Какъ попадешь иной разъ въ эту полосу, такъ невольно крикнешь „но, но“, и скорѣе, скорѣе мчимся впередъ, удерживая дыханіе! По пути проѣзжаемъ различныя пѣхотныя артиллерійскія укрѣпленія съ колючимъ кустарникомъ, проволокой, волчьими ямами. Пушки уже смотреть впередъ, откуда вотъ-вотъ пожалуютъ гости... Часовые осматриваютъ каждого прохожаго, а китайцевъ съ арбами и вовсе не пропускаютъ къ Ляояну! Деревня „Сахену“... Поворачиваемъ вправо отъ нея и черезъ три версты въѣзжаемъ уже во дворъ фанзы, занимаемой полковникомъ Ванковскомъ и ротмистромъ Витковскимъ. Солдаты эскадрона, улыбаясь, радостно насъ привѣтствуютъ. Смотрю на часы 2 ч. 10 м. дня, значить 25 верстъ мы ѣхали 2 часа и 15 мин. Быстро летѣли, лошади пропотѣли порядочно, отпустили имъ подруги и посуше вытерли спины соломой;—здѣсь онѣ отдохнуть 2 часа; ну, а мы за дѣло! Хозяева очень радушно встрѣтили насъ, искренно благодаря за посѣщеніе и радуясь, что передъ боемъ и среди тревоженней аванпостной службы могутъ подкрѣпить себя молитвой! Сейчасъ-же вывели дворъ, устроились, и я отслужилъ оѣдницу, проповѣдь говорилъ на ту же тему, что и утромъ; во время цѣлованія креста я каждого благословилъ. Затѣмъ пообѣдали: супъ изъ котла, американская солонина—консервы, и даже котлеты смастерилъ деньщикъ въ

сабѣ (пришлось и въ этотъ день ѣсть скоромное), попили чайку и въ 4¹/₂ ч. выѣхали въ 4-ый эскадрона, въ деревню „Линшияу“, въ пяти верстахъ отъ 3-го эскадрона. Дорога пошла весьма интересная уже тѣмъ однимъ, что мы ѣдемъ по линіи нашихъ передовыхъ постовъ, т. е. по правую руку отъ насъ русскіе, а по лѣвую японцы, русскихъ уже нѣтъ ни одного солдата!... Ѣдемъ среди моря чумизы и гаоляна; по линіи мандаринской дороги многое выѣдено и вытоптано, но здѣсь въ сторонѣ отъ дороги—масса всего... кое-гдѣ китайцы жнутъ. Ѣдемъ и мирно бесѣдуемъ... вдругъ окрикъ: „стой, кто ѣдетъ?“—„Свои“, отвѣчаемъ... Смотрю на стѣнѣ забора стоитъ солдатъ съ ружьемъ, онъ зорко высматриваетъ впереди врага и мы... не японцы-ли? Черезъ 300 шаговъ опять окрикъ и такъ дальше; вездѣ эта „живая граница кричитъ „стой“, мы отвѣчаемъ „свои“ и ѣдемъ дальше... Рѣка „Шахе“, желѣзнодорожный мостъ полусожженъ, на немъ стоитъ часовой и смотритъ впереди черезъ рѣку!... Наконецъ и „Лин-ши-пу“, здѣсь находится капитанъ аванпостной роты, что занимаетъ посты на протяженіи 3-хъ верствъ на нашъ полуэскадронъ. Позиціи нѣтъ, обязанность ихъ высмотрѣть врага, его движенія, немного пострѣлять и уйти на свои силы—баталіонъ, въ 2-хъ верстахъ отсюда, тоже долженъ сдѣлать и нашъ эскадронъ, а теперь онъ каждый часъ высылаетъ восемь разъѣздовъ день и ночь! Вотъ жизнь то трудовая, и каждую минуту жди внезапнаго нападенія изъ таинственнаго „впереди“! Каждую ночь лошади стоятъ осѣдланы, повозки запряжены, вещи уложены, люди лежатъ въ полной аммуниціи, чтобы по первому выстрѣлу съ какого-нибудь поста скорѣе выступить на ближайшую позицію или... что очень можтъ быть, внезапно погибнуть!!! Вотъ какую жизнь ведутъ наши мученики на аванпостахъ... да развѣ опишешь все, а нервы... до чего доходятъ: въ тихомъ ночномъ воздухѣ вдругъ топнетъ сильно лошадь копытомъ о землю... уже вскочили дежурные, у всѣхъ вопросъ: „кажется, выстрѣлъ?“—Встрѣча съ Калининымъ, офицерами, солдатами была прямо братская, будто 100 лѣтъ не видались, да и впрямь давно—съ 12-го августа!... Солнышко быстро садится... поскорѣе размели мѣстечко на огородъ и здѣсь тоже отслужить обѣдницу и молебень св. Александру Нев-

скому, проповѣдь говорилъ воинамъ о подражаніи св. Каян и поздравилъ ихъ съ прошедшимъ эскадроннымъ праздникомъ! Служили уже въ темнотѣ, при блескѣ звѣздъ, яръ горѣла свѣча... далеко, далеко разносилось наше общеніе и молитвы... можетъ быть, и до японцевъ... казалось, что вотъ въ томъ гаолянѣ за рѣчкой притаились и они! Окончилась служба, благословили каждого и сейчасъ-же раздалась команда: „сѣдай лошадей на ночь, отправляйся, разѣѣды, постарайтесь перебраться за рѣку впередъ и осмотрите, что можно, подальше, запрягай повозки, дежурная часть стрѣлковъ подѣ командой унтеръ-офицера Власова изготавься провести вьючныхъ лошадей во дворъ, часовые на посты!!...“ Я остался здѣсь почевать, а утромъ завтра поѣду во второй подуэскадронѣ. Пришли въ франзу, подали деньщики ужинъ и чай... Подкрѣпились, бесѣдуя, что отъ такой жизни немудрено заболѣть и неврами!... Подали записку отъ полковника X.: „этой ночью на наши посты ожидается нападеніе японцевъ“, вотъ тебѣ и разъ!— „Почти каждый день получаемъ подобныя предупрежденія, поживи-ка такъ безсмѣнно двѣ-три недѣли,—съ ума сойдешь, правъ сраженіе лучше!“ говорятъ офицеры. Въ 11 час. ночи Калининъ пошелъ повѣрять посты и меня взять съ собой. Луна взошла и освѣтила окрестности... „Ну, слава Богу“, говоритъ Калининъ: „до сихъ поръ не напали, теперь при свѣтѣ луны совсѣмъ не то!“ Вышли изъ деревни... идемъ берегомъ рѣки, другая сторона которой японская. Тишина мертвая... вдругъ громкій окрикъ: „стой, кто идетъ?“— „Свой“, отвѣчаемъ.— „пропускъ!“— снова голосъ.— Калининъ въ полголоса говоритъ: „ружье“ (пароль на сегодня) и мы проходимъ! И стоять здѣсь часовые день и ночь, каждую минуту ожидая пули изъ той смутной дали, куда они вперили взоры,—а за ними зато спать покойно многотысячная русская армія, а далѣе... вся Русь, святая родина, отцы, матери, жены, дѣти, братья, сестры... Ну какъ мнѣ жаль ихъ, и какъ же не поѣхать утѣшить, ободрить, этихъ героевъ?! Какъ все фантастично при свѣтѣ луны... особенно часовые... вотъ наверху кирпичнаго завода, точно на средневѣковой башнѣ, стоитъ неподвижная фигура съ ружьемъ, точно застыль... не посмотришься.

вдруг завертѣлъ головой направо, и налѣво... это онъ услышалъ шумъ нашихъ шаговъ и... снова крикъ „стой, кто идетъ“?... снова „ружье“ и мы продолжаемъ путешествіе. Приходимъ въ кумирню, въ ней находится начальникъ поста капитанъ С., симпатичный человѣкъ, покуриваетъ трубочку, слабо мерцаетъ китайская лампочка-копѣлка, вехрашивается въ углу на соломѣ капитанская собака. На дворѣ человѣкъ тридцать солдатъ въ шинеляхъ при полной боевой амуниці лежатъ и сидятъ у костра на землѣ, отдыхаютъ!.. По вечерамъ бесѣдовали, капитанъ забожился, что нападенія не будетъ сегодня. Между прочимъ онъ разсказалъ: „вотъ такъ же, какъ и теперь, стояли мы на аванпостахъ 24 августа; вдругъ на сонкѣ передъ нами появились японцы—офицеры, солдаты, мы схватили ружья, приготовились дать залпъ, только видимъ, что японцы снимаютъ фуражки и очень любезно кланяются намъ!.. Ну, знаете, не налегла рука стрѣлять по нимъ, видя ихъ привѣтствіе.—тогда и мы тоже сняли фуражки и съ своей стороны раскланялись, поелѣ чего они уѣхали за сонку“. Простились мы и отправились во свояси. Опять пьемъ чай... „вотъ такъ до утра“, говорятъ офицеры: „промаешься, а утромъ уже уснемъ!“ Прѣзжаютъ разѣзды, входятъ, докладываютъ, что ничего подозрительнаго не встрѣтили и уѣзжаютъ вновь!.. Вдругъ тревога... выстрѣлъ... другой, третій... выбѣжали на дворъ, и я уже велѣлъ Михайлѣ готовить лошадей, направо заработалъ электрической прожекторъ неизвестно нашъ или японскій, но... съ поста прислали сказать, что это, кажется, у герала Грекова, а насъ все покойно и мы вернулись. Все-таки мы прилегли одѣтые, я завернулся въ бурку, подложилъ подъ голову накидку и легъ, но заснуть не могъ, только подъ утро забылся немного!

15-е Сентября.

Ворочался, ворочался, бока уже пролежать да и кто-то бѣгалъ по тѣлу и изрядно кусалъ... впрочемъ этихъ „кто-то“ здѣсь не занимаютъ клопы, блохи и пр. въ фанзахъ и въ изобиліи. Посмотрѣлъ на часы... слава Богу, 5-ый часъ пошелъ, скоро можно вставать!.. Въ 6 час. всталъ, понилъ чаю тихонько, чтобы не разбудить дорогихъ хозяевъ, которые только недавно уснули крѣпко. Погода хорошая, вѣтеръ

рокъ, солнышко грѣеть... Осѣдлать коней очередной разѣздъ, и я съ Михайломъ къ нему присоединился, поѣхали въ слѣдующую деревню во 2-ой полужэскадронъ. Впередѣ унтеръ-офицеръ Повныка, за нимъ я, потомъ Михайлъ и солдаты разѣзда—три человекъ. Вдемъ по гаоляну и зугами мимо озеръ какими-то тропинками... мнѣ вдругъ сильно захотѣлось спать... пригрѣлся на солнышкѣ, „китаецъ“ такъ мѣрно покачивается, не помню, какъ закрылись глаза, и я на ходу моментально забылся... Ничего, усидѣлъ, моя лошадка по ѣздѣ и кротости—прямо восторгъ, можно отдаться въ ея волю. Что за смышленная лошадка: обычно, когда ѣдемъ по хорошей дорогѣ да еще рысью, я держу поводъ крѣпко, ну а если въѣзжаемъ на плохую дорогу, гдѣ камни и ямы, тогда я совсѣмъ опускаю поводья и она, идетъ, наклонивши голову почти до земли, зорко осматриваетъ каждый камешекъ и я спокоенъ: ни за что не оступится, а строевые лошади обрѣзаютъ себѣ ноги, калѣчатся! „Батюшка“, слышу голосъ унтеръ-офицера Павныки, „вотъ видите вправо озеро, посмотрите, сколько на немъ дикихъ утокъ!“ Оглянулея я... дѣйствительно, порядочное озеро сплошь покрыто утками. Подскакалъ Повныка къ озеру, зашугукалъ, загикалъ и... поднялась съ озера туча утокъ, какъ у насъ стаи галокъ и воронъ!... Въ 8 час. прѣехали, на дворѣ фанзы устроили и здѣсь мѣсто для Богослуженія, и тоже отслужилъ я обѣдню, молебень и говорилъ проповѣдь, такъ же всѣхъ благословилъ. Отъ души сказала я: „слава Богу!“ когда отслужилъ здѣсь,—мнѣ невыразимо хотѣлось посѣтить это эскадроны, вѣдь сраженія вотъ, вотъ начнутся, и тогда эскадронъ не поймашь—каждый день передвигаютъ! Теперь весь полкъ Господь помогъ мнѣ, такъ сказать, приготовить духовно къ бою: съ 25-го авг. и до сего дня въ 1, 2, 3, 5, 6-омъ эскадронахъ служилъ по нѣскольку разъ, а сегодня въ 4-омъ эскадронѣ, еще разъ слава Богу! Послѣ служенія здѣсь офицеры накормили меня сыромъ, напоили прекраснымъ кофе и чаемъ! Въ 11½ час. утра возвратились въ д. Линшину, гдѣ Катиния далъ мнѣ конвой небольшой, и мы тронулись въ обратный путь къ Мукдеу. Вдемъ теперь уже по линіи желѣзной дороги. Мертво все кругомъ, поѣзда не ходятъ, оставшіеся рельсы заржавѣли.

сигнальные столбы, симофоры... все это болтается, развинтилось, стучит; будки, станція „Шахе“—пустыя безъ оконъ и дверей, ни души—только вѣтеръ свищетъ. А вѣтеръ сильный поднялся, потомъ перешелъ почти, въ бурю вздымая тучи пыли... Спасибо, намъ въ спину. Первые 10 верстъ еще встрѣчали наши посты и застава, а потомъ ѣхали верстъ 12 по пустынь—ни одного солдата, только манзы кое-гдѣ работаютъ въ поляхъ да проволока на телеграфныхъ столбахъ такъ жалобно стонетъ отъ вѣтра, что сердце сосетъ... вотъ и вся дорога! Проѣхавши верстъ 15 слѣзли съ коней, дали имъ вздохнуть—немного провели въ поводу; попили, а потомъ опять сѣли и уже до рѣки „Хунхе“ не останавливались. Видѣли массу гусей дикихъ рядомъ съ дорогой. Проѣхавши верстъ 20 опять стали встрѣчать наши войска и укрѣпленія. Переѣхали въ бродъ притокъ „Хунхе“, потомъ по понтовному мосту самую рѣку, и въ 4 часа вечера подѣхали къ своему биваку, сдѣлавши, такимъ образомъ, сегодня 35 верстъ, да вчера столько-же. Охъ, какъ пріятно было раздѣться, умыться, поѣсть и попить чайку, а то отъ ныли горло пересохло. Рано легъ, едва дождался кровати, легъ съ радостью на душѣ, что Господь *помогъ мнѣ, совершить* это святое дѣло.

16-е Сентября.

Ночью была прямо буря, въ палаткѣ нашей все покрыто пылью и она едва держится. Н. Вл. провертѣлся почти всю ночь, а я спалъ отлично, усталость взяла свое! Утромъ принялся за писаніе и такъ до самаго обѣда. Пришла телеграмма, что церковь нашу привезли изъ Харбина. Когда начались страшные дожди, служить Литургію не было никакой возможности, возить церковь тоже нельзя, такъ какъ вьюкъ не годился.—поэтому на время дождей и чтобы не потерять въ дорогѣ по страшной грязи, мы и отправили церковь на храненіе въ Харбинъ. Затѣмъ Ляоянскія сраженія, отступленія—и вотъ теперь только получилась возможность служить—какая радость! Рѣшить завтра—же отслужить св. Литургію, кстати и имениницъ много, да и съ 19-го іюня я не приобщался св. Таинъ. Въ 3 часа дня принесли „жизнь“—письма, спасибо писавшимъ! Сегодня весь день буря. Вечеромъ отправился на свою дорожку и про-

себя отслужилъ утреню, прочиталъ каноны... просто не вѣрится, что завтра буду служить св. Литургію. А тутъ еще непогода: опять вѣтеръ, потомъ дождь... Господи, хотя бы завтра была хорошая погода!!

(Продолженіе слѣдуетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

17-е Сентября.

Всю ночь была буря съ дождемъ, но мы сухи, палатка наша не промокла. Утромъ стихло, но дождь еще немного идетъ, рѣшаемся все таки поставить церковь и служить: придется-ли еще молиться здѣсь въ воскресенье?! Въ сосѣдней фанзѣ Ксенофонтъ ухитрился испечь просфоры на содѣ, съ такимъ однако закаломъ, что едва можно жевать, сегодня же купили хмѣлю вмѣсто дрожжей, чтобы къ воскресенью вышли просфоры получше! Въ 9½ час. утра церковь поставили недалеко отъ нашей палатки, очень красивая вышла, не могу насмотрѣться! Пришли эскадроны и наши обозные. Я церковь убралъ, какъ могъ: въ углу вбили колъ и къ нему доску—это жертвенникъ, покрылъ его красною скатертью и салфеточкой, поставилъ на него иконочку-складень—подношеніе 36-й дивизіи и свѣчу. На престолъ поставилъ полковую икону, предъ нею 2 свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ, по сторонамъ Св. Антиминса кресты: Великой Княгини и поднесенный мнѣ духовными дѣтьми г. Орла. Такъ вышло такъ, что не только я въ восторгѣ, но и рѣшительно всѣ, кто приходитъ къ намъ молиться!.. Войдешь въ церковку эту и забудешь, что это Китай, Мукденъ, война... какъ будто въ мгновеніе перенесешься въ милую Россію! Совершилъ проскомидію, наконецъ-то помянулъ всѣхъ живыхъ и усопшихъ, за которыхъ привыкъ молиться въ своемъ родномъ храмѣ, особенно именинницъ! Какъ отраднo было служить! И вѣдь какъ добръ безконечно Господь! только что началась св. Литургія, какъ дождь прекратился и засіяло солнышко! У всѣхъ замѣтно приподнято было настроеніе духа, воодушевленно пѣли солдатики... Послѣ Литургіи отслужилъ краткій молебенъ св. Мученицамъ,—вѣдь у насъ и въ полку, и родныхъ, и знакомыхъ много именинницъ; дай Богъ имъ здоровья! Послѣ обѣда къ намъ пріѣхали дорогие гости: ген. Суриковъ и военные агенты—болгарскіи и прусскіи майоры, очень милые люди; сейчасъ-же насъ сняли у походной церкви. Въ 3½ часа дня поѣхалъ провѣдать у сосѣда батюшку, говорю Михайлѣ: „я поѣду одинъ, всего вѣдь 2 версты“. И что-же? Ыду... оглянулся, смотрю въ отдаленіи ѣдетъ Михайлѣ „ты зачѣмъ“? спрашиваю я...

„Никакъ не могу васъ отпустить одного, хотя и близко отвѣчаетъ. Такъ и проводилъ меня до Нѣжинскаго бивака

— 18-е Сентября.

Вчера вечеромъ и сегодня утромъ вмѣсто дорожки конечно, отправился въ церковь, читать правило... Какъ тихо и мирно въ ней, полный отдыхъ душевный. Поищу чаю и вышелъ изъ палатки подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ... Вдругъ гдѣ-то недалеко раздался ружейный выстрѣлъ, и пуля просвистала черезъ бивакъ между нашей и командирской палаткой. Теряемся: кто могъ выстрѣлить Хунхузы?—едва ли: днемъ и очень близко отъ бивака не смѣли-бы; вѣрнѣе всего какой-нибудь солдатъ на сосѣднемъ бивакѣ чистилъ ружье, а патронъ вынуть забылъ. Вотъ и спасъ Господь насъ, мы положительо удивляемся, какъ пуля пролетѣла черезъ весь бивакъ и никого не затѣла, а многіе солдаты слышали ея свистъ.—чудо! Вотъ подумаешь, сколько разъ Господь спасаетъ людей отъ различныхъ бѣдъ, а они не замѣчаютъ! Какъ-же справедливы св. отцы, настойчиво требуя отъ людей „трезвенія“, вниманія ко всему, что творится „внутри“ и „внѣ“ ихъ существа, тогда наполовину меньше было бы невѣрующихъ и теплохладныхъ. Сегодня будемъ служить всеобщую—первую въ походѣ—церкви... Всѣхъ извѣстилъ, въ 5½ час. вечера назначилъ служеніе. Послѣ обѣда пошелъ гулять... Возвращаются китайцы съ полей, оборванные, грязные... жаль смотреть... Я далъ самому маленькому серебряный пятакъ и что-же какъ будто электричество пробѣжало далеко, далеко впередъ. Какъ грибы откуда-то выросли китайчата и все „маленькіе“, пришлось одѣлать всѣхъ, пока пятачки вышли!.. Спряталъ кошелекъ и показываю знаками, что больше нѣтъ денегъ, но она не вѣрять и пустились на хитрости: начинаютъ показывать мнѣ разные прыщи на тѣлѣ, говоря „домайло“, т. е. „мы больны“... Разсмѣялся я, пришлось „вылѣчить“ и „больныхъ“! Ахъ, дѣти, дѣти... вездѣ-то они одинаковы: веселы, довѣрчивы, просты... около нашего бивака прыгають рѣзвятся... Имъ нѣтъ заботы, что завтра быть можетъ поедутъ сюда „японъ“, начнется „бумъ, бумъ“ и заговорять „пилюли“ (пушки)... Соберется толпа китайчатъ, среди нихъ немного и забудешься!.. Сегодня во время обѣда къ столу подошелъ довольно приличный китаецъ съ трехструнной бандурой, съ нимъ его дочка-дѣвочка лѣтъ 6—7, отлична причесана на три косы съ розовыми бантиками, щечки немного нарумянены (это обычай всѣхъ китайнокъ), одѣта она въ пестрое платьице... симпатичная дѣточка, тоже, какъ и отецъ, отдала намъ честь по военному. Китаецъ попросилъ разрѣшенія его дѣвочкѣ сѣсть намъ, командиръ разрѣшилъ и мы слышали оригинальный концертъ: отецъ очень

спасно игралъ что-то грустное на бандурѣ, а дочка пѣла. Очевидно, что слухъ у нея прекрасный и голосокъ ангельскій, но поеть въ носъ, какъ у нихъ полагается. Всѣмъ намъ очень пріятно было видѣть эту пару; у отца необычайно добродушное лицо и съ дочкой онъ обращается весьма нѣжно; вѣроятно заставила нужда, мы дали имъ два рубля и дѣвочка поочереди всѣхъ благодарила.—Въ 5 ч. все приготовили для служенія, всѣ собрались наши прежніе посѣтители и сосѣди, служба началась... Почему-то мнѣ казалось, что такъ торжественно ни разу не служили, все выходило какъ-то ладно, даже пѣніе. Кажденіе совершалъ я вокругъ всей церкви и какъ сильно дѣйствовало тогда на душу пѣніе: „всѣ Премудростію сотворилъ еси“, „Слава Ти, Господи, Сотворившему всѣ“, когда все сотворенное—небо, земля, люди, животныя, алаки, трава, деревья... всѣ здѣсь-же передъ глазами! Дымъ кадилный несся прямо на небо... и съ нимъ наше общее отъ души „Аллилуія, слава Тебѣ Господу за все! Я самъ читалъ стихиры, канонъ—Михайло, я же держалъ Евангеліе въ рукахъ, вмѣсто аналоя,—солдатики подводятъ, воздаютъ поклоненіе, цѣлуютъ „Слово жизни вѣчной“, а рядомъ поють и поють „Ты моя крѣпость, Господи, Ты моя и Сила, Ты мой Богъ, Ты мое радованіе... нашу вину попусти... слава силѣ Твоей Господи!“... Вѣдь эти слова надо *здесь* выслушать на войнѣ... когда быть можетъ сейчасъ ничто человѣческое намъ не поможетъ, а только „Сила“ наша—Богъ! А пѣвчіе уже поють: „Очисти мя, Спасе, многи бо беззаконія моя, изъ глубины золь возведи молюся... направи на стезю заповѣдей Твоихъ“... Господи, да можно ли слушать все это съ холодомъ въ душѣ? Охъ, какъ волнуется все въ груди... Да, именно „сильно“ нагрѣшили мы... Россія.—и крайняго отвращенія Твоего достойны, Господи... но... очисти, Спаситель, нашими страданіями грѣхи дорогого отечества и личные наши... не ропщемъ, терпимъ, смиряемся, благодаримъ... только прости и воззови „всѣхъ и всѣ“ изъ глубины паденія къ новой, Тебѣ угодной жизни! Но... ничего нѣтъ вѣчнаго на землѣ, окончились и наши ночныя славословія, мольбы и блаженство!.. Взошла луна, освѣтила своимъ таинственнымъ свѣтомъ нашу драгоценность—церковку и стоитъ она, какъ „пристань тихая“ среди житейскаго и военного моря и зоветъ всѣхъ, всѣхъ къ себѣ для подкрѣпленія силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, для успокоенія! Читая правило пошелъ опять въ церковь... Погода хорошая, теплая, мы не только отдохнули, но даже поправились. Вчера отслужили св. Литургію, подъ чуднымъ впечатлѣніемъ пережитаго духовнаго счастья,—я послалъ устроителю церкви Ея Высочеству Великой Княгинѣ телеграмму и получилъ сегодня слѣдующій отвѣтъ: „Мукденъ. Св. М. С.

Такъ счастлива, что могли помолиться въ походномъ храмѣ съ вами въ молитвенномъ единеніи; помоги Господь вамъ всѣмъ! Елисавета“. Да благословитъ Ея Высочество Господъ своею благодатию!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хавойнъ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

19, 20, 21, 22 Сентября.

Настоло утро воскресенья! Съ великой радостью готовился я къ служенію св. Литургіи... все вымели, вычистили... Въ 8^{1/2} час. прочиталъ входныя молитвы, облачился и приступилъ къ совершенію св. проскомидіи; просфоры Ксенофонтъ

лучше испокъ, часы читаль Михаилъ. Въ 9 часовъ началась св. Литургія, присутствовали корпусный командиръ, бригадный, наши эскадроны, саперы-инженеры и штабъ 17-го корпуса. Погода была прекрасная и все способствовало нашему торжеству. Проповѣдь говорилъ на Евангеліе, что и намъ, подобно древнимъ, необходимо постоянно сохранять и „возгрѣвать“ „ревность“ ко спасенію, святости, поставляя это выше всѣхъ своихъ земныхъ потребностей. Поэтому нужно *вѣрить, что Господь съ нами* и всѣми способами входить съ Нимъ въ общеніе, бесѣдовать, учиться у Него. Это возможно 1) чрезъ чтеніе свящ. писанія, 2) усердную молитву и 3) внимательное отношеніе ко всему, случающемуся съ нами, изъ всего стараясь вывести для себя назиданіе, напр. приходится въ походѣ терпѣть голодъ, холодъ, зной, жажду... вотъ и нужно здѣсь сказать себѣ: „святые подвижники, угождая Богу, смиряли себя постомъ и другими подвигами, а я грѣшный былъ лѣнивъ... слава Господу, что Онъ немного сподобилъ и меня теперь на подвиги и проч. Послѣ Литургіи корн. Крупскій снималь церковь и мезъ въ облаченіи. Пока прибрался, попилъ чаю, смотрю уже 12 часъ пошелъ, скоро обѣдать, придется послѣ обѣда ѣхать служить въ 5—6 эскадроны. Въ часъ дня сѣли за столъ, а въ два часа я съ Михайломъ уже ѣхали въ эскадронъ. Въ 3 часа отслужилъ въ 6 эскадронѣ, проповѣдь говорилъ на ту же тему и немедленно выѣхаль въ 5 эскадронѣ въ восьми верстахъ, чтобы отслужить тамъ и до темноты успѣть вернуться на бивакъ. Ыдемъ... проѣхали уже версть 3, смотримъ облако пыли на встрѣчу, ближе... оказывается, что 5 эскадронѣ идетъ на новую стоянку, пришлось вернуться домой! Вечеромъ пришло извѣстіе, что пропавшій вольноопредѣляющійся Рукавишниковъ нашелся въ госпиталь въ излѣченіи. Когда онъ потерялъ дорогу и остался одинъ среди поля, на него напали хунхузы и ранили въ руку, лошадь сбросила его и убѣжала. Отъ потери крови онъ потерялъ сознаніе и такъ неизвѣстно сколько времени лежалъ, только когда пѣхота нашла его въ гаолянѣ.—рана уже загноила и началась гангрена, теперь палець отрѣзали, и онъ поправляется. Спужу, пишу дневникъ... что же это долго не идетъ ко мнѣ пріятель мой? Значить не видалъ, какъ я пріѣхаль.

а лепешечка овсяная ему уже готова!.. Пріятель мой—это „Косыка“, вороной жеребеночекъ, которымъ на походъ подарила насъ обозная лошадь, совершенно ручной и любимецъ всѣхъ, солдаты наперерывъ кормятъ его изъ рукъ хлѣбомъ, дѣлятся сухаремъ, обнимаются съ нимъ, играютъ... Между прочимъ онъ очень хорошо знаетъ нашу палатку и частенько провѣдываетъ, подойдетъ, просунетъ голову и шевелитъ губами, будто говоритъ: „здравствуй, дай-же мою любимую лепешечку!“ Ну, что дѣлать... для себя купилъ овсяныя галетки, но съ другомъ подѣлиться радъ... встаю, онъ кладетъ мнѣ голову на плечо, пошепчемся немного, поглажу его, а потомъ достаю лакомство!.. Вѣдь вотъ кажется пустякъ, а на самомъ дѣлѣ жеребеночекъ скрашиваетъ нашу жизнь, какъ милое дитя, всѣ любятъ его и занимаютъ имъ!.. Упомянуть о галеткахъ... это все благодаря „экономическому обществу г. офицеровъ гвардейскаго корпуса“, буквально благодѣяніе для арміи. Когда придутъ вагоны съ товаромъ, то всѣ сѣшаютъ запастись необходимымъ: сахаромъ, виномъ, консервами, конфетами, сухарями, обувью, одеждою, чаемъ, закусками и проч. Цѣны самыя умѣренныя, жаль только, что какъ раскупить товаръ, то долго ждать приходится. Я купилъ себѣ верблюжьи чулки—спать ночью въ нихъ, балоши теплыя, сухари, конфеты къ чаю, лимоны,—но торговля уже кончается, новый товаръ не пришелъ, а армія пошла въ наступленіе и дня черезъ три пойдемъ и мы, надо приберечь купленное. Вечеромъ вдругъ похолоднѣло, ночью было уже совсѣмъ холодно, а утромъ 20-го пришлось облачиться опять во все теплое, страшный вѣтеръ и холодъ съ дождемъ! Ъхать никуда не мыслимо было, и я весь день просидѣлъ въ палаткѣ, читалъ, а чтобы имѣть возможность писать—бралъ мой чайникъ съ горячей водой, нагрѣвалъ руки и потомъ уже брался за перо. Днемъ пріѣзжалъ къ нимъ дорогой А. А. Цуриковъ съ фотографомъ солдатомъ, и мы снялись на бивакъ и съ эскадрономъ. 21 ночь была страшно холодная, морозъ 3°... ничего, пережили, укрылись потентѣе и спали. Утромъ пришелъ чудный приказъ ген. Куропаткина о наступленіи съ приглашеніемъ отслужить во всѣхъ частяхъ молебны. Господи, какимъ оживленіемъ повѣяло въ арміи отъ этого приказа!... Въ 3 часа дня слу-

жилъ молебень о дарованіи побѣды,—въ сацерномъ батальонѣ и инженерномъ паркѣ; говорилъ небольшую проповѣдь, приглашая по усерднѣй помолиться о благодатной небесной помощи при наступленіи нашемъ. Въ 4 часа въ своей церкви отслужилъ тоже молебень—половинѣ своего полка... благослови насъ Господи побѣдой! Ночь опять была морозная, вода замерзла, все побѣлѣло вокругъ, мы не раздѣвались... 22-го съ утра ранняго пошла наша армія въ наступленіе на японцевъ, ушли и наши эскадроны, скоро двинемся и мы!

(Продолженіе слѣдуетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

23-е и 24-е Сентября.

Ночью по прежнему морозъ, но какъ ранаше съ жарами и дождями свыклись, такъ и теперь начинаемъ свыкаться съ морозами, привыкъ уже и спать одѣвшись, т. е. какъ ходилъ днемъ, такъ и въ кровать! Сегодня утромъ, восхитившись канономъ св. Андрея Критскаго въ русскомъ переводѣ, не утерпѣлъ и предложилъ одному очень образованному господину, съ которымъ я познакомился въ Музденѣ въ штабѣ, прочитатъ его, дабы понять, какъ чудно содержаніе нашихъ книгъ Богослужебныхъ,—и что-же? проходитъ часъ—другой времени. приносить этотъ господинокъ книжечку и отдаетъ со словами: „нѣтъ, батюшка, что-то не понялъ я этого канона!“ Какъ пулей сразилъ меня этотъ отвѣтъ... Господи, это покаяннаго-то канона не понялъ грѣшникъ челоувѣкъ?! До чего-же однако „духовно“ мало развиты многіе изъ очень образованныхъ свѣтскихъ людей?! Съ грустью до боли... положилъ на столикъ походный заветную книжечку. Послѣ такого отвѣта даже обидно стало за „душу“ челоувѣка по природѣ христіанку! Не могъ выдержать прилива горечи... пошелъ гулять съ вопросомъ: „Боже, если не приводитъ въ умиленіе, въ чувство сокрушеннаго и сладостнаго покаянія и остается непонятнымъ такое чудное произведеніе, какъ канонъ покаянный, если чтеніе его не возжигаетъ въ душѣ любви къ Богу, молитвы и жажды обновленія, то чѣмъ-же, чѣмъ послѣ этого „живы“ люди!“ Чѣмъ можно настолько „заморить“ совѣсть, чтобы она молчала даже при такомъ толчкѣ, какъ это чтеніе? Неужели „гордостію“? Но это слишкомъ недостойно челоувѣка... какъ разумное существо онъ долженъ понять, что онъ творенъ и смириться передъ сотворившимъ его! Ахъ какъ жаль на-

юдящихся въ такой безотрадности... Господи, спаси ихъ и
 всѣхъ!... Прихожу въ палатку... книжки на столикѣ нѣтъ...
 пишу... нѣтъ,—неужели пропала? Иду въ обоозъ, смотрю подъ
 душкой на чумизѣ лежитъ Ксенофонтъ и читаетъ... ка-
 понь покаянный! Это онъ убиралъ палатку и, заинтересо-
 вавшись книгой, взялъ. „Что-же нравится?“ спрашиваю,—
 „о,хъ, батюшка, и въ жизни-то лучше не читалъ, больно
 хорошо... Слава Богу, что теперь хоть немного страдаемъ,
 вотъ мы какіе грѣшники, вся душа растаяла читавши!“
 отвѣчаетъ... Это фактъ... Видно Господу угодно было, чтобы
 два человѣка совершенно разнаго образованія и положенія
 высказали свое мнѣніе относительно одной и той-же книги!...
 Вотъ оно мнѣніе простеца, своего рода „рыбаря“. Онъ простъ
 душой и въ простотѣ своей при этомъ чтеніи скорѣй и
 ближе „почувствовалъ“ Бога, какъ Отца и *созналъ себя*, какъ
 Его блуднаго, грѣшнаго сына! Вообще прихожу къ заклю-
 ченію, что одними умозаключеніями мало разъяснить бла-
 женство и истинность „духовной“ жизни, слагающейся изъ
 чтенія, святаго чтенія, молитвы частной и общественной,
 покаянія и добродѣланія: нужно именно *повѣрить* и *испы-
 тать*, а то такъ и бываетъ, что „внѣшніе“ считаютъ христіанъ
 „чуждыми“ и „сумасшедшими!“ Сегодня у насъ въ палаткѣ
 всѣ наши пили кофе и чай, оживленно вспоминали каждый
 что-либо изъ своей жизни, а главное строили предположе-
 нія о войнѣ, скоро-ли она окончится, скоро-ли начнутся
 новые бои... ждемъ каждую минуту начала сраженія—наши
 войска сегодня достигли „Янтая“, а, можетъ быть, и про-
 шли его!... Во время обѣда слышимъ голосъ съ дороги:
 „Капетана, капетана, ломаило!“ Оглянулись... стоитъ молодой
 Китаецъ-торговецъ, держитъ въ рукахъ корзину и показы-
 ваетъ, что его ограбили солдаты... Пошло мы съ Ник. Влад.
 разобратъ это дѣло. Китаецъ сейчасъ-же указалъ на пять
 нашихъ солдатъ, что это они во время фуражировки въ
 отняли у него бумагу, табакъ и груши. Объектъ под-
 твердилъ справедливость жалобы и солдатамъ предстоялъ
 судъ, но они умоляли наказать ихъ домашнимъ образомъ
 и влялись больше никогда не дѣлать подобнаго. Китаецъ
 торжествовалъ... ему заплатили убытки и сказали, что вотъ
 сейчасъ солдатъ еще и накажутъ. Мы думали, что это имъ

доставить большое удовлетворение (собралось уже несколько китайцевъ), но случилось совсемъ неожиданное: получивши деньги, они совершенно были довольны и услышавши о наказаніи солдатъ, сразу всѣ стали на колѣна и завыли неистово, умоляя „капетана“, т. е. Букрѣва не наказывать солдатъ, что молъ, теперь война, что же дѣлать, мы же не обижаемся и довольны деньгами! При этомъ одинъ даже плакалъ со слезами. Меня эта сцена страшно поразила, никакъ не думалъ я, чтобы китайцы могли такъ поступить, будучи, дѣйствительно, страшно обижены!.. Да, вѣрно слово Апостола, что въ каждомъ народѣ есть люди, угодные Богу по дѣламъ своимъ! Вечеромъ пріѣхалъ Поля, и мы, бѣдую по родственному, попили чайку. Ночь надвигается, подулъ уже холодный вѣтеръ, поскорѣй побѣжалъ въ палатку, надѣлъ теплый подрясникъ и калоши. Сегодня какъ-то грустно вечеромъ, — звѣздочекъ не видно, небо покрыто облаками, въ воздухѣ пыль и дымъ отъ костровъ. Все время идутъ мимо войска на Ляоянь! Ночь спали плохо отъ холода, лошади срывались съ коновязи и носились по биваку, одна даже налетѣла на нашу палатку и оборвала веревку.

24-е утро сырое, сильный вѣтеръ, потомъ перешелъ въ бурю, тучи... холодно. Страшно безпокоюсь, какъ-бы не сорвало церковку... Въ 11 ч. утра раздались впереди залпы пушечные и теперь пальба идетъ безъ перерыва... началось... Господи, умиласердись надъ нами грѣшными, благословили и помоги намъ!

25-е. Сентября.

Эта ночь была холоднѣе всѣхъ, въ кувшинахъ вода до дна замерзла... Я спалъ хорошо, только утромъ вставать было, охъ, какъ неприятно, а умываться не хватило духу изъ ведра, попросилъ разбавить теплой водой. Мы теперь всѣ стали такіе интересные: отъ умыванья на морозномъ воздухѣ лица наши весь день горять румянцемъ, только руки потеряли свое „благородіе“, стали красныя, закорузлыя. Утро самое оживленное: по всему биваку топотъ, солдаты съ веселымъ смѣхомъ трепака задаютъ, хлопаютъ руками, колотятъ другъ друга по бокамъ... имъ вторять прозябшія лошади, а музыкантъ одинъ на всѣхъ: „господинъ морозъ — красный носъ!“ Вы скажете уныніе у насъ? — Ни-ни, вездѣ

смѣхъ, прибаутки, вѣдь морозъ русскому человѣку родной братъ и надежный союзникъ противъ враговъ! Цѣлый день у насъ по случаю мороза веселіе велие; прямо хохоть принимаетъ нашихъ воиновъ при видѣ проѣзжащихъ г.г. офицеровъ въ папахъ... ну и папахъ-же есть—прямо эйфелевы башни, что то невѣроятное; изъ одной свободно можно сдѣлать двѣ, и вѣдь нарочно такія заказываютъ: воображаютъ, что это красиво и воинственно! Сегодня великій св. день,—память преп. Сергія, и мы, несмотря на морозъ, молились въ своей церкви, пѣли молебень преподобному и величаніе передъ иконой, написанной на церкви... на этой иконѣ Св. Сергій благословляетъ Великаго Князя Дмитрія Донскаго на битву съ Мамаемъ, и какъ тогда это благословеніе низвело благодать Божію на русское войско!!... А теперь? Да и теперь противъ насъ поднялись родичи татаръ—японцы... „О Преподобный, помоги же молитвами твоими намъ побѣдить врага, дабы снова миръ скорѣе низшелъ на землю, благослови!“ Съ такими чувствами молились мы въ нашей церкви! Поздравилъ именинника Сергѣя Шауманъ, прибралъ церковь и скорѣе въ палатку „грѣться“, пить чай, а главное отогрѣть руки. Однако придется оставить способъ отогрѣванія рукъ чайникомъ; сейчасъ одинъ штабный чиновникъ сказалъ мнѣ, что отъ этого будетъ ревматизмъ въ рукахъ. Сижу, угрѣлся, ноги поставилъ на скамеечку, и такъ хорошо, не хочется вставать,—взялъ книжку и началъ читать. Обѣдали такъ, какъ будто за нами погоня, глотали скорѣе, уже не думая о томъ хорошо или худо разжевали, а только бы не застыло сало и супъ... Чтобы сказали доктора, мои родные и знакомые, увидавши, какъ ихъ батюшка управляется съ обѣдомъ!! Но... доктора съ нами за однимъ столомъ сами глотаютъ во всю, а любящія существа далеко, далеко... не увидятъ да и, принимая во вниманіе смягчающія вину обстоятельства, простятъ! Слава Богу, мы всё на бивакѣ совершенно здоровы. Завтра воскресенье и память св. Іоанну Богослову; какъ бы хотѣлось отслужить св. литургію! но просфорный вопросъ первой важности. Сосѣди саперы уѣхали, печку ихъ китайцы развалили, и Михаилъ обѣхалъ весь городъ, воксалъ и ничего не добился; такъ съ грустью въ сердцѣ рѣшили отслужить сегодня всенощ-

ную, а завтра обѣдницу. Стою около церковной двуколки, дѣлюсь печалью съ друзьями своими Мих. и Ксеноф... вдругъ солдатъ Нечаевъ говоритъ: „батюшка, да вы не безпокойтесь, мы сейчасъ сдѣлаемъ печь и просфоры будутъ, вѣдь Галкинъ печникъ!“ Не вѣрю, конечно такому счастью, но... благословляю... сейчасъ-же мои печники разобрали часть кладбищенской ограды и въ канавѣ вырыли четырехугольную яму, выложили кирпичемъ, засыпали сверху землю, сдѣлали трубу, все какъ слѣдуетъ, и черезъ часъ затопили. Ксеноф. поставилъ тѣсто и въ 9¹/₂ час. вечера принесъ уже въ палатку горячія просфоры. Я прямо изумился, не вѣрю глазамъ, а онъ говоритъ: „да вы посмотрите, батюшка, печка такая вышла, что и пироги и хлѣбъ можно испечь!“ Да, удивительные наши солдаты, благослови ихъ Боже!! Радостно пошелъ я служить всенощную. Снова понесли отъ нашихъ грѣшныхъ устъ мольбы и славословія Творцу всѣхъ и величаніе св. Апостолу Христову Іоанну Богослову. Полюбилъ я свою церковку, стою въ ней одинъ послѣ службы, вечеромъ, при свѣтѣ восковой свѣчи, и такъ вдругъ легко станеть на душѣ, какъ будто я и не въ Манчжуріи, а тамъ... дома! Вотъ и сегодня вечеромъ я въ ней... вѣтеръ колышетъ полотняныя иконы, шелестятъ онѣ, изображенія святыхъ движутся!... будто оживаютъ и тихо, тихо говорятъ!... Все кругомъ замерло... Господь послалъ съ небесъ Свое покрывало на уставшихъ людей—сонъ, только дневальныя едва слышно позвякиваютъ шпорами. Вдругъ рядомъ дикій вопль... „у—у—у—у“... вздрогнуть я... это сова завопила на кладбищѣ. Пора значить провѣдать постельку. Ник. Вл., закрывшись буркой съ головой, уже спитъ.—Получили телеграмму отъ Ея Высочества изъ Сергіевскаго Посада: „Усердно молитвенно со всѣми вами только что молились за обѣдней и молебномъ о дарованіи побѣды, храни васъ Господь и св. Угодникъ. Елисавета*.“ Нѣтъ словъ выразить, какъ всѣ мы благодарны Великой Княгинѣ за ея истинно материнское къ намъ отношеніе.

26-е Сентября.

Сегодня немного теплѣе, но вѣтеръ большой и, кажется, будетъ дождь или снѣгъ. Всталъ, поскорѣй привелъ себя и свое ложе въ порядокъ, имѣлъ мужество умыться

холодной водой и побѣжать въ церковь приготовляться и приготовить для Богослуженія. Живо вспомнилось какъ я дьякономъ приготовлять для служенія холодную церковь зимою въ селѣ Лизгиновкѣ... тоже бывало и въ руки подуюшь, и въ карманъ ихъ сунешь на минуточку, а самъ сметаю пыль, достаю одежды, отыскиваю дневное Евангеліе... такъ и теперь, среди холода обметаю замершихъ мухъ, пыль... разставляю на жертвенникъ св. сосуды и на скамейкѣ изъ литавской фанзы—св. одежды... Слава Богу, все въ порядкѣ... 8½ час. утра, читаю „Входное“, облачаюсь, начинаю часы и „проскомидію“, затѣмъ св. литургію, какъ говорится въ уставѣ „по-скору“, т. к. мои богомольцы все стриженный да бритый народъ; холодный вѣтеръ по волоску все разбираетъ на ихъ головахъ и они замѣтно жмутся... ну Господь съ вами, Онъ проститъ... и въ 10 ч. кончили Богослуженіе, успѣлъ даже и проповѣдь краткую сказать на читанное Евангеліе. Сегодня по милости Божіей какъ-то отраднѣе всего было служить. Ксенѳ. подавалъ кадило, выносилъ свѣчу и даже... представьте, пѣлъ! Онъ всегда такой сіяющей бываетъ, когда я благословляю его прислуживать, и съ великимъ благоговѣніемъ относится къ этому дѣлу... Прибрались съ Мих. въ церкви... прихожу въ палатку... милый Ник. Влад.—онъ приготовилъ мнѣ горячій, прегорячій кофе, ужъ стоитъ на столикѣ стаканъ и булка. Очень тронула меня его сердечная заботливость да и вообще всегда относится ко мнѣ какъ къ родному и я ему плачу тѣмъ же... Грѣшникъ, съ великимъ удовольствіемъ погрѣлся кофейкомъ, да и прихватилъ еще стаканчикъ чаю съ лимономъ, ну а теперь за дѣло: надо убирать все церковное имущество въ ящикъ и церковь разбирать. Вотъ выступаемъ и мы отсюда. До обѣда окончили работу, все убрали, спрятали и... дождь пошелъ! Какъ будто Господь удерживалъ слаби небесныя до того времени, какъ мы окончимъ уборку церкви... обѣдали подъ дождемъ, послѣ въ нашей палаткѣ пили чай, хотѣлъ я поѣхать въ эскадроны, но по дождю не рѣшился; если распогодится, поѣду завтра утромъ.—Прилежь было отдохнуть, но приходитъ съ почты писарь и говорить: „вамъ, батюшка, писемъ нѣтъ, а есть посылка, завтра получите повѣстку“. Да развѣ можно утерять до завтра?

Зову Михайлу, надѣваемъ накидки и бѣгомъ на почту... версту отмахали и не замѣтили... Чиновникъ сейчасъ-же выдалъ, оказалось изъ Орла... Дорогія мои Е. А. и Е. С. спасибо за утѣшеніе!... ногъ подъ собою не чувствуя, поехали мы обратно. Сѣлъ въ палаткѣ и самъ откупорилъ ящикъ; поклонился икончкѣ св. Іоанна Воина и надѣлъ на шею, а св. Кукши—не нашель... съ удовольствіемъ смотрѣлъ „картиночки“, шоколадъ подѣлилъ пополамъ Ксеноф. и Мих., а какъ хорошо, что прислали чай: здѣсь китайскій дешевый, но не вкусный, Спасибо тысячу разъ за все, цѣлый вечеръ я „жилъ!“

(Продолженіе слѣдуетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

27-е Сентября.

Утро чудное, легкой вѣтерокъ. Рѣшили ѣхать въ эскадроны служить, это 35 вер. туда. Проѣхали знакомый мостъ черезъ рѣку „Хунхе“ и покатали рядомъ съ полотномъ желѣзной дороги. Какая разница сравнительно съ 15-ымъ сентября: тогда здѣсь не было ни души, — теперь ходятъ поѣзда и снова толпы рабочихъ китайцевъ ровняютъ насыпь. Снова жизнь... мы наступаемъ... какъ радостно на душѣ, но какъ то Господь благословить наше дѣло? Можетъ быть насъ ожидаютъ новыя непытанія? Да будетъ воля Божія! — Ыдемъ, ѡбсѣдуемъ, у меня одна мысль запала крѣпко на сердце: ѡ, если-бы застать мнѣ эскадроны въ сборѣ и отслужить у нихъ, а можетъ быть они сражаются? Оттуда, дѣйствительно, стали доноситься звуки палубы... Вотъ и ст. *Суютунь*, что тогда была брошена и стояла безъ оконъ и дверей, — сейчасъ тамъ люди, новыя двери, окна, и на платформѣ лежатъ груды ящиковъ съ снарядами... Къ станціи безпрепятственно подъѣзжаютъ двуколки, берутъ снаряды и везутъ на позицію, идетъ горячій бой!.. Что то впереди завидѣлось на пути, кажется, поѣздъ идетъ? Лошади наострили уши, похрапываютъ, особенно волнуется „другъ“ подъ Михайломъ; подъѣзжаемъ ближе, оказывается на насыпи лежатъ паровозъ и вагонъ, совершенно разбитые, только что столкнулись... саперы работаютъ, расчищаютъ путь... недалеко валяется разбитое орудіе, кругомъ масса войскъ и обозовъ. Рѣку „Шахе“ переѣхали въ бродъ и версты черезъ три въѣхали въ дер. „Шулинзы“, гдѣ стоятъ наши три эскадрона. Съ зампраніемъ сердца подъѣхали къ фанзѣ штабъ ротмистра Подгурскаго... дома ли? О радость! дома всѣ наши, даже 5-ый и 6-ой эск. На завтра ждуть большого

боя, а сегодня только 4-ый эскадронъ въ боевой развѣдкѣ. Какъ мнѣ благодарить Господа, что я именно попалъ въ моментъ свободный, и какъ всѣ рады были моему прїѣзду! Рѣшили сначала молиться въ 5-омъ и 6-омъ эск., которые стоятъ еще дальше версты на три, а въ 1-омъ и 2-омъ въ 5 ч. вечера.—Снова ѣдемъ около ливіи дороги, направляясь въ дер. „Уличе“; надѣво гремитъ канонада, передъ глазами знакомая картина: рвутся снаряды, дымки, носилки съ ранеными: китайцы несутъ на плечахъ двухъ раненыхъ японцевъ, за ними въ двуколку еще два плѣнныхъ—маленькіе такіе, юркіе... Прїѣхали... собрались эскадроны, на дворѣ фанзы поставили столъ, вмѣсто ковра постлали соломы и обѣдница началась... Громъ пальбы былъ такъ великъ, что мы старались пѣть громче. Только начали служить, какъ пѣхотные и артиллерійскіе солдаты, заслышавъ наше пѣніе, побѣжали къ намъ помолиться. Я говорилъ проповѣдь на тему, что воинство наше должно надѣяться не только на руководство земныхъ начальниковъ, но и на помощь духовныхъ полководцевъ—святыхъ Божіихъ людей, изъ которыхъ первая „Взбранная Воевода“ есть Владычица наша Богородица, потому не нужно унывать намъ, а мужественно и храбро трудясь на полѣ брани,—молиться Пресвятой Дѣвѣ и святымъ, прося ихъ помощи и благословенія.—Послѣ Богослуженія поздравилъ Георгіевскихъ кавалеровъ. У насъ на полкъ дали 14 Георгіевскихъ крестовъ. Какъ то отрадно было на душѣ, когда я возвращался. Въ 5 ч. вечера вернулся въ „Шулицы“, гдѣ тоже все было готово для молитвы, и здѣсь служилъ въ присутствіи корпуснаго командира и его штаба. Проповѣдь говорилъ на ту же тему—Господи, въ какомъ положеніи пришлось быть! Среди грома пальбы—проповѣдывать! Въ 4-ый эск. послалъ записку съ просьбой сообщить мнѣ, можно-ли и у нихъ отслужить молебенъ.—отвѣтили, что невозможно. На ночь прїютился у Подгурекаго, который покормилъ меня и напоилъ чаемъ, а то я съ утра ничего не ѣлъ; легъ на капъ, подложивъ бурку... за день наволновался и долго не могъ заснуть.

28-е Сентября.

Въ 5^{1/2} ч. утра загрохотала ружейная стрѣльба, и со всѣмъ рядомъ, верстахъ въ двухъ запыли манчжурскіе со-

ловьи, т. е. завыли и завизжали снаряды изъ орудій... Я всталъ, попилъ чаю, и поѣхалъ обратно къ Мукдену; скоро мы переѣдемъ сюда же... Слава Богу, успѣлъ я отслужить. Обратнo ѣхали благополучно, только на десяти послѣднихъ верстахъ со мной случился казусъ... ѣхали мы по глухой кѣстности, солдатъ вѣтъ, а по случаю новолунія бродить толпа китайцевъ... Богъ ихъ знаетъ, можетъ хунхузы! Михаилъ говоритъ: „батюшка, пройдемъ это мѣсто поскорѣе!“ Показали... вдругъ моя лошадка споткнулась и упала, (не мудрено, пробѣжавши 70 верстъ устала), я полетѣлъ ей черезъ голову,—все это было дѣломъ минуты, я немного ушибъ лѣвую ногу и голову, но скоро все прошло. Съ помощью Михаила снова усѣлся въ сѣдло и шагомъ пошелся восвояси. Китайцы, мнимые непріатели, въ это время нагнали насъ и смѣялись отъ души, глядя на мою смѣшную фигуру съ растрепанными волосами... Немного погодя и самъ я смѣялся, вспоминая свое паденіе! Это мнѣ „да не превозношуся“, а то уже возомнилъ, что вотъ де молодець—70 верстъ проѣхалъ, служилъ и ничего себѣ... ну вотъ и попало! Пріѣхалъ на бивакъ, а наши уже собираются завтра утромъ выѣзжать, значить снова 30 верстъ... усталъ, хотѣлъ писать, не хватило терпѣнія... Легъ.

29-е Сентября.

Рано утромъ, какъ стаи вороновъ, налетѣли на нашъ бивакъ толпы оборванныхъ китайцевъ. Богъ вѣсть, откуда узнавшихъ о нашемъ отъѣздѣ; жадными глазами бѣдности смотрѣли они на пустыя бутылки, коробки изъ-подъ консервовъ, солдатскіе шалаши, остатки чумизы, навозъ... все это съ визгомъ и дракой сейчасъ будетъ растаскано по нашему отъѣздѣ! Горе, горе... невольно вырывается вопль изъ груди при видѣ этого: вѣдь чумиза, гаолянъ, дрова, можетъ быть, съ ихъ же полей и дворовъ! Охъ, война, война! Какое счастье вѣрять въ конецъ земной жизни, всѣхъ этихъ страданій, войнъ... вѣрять въ воскресеніе, преображеніе, обновленіе всего: безъ этого гдѣ бы взять силъ перевести подобныя испытанія? Есть русская пословица, во всей полнотѣ относящаяся къ несчастнымъ китайцамъ: „въ чужомъ пиру похмѣлье“,—да, сильно страдаютъ они невинные.

Въ 9 часовъ утра выступили по направленію къ ст. „Шахе“. Прощай гостепріимный Мукденъ, прощай бивакъ, гдѣ сравнительно хорошо мы жили и покойно наслаждались служеніемъ св. литургіи.—что то насъ ждетъ впереди? Многіе говорятъ, что намъ придется опять идти къ Мукдену, ну, увидимъ! Походное движеніе совершили обычно, какъ и всегда: приключеніе было только одно: на переѣздѣ черезъ ливъ желѣзной дороги перевернулась наша четырехколесная фура съ лошадьми, но все осталось цѣло. Я уфхаль впередъ... вѣтеръ въ лицо, какъ-то грустно на душѣ, что-то вродѣ плохого предчувствія... конечно, годю прочь, вѣдь я христіанинъ, вѣрю въ Промыслъ Божій и готовъ принять новыя испытанія! Вдругъ промелькнула мысль въ головѣ: „а что если намъ придется уступить? Нѣтъ, это невозможно... но если? О, тогда я не вернусь въ Россію домой!.. Стыдно останусь служить въ Сибири!“... понятно и это прогнать,—никто изъ насъ не сомнѣвается въ побѣдѣ, вѣдь Господь наказуетъ и милуетъ, испытаній не даетъ сверхъ силъ, а даетъ въ концѣ концовъ избавленіе, побѣду... потерпимъ! Переѣхали р. Шахе и что же? Дивизионные обозы идутъ обратно... Неужели предчувствіе не обмануло? „Куда вы?“ спрашиваю обозныхъ съ замираніемъ сердца. „Отступаемъ“, слышу ужасный и надѣвшій отвѣтъ... Дѣйствительно, на 8 верстъ наши отступили и потеряли нѣсколько орудій!.. Смиримся! Доколь же Господи забудешь насъ Неужели до конца? Нѣтъ, не перестанемъ любить Тебя и надѣяться на помощь Твою!.. Остановились съ штабомъ корпуса и 2 еск. въ дер. „Ханчену“. Пальба ужасающая, сотни раненыхъ: такъ и легли подъ этотъ громъ и съ сознаніемъ, что снова отступаемъ! Между тѣмъ поздно вечеромъ прислали сказать, что войска наши отъ рѣки „Шахе“ не уйдутъ, хотя бы всѣмъ умереть пришлось, отступили только съ авангарда отъ позицій! Улегся, но, конечно, глазъ сомкнуть не могъ долго, долго... Къ душевной тяготѣ прибавилась и физическая сильная усталость: вѣдь въ 1½ сут. я сдѣлалъ болѣе 100 верстъ верхомъ! Наконецъ затихла пальба и забылся... однако покой нашъ не долго продолжался, чаша горечи пережитой была еще не пополнена, и вотъ въ 1 ч. ночи завылъ вѣтеръ, загремѣлъ громъ, заблестала молнія, и пошелъ дождь, какъ изъ

водра... значить, снова грязь, прибавляется новая мука! Зажегъ свѣчу, проснулся Ник. Вд.; каждую минуту ожидаемъ паденія палатки, сосѣди наши, Аладыкинъ и Шауманъ, кричать, зовутъ деньщиковъ, ихъ жилище уже порвалъ вѣтеръ. Такъ почти до свѣта мучились.

30-е Сентября.

Утромъ снова ливень, да такой, что въ жизни подобныхъ не переживалъ, сразу деревня наша оказалась на островѣ... все противъ насъ, смирился! Приказано выступить въ Суютунь!... войска стоять на прежнихъ позиціяхъ... передвигаютъ только штабы... Завтра нашъ престольный праздникъ, а мы въ походѣ... Литургии, конечно, служить не придется, хотя бы удалось выбрать минуту отслужить молебенъ и то сомнительно... Гулъ пальбы ужасающей, дымки, огни движущихся сварядовъ, визгъ и вой гравать... адъ! Въ сосѣднемъ лѣсу, у деревни „Линшину“, гдѣ я служилъ обѣдницу, рвутся снаряды, свистятъ пули, витеаетъ смерть... Съ невыразимой екорбью смотрю на вереницы носилокъ и повозокъ съ ранеными... ѣдемъ... только что отѣхали нѣсколько сажень отъ деревни, вижу—стоитъ палатка Краснаго Креста—перевязочный пунктъ 35-ой дивизіи, лазаретъ, туда несуть страдальцевъ... не выдержала душа моя... св. Дары со мною... повернулъ лошадь и поѣхалъ къ лазарету. Спрашиваю: „есть-ли священникъ?“ Докторъ говоритъ: «нѣтъ, а очень нуженъ бываетъ, вотъ вчера трехъ умершихъ отъ рая похоронили безъ отпѣванія!» Я предложилъ свои услуги, докторъ былъ очень радъ, а сестра милосердія уже бѣжить ко мнѣ со словами: „Батюшка, пожалуйста, останьтесь, сейчасъ къ намъ принесутъ много раненыхъ!“ Съ радостью остался и былъ въ лазаретѣ до 3½ ч. дня. При мнѣ принесли много раненыхъ, два въ животъ на вылетъ, ихъ не удалось приобщить: постоянно тошнить! Всѣхъ я благословилъ, какъ могъ утѣшалъ, шутилъ съ ними... Господи, какія же муки переживаютъ эти страдальцы, и какъ нуженъ раненымъ священникъ! Сядешь рядомъ съ ними на землю, на солому, а онъ уже чуть слышно просить благословенія, молитвъ... нѣсколько разъ слезы пристунали къ горлу... Если Богъ благословитъ, буду теперь, насколько могу, помо-

гать раненымъ, посѣщая лазаретъ... Въ 6 ч. вечера пріѣхали въ Суютунь. Отыскалъ нашъ бивакъ и записалъ кое-какъ пережитое. Грустно встрѣтилъ я вечеръ... Всенощной нѣтъ, и немислимо служить, и вотъ ложусь не зная, будетъ ли завтра хотя молебень?!... Въ нашемъ полку ранено 6 солдатъ и поручику Тимофееву контузило снарядомъ ухо, онъ остался въ строю. Въ одного нашего солдата попало 5 пуль! Теперь обозъ нашъ раздѣлили: тяжелыя фуры, больныя лошади съ поручикомъ Шауманомъ и Алалыкинымъ ушли въ Мукденъ, а мы съ легкимъ обозомъ остались при 1 и 2-омъ эскадронахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянекаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

1-е Октября.

Утро сврое, вѣтеръ... по небу быстро, быстро несутся тучи, уныло шелестятъ деревья пожелтѣвшей листвою!... Сегодня нашъ престольный праздникъ, а на душѣ невыразимо грустно!... Какъ бывало торжественно совершали мы—служеніе въ этотъ день въ родномъ храмѣ, а теперь? Встаю и не знаю, успѣю-ли отслужить молебенъ или сейчасъ ѣдемъ? Съ 3 1/2 час. утра загремѣла адская канонада въ 3-хъ верстахъ... Наскоро одѣлся и пошелъ въ 1-ый и 2-ой эскадроны

узнать, могутъ-ли они присутствовать на молебнѣ? Иду съ маленькой надеждой, но на поворотѣ улицы встрѣтилъ эскадроны уже на коняхъ, ѣдутъ на позиціи... Поздравилъ ихъ съ праздникомъ, благословилъ... вернулся на свой бивакъ и въ 7¹/₂ час. утра отслужилъ молебенъ предъ полковой иконой въ присутствіи ген. Степанова, командира полка и обозной команды. Пресвятая Богородица, помоги намъ побѣдить и скорѣе вернуть столь желанный миръ! А канонада все сильнѣе разгорается... ясно слышны вой снарядовъ и ружейная трескотня. Приказалъ сѣдлатъ и съ церковникомъ поѣхалъ къ позиціямъ, чтобы, если возможно, хотя издали благословить дорогіе эскадроны, стоящіе въ бою въ этотъ святой день, а также заѣхать въ дивизионный лазаретъ. Ыдемъ... обозы стоятъ... всѣ запряжены, вьючныя лошади осѣдланы, спѣшно ѣдутъ зарядныя и патронныя повозки къ мѣсту боя. Стоять ряды полковыхъ кухонь, кашевары варятъ пищу, чтобы ночью подъ покровомъ темноты, обернувъ колеса мѣшками, незамѣтно подѣхать къ самымъ позиціямъ и покормить воиновъ-тружениковъ!... Ищу лазаретъ, гдѣ вчера былъ, — что-то не видно его палатки, подѣзжаемъ ближе, — оказывается, онъ перешелъ почти къ „Суютуни“ и сейчасъ только началъ устраиваться. Значитъ часъ-полтора, по крайней мѣрѣ, здѣсь дѣлать нечего, и я рѣшилъ ѣхать впередъ, туда, гдѣ громъ, и свистъ, и смерть... что-то неодолимо потянуло... несутъ носилки съ тяжело раненымъ, благословилъ его; смотрю слабой рукой манить меня къ себѣ... сейчасъ-же соскочилъ я съ лошади, подбѣжалъ къ нему... едва слышно шепчетъ:— „пріобщиться бы!“ Досталъ св. Дары, все приготовить—это было дѣломъ минуты, и здѣсь-же на дорогѣ я напутствовалъ его. Оказался фельдшеръ Зарайскаго полка... онъ самотверженно былъ въ пылу сраженія и тамъ выносилъ раненыхъ, перевязывалъ... вдругъ разорвалась граната и осколокъ, ударивши ему въ спину, засѣлъ въ груди... смерть неминуема, онъ положилъ свою душу спасая ближнихъ. Угасающій взоръ страдальца остановился на мнѣ, въ немъ свѣтилась благодарность и духовная радость... онъ и стонать уже не могъ, едва успѣлъ я отвернуться... слезы навернулись. Ыдемъ дальше... саперы спѣшно ровняютъ дороги, роютъ новые окопы „на случай“. Носилки

за носилками тянутся раненые, каждого благословляю, спрашиваю, куда раненъ? Оказывается, все больше ранены въ ноги и руки... Нѣкоторые идутъ, обнявши здороваго товарища за шею, а другой рукой опираясь на ружье, какъ на костыль; другихъ, за неимѣніемъ носилокъ несутъ двое, скрестивши руки... Встрѣчая раненаго, благословляю его со словами: „вотъ и ты счастливый, удостоился пострадать“... и большею частію одинъ отвѣтъ: „точно такъ, Слава Богу!“ Завидѣлся перевязочный пунктъ пѣхотныхъ полковъ, это уже у самаго боя,—на землѣ лежатъ ряды раненыхъ, но... удивительное дѣло: среди нихъ тишина, точно мертвые, ни стопа! Сидятъ на холмикѣ два полковыхъ священники, ожидаютъ прибытія новыхъ своихъ страдальцевъ. Повидались, побесѣдовали, поздравили другъ друга съ праздникомъ. Вдали стоитъ какая-то кавалерія... кто это? спрашиваю. „Да это ваши драгуны 5-ый, 6-ой эскадроны“, говорятъ, Господи, какое счастье... нашелъ! Вмигъ исчезла всякая мысль о томъ, что тамъ бой, опасность... оглянулся я на Михаила и говорю быстро: „ѣдемъ рысью туда, отслужимъ имъ, хотя краткій молебень... согласенъ?“—„Согласенъ“, отвѣчаетъ, и мы поскакали.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жавойнтъ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

Боже мой, какой ужасъ... очень близко стрѣляютъ наши пушки, громъ, визгъ и вой такіе, что положительно въ ушахъ звенить и надо кричать, чтобы слышать другъ друга! Эскадроны стоятъ, держать лошадей въ поводу, ожида-

въ приказа итти побѣдить или умереть... Подѣхали мы офицеры и солдаты глазамъ своимъ не вѣрятъ... „Съ праздникомъ, дорогіе мои, поздравляю васъ!“.. кричу. „Покорнѣйше благодаримъ“,—слабо изъ-за пальбы слышу отвѣтъ. „Я прѣхалъ помолиться съ вами... на молитву, шанки делой!“ Повернулъ лошадь къ востоку и, сидя съ церковникомъ верхами, чтобы солдатамъ было виднѣй и слышнѣй, зацѣли молебень!... Охъ, и картина же!.. Живо вспомнился мнѣ одинъ рисунокъ изъ англо-бурской войны, воспроизводящій эпитафю „молитва буровъ во время сраженія“... Какъ тогда трепетала душа моя при видѣ этой картины, и я невольно шепталь: „счастливые... и во время боя не забыли Господа!“.. Думаль-ли я, что когда-либо не на рисунокѣ, а въ действительности придется пережить буквально то же?! Какъ жаль, что я не художникъ, было бы очень хорошо воспроизвести этотъ оригинальный молебень на картинѣ. Отслужилъ молебень, сказалъ нѣсколько словъ воинамъ, чтобы они надѣялись на Покровъ Божіей Матери и не унывали! Офицеры приложились къ кресту, что у меня на груди, сильно взволнованные; радость была общая! Спрашиваю: „а гдѣ 3-й и 4-й эскадроны?“—говорятъ: „направо отъ насъ при 3-ей дивизіи“. Сердечно простились... какъ милы мнѣ всѣ эти люди, стоящіе каждую секунду лицомъ къ смерти, и у нихъ на лицахъ ясно выражена печать чего-то сверхъестественнаго, сознанія, что таниство смерти близко, близко... въ глазахъ горитъ какой-то огонекъ!... Отѣхали мы и только что проѣхали перевязочный пунктъ, гдѣ сидѣли батюшки, какъ „трахъ, трахъ, трахъ“... полетѣли черезъ эскадроны гранаты и съ ужасающимъ блескомъ и трескомъ стали разрываться въ томъ мѣстѣ, которое проѣхали мы... Перевязочный пунктъ въ большой суматохѣ отодвинулся быстро назадъ. Все пространство наполнилось ѣдкимъ запахомъ пороха „шимозе“, сѣры.—Ѣдемъ дальше, ищемъ 3—4 эскадроны и настолько привыкли къ грому и визгу, что не обращаемъ никакого вниманія!.. Сколько ни искали, не удалось найти, и мы повернули коней, чтобы ѣхать къ лазарету, который уже устроился. По дорогѣ нагнали двухъ солдатъ—одинъ раненъ въ голову, все лицо въ крови, а другой здоровый его провожаетъ. Сейчасъ же здороваго я отправилъ назадъ на пози-

ціе, а раненаго посадить верхомъ на лошадь Михайлы, который, взявши ружье раненаго, пошелъ пѣшкомъ,—такъ довели мы его до лазарета и сдали врачамъ. А тамъ уже работа въ разгарѣ: въ нѣсколько рядовъ лежатъ раненые, я по очереди подхожу къ каждому, поговорю, напутствую религіознымъ утѣшеніемъ, подамъ чайку; врачи очень сочувственно относятся къ дѣятельности священника на войнѣ!... Ахъ, какія есть ужасныя раны: вотъ лежитъ на операціонномъ столѣ солдатъ, у него осколокъ гранаты вырвалъ всю икру на ногѣ и разбилъ мелкія кости, этотъ кричитъ; у другого перебита нога и шрапнельная пуля прошла сквозь колѣно, образовалось отверстіе, три пальца могутъ пролѣзть, доктора вытаскиваютъ оттуда кости. Я стою у его головы, благословилъ, а онъ къ удивленію всѣхъ даже не стонетъ, только морщится, а вмѣстѣ съ живостью рассказываетъ мнѣ, какъ онъ сражался, какъ его ранили и съ грустью добавилъ: „а и не пришлось повоевать, недавно только пріѣхалъ!“ Въ углу палатки ползаетъ безъ сознанія солдатъ съ прострѣленной головой, почему-то еще не умеръ, рядомъ съ нимъ стоитъ на четверенькахъ пожилой солдатъ съ прострѣленнымъ животомъ... онъ лечь не можетъ... повернулъ ко мнѣ голову и слабо, слабо говоритъ: „батюшка, отслужите молебень, а изъ кармана выньте 15 коп., поставьте послѣ свѣчу; я вѣрюшій, вотъ пріобщиться бы хотѣлъ, да рветъ каждую минуту!“ Между ранеными, какъ ангелы хранители, во всемъ бѣломъ, ходятъ сестры милосердія, отмываютъ кровь, перевязываютъ раны... только и слышишь ихъ голосъ: „голубчикъ, не хочешь-ли чайку? Ты не озябъ-ли? Что? очень болить? Ну потерпи, вотъ черезъ часикъ все пройдетъ!“ — „Охъ, понить бы чего, сутки во рту воды не было“... раздается голосъ съ только что принесенныхъ носилокъ... Сестра къ нему: и уже понить его съ ложечки... а съ другого конца палатки слышится: „сестрица, мнѣ бы малость табачку... разъ нюхнуть... во какъ хочется!“.. И табачекъ несетъ сестра! Господи, да развѣ передашь и опишешь все видѣнное! Подходитъ сестра и говоритъ мнѣ: „а вѣдь умеръ вчера поздно вечеромъ тотъ солдатикъ съ оторванной ногой, мы его на томъ бивакѣ похоронили безъ отпѣванія!“ Зову Михайла, садимся на коней и ѣдемъ туда версты три. Дѣйстви-

тельно, свѣжая могила, на ней маленькій крестъ... Сейчасъ же отпѣли кратко погребеніе. Возвратился къ лазарету, а онъ уже снова снимается. Пришлось ѣхать на бивакъ, кетати и пообѣдать... Едва добрались, какъ хватилъ дождь, громъ, молнія, вымокли пріотлично... Какъ на душѣ отраднѣе, что посѣтили эскадроны, но счастье было-бы полное, если-бы найти еще и 3—4 эскадроны. Пообѣдали... грязь опять невообразимая, ѣхать или остаться? Нѣтъ, не вытерпѣть... крикнуть сѣдлать и снова покатали мы съ Михайломъ на поиски! Удалось найти обозъ 4-го эскадрона, взяли изъ него унтеръ-офицера, и онъ проводилъ насъ, только предупредилъ, что эти эскадроны охраняютъ наши батареи и потому опасно... Ну Господь и Владычица помогутъ, ѣдемъ!!! Проѣхали версть 6 впередъ, забирая вправо отъ желѣзной дороги, унтеръ-офицеръ показываетъ рукою деревню, около нея чернѣютъ эскадроны, а рядомъ съ ними, действительно, вылетаютъ огни, стрѣляютъ орудія... На минуту остановился я: не знаю, что-то зашевелилось въ душѣ... ѣхать ли? Но быстро побѣдилъ себя, отдался въ руки Господа... и поѣхали туда! Какъ описать радость, прямо восторгъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ, при видѣ насъ и когда раздалось привѣтствіе съ праздникомъ!! Сейчасъ же начали служить молебень и здѣсь, — свидѣтельствую, — что многіе плакали. Только заплѣли мы „Днесъ благовѣрнии людіе свѣтло празднуемъ“, какъ рядомъ и налѣво отъ насъ сзади раздалась залпа орудій, засверкали огни... Съ плачемъ и воплемъ бѣгутъ китайцы, женщины и дѣти изъ деревень къ Мукдену... бѣдные, они думали укрыться въ погребахъ, впрочемъ для этого вырытыхъ, но тенерешвіе снаряды все пробиваютъ! Ну, думаю, однако мы попали въ самую середину огня, сейчасъ, можетъ быть, и надъ нами разразится свинцовый дождь, что жъ? Святос дѣло сдѣлано, я видѣлъ результатъ — слезы и утѣшеніе, а дальше воля Божія да будетъ!!! Съ нашимъ пѣніемъ „многая лѣта“ слился оригинальный салютъ, — громъ палбы батарей, вой снарядовъ и характерный звукъ рвущихся гранатъ!!! Простились... Ѣдемъ обратно, надо торопиться выѣхать изъ опасной линіи до темноты, уже 6 часъ вечера... Но видно мало было еще трепки нерввамъ за пережитый день: Господу угодно было подбавить и

еще. Оглянувшись мы и ужаснулись: большая половина неба покрыта черной тучей и къ грому и молніи земнымъ прибавились страшные раскаты грома и молніи небесныхъ, какъ будто духи неба приняли участіе въ людской битвѣ! Снова ливень, въ одинъ какой-нибудь часъ все наполнилось водою, лазареты и палатки съ людьми подылиди... Чтобы скорѣе добраться до бивака, мы поѣхали рысью, и лошадка моя, поскользнувшись, упала, я же снова по знакомому уже пути полетѣлъ ей черезъ голову въ грязь, а чтобы не обидно было прежде ушибленной лѣвой ногѣ, теперь пострадала правая половина. Ничего, слава Богу, теперь людей ранять, убиваютъ, а мнѣ на это-ли роптать?! Уже темно добрались мы домой, сдѣлавши не менѣе 25 в. въ разные концы; докторъ осмотрѣлъ меня.. все въ порядкѣ, а гдѣ больно было—намазалъ іодомъ, и я снова здоровъ! Какъ благодарить мнѣ Господа и Владычицу, помогшимъ испытать это высшее счастье, что пережилъ я сегодня!! Добрая наша печальница, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Теодоровна не забыла насъ въ этотъ день и прислала слѣдующую чудную телеграмму: „Особенно горячо помолилась сегодня за всеобщую за мой полкъ передъ иконой, которой Черниговцы меня благословили при назначеніи меня Шефомъ, и которую сегодня вынесутъ для поклоненія въ нашу Ильинскую церковь. Да покроетъ Матерь Божія дорогой мой полкъ честнымъ Своимъ Покровомъ, избавить его отъ всякаго зла и сохранить невредимымъ, доблестнымъ на радость намъ. Сердечный привѣтъ чинамъ полка по случаю нашего полкового праздника, счастлива слышать объ успѣхахъ моихъ драгунъ. Постоянно мои всѣ мысли съ вами. Богъ помощь! Елисавета“. На эту телеграмму командиръ полка отвѣтилъ: „телеграмма Вашего Императорскаго Высочества получена во время боя, не нахожу словъ выразить восторгъ и благоговѣніе, съ какими Черниговцы выслушали на полѣ брани высокомиловитивыя слова своего обожимаго Шефа! Да благословитъ Всевышній Ваше Императорское Высочество за материнское о насъ попеченіе,—это горячая молитва каждаго Черниговца, вознесенная Господу на молебствіи, отслуженномъ о Митрофаномъ въ 3 дивизіи и штабѣ полка подъ грохотъ ужасной канонады. Потерь почти

нѣтъ. Полковникъ Зенкевичъ“. Отъ Великаго Князя Сергія Александровича получена тогда же телеграмма: „Сердечно поздравляю молодцовъ Черниговцевъ съ ихъ полковымъ праздникомъ! Отрадно слышать самые лестные отзывы о дѣятельности полка, Богъ въ помощь, Матерь Божія сохрани полкъ подъ Покровомъ Своимъ. Сергій“. Пальба затихла.. ночь прекратила борьбу и, слава Богу и Пресвятой Дѣвѣ, сегодня усѣбно сражались! Ужинали въ нашей палаткѣ всѣ, долго, долго бесѣдовали и разошлись въ 11 часѣ вечера.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

2-е, 3-е Октября.

Ночью выдѣ вѣтеръ, но... милый, родной изъ Россіи, хотя и холодный. Пожимаясь и хлопая руками, солдаты весело говорили: „а вѣтерокъ то нашъ, *русскій!*“... Стонали и скрипѣли подъ напоромъ вѣтра старыя вербы, будто имъ жаль того множества страдальцевъ, что спать теперь сномъ непробуднымъ въ сырой землѣ и мучатся раненые на полѣ брани!... Кто ихъ сегодня оплачетъ?! Близкіе такъ далеко... Наморившись вчера тѣлесно, наволновавшись душевно, я забылся тяжелымъ сномъ... но и во снѣ гналось, что рвались бомбы, скакали всадники, блестяли штыки... наконецъ утро! Сегодня что то позже начали люди свою страшную работу—лишь въ 8 часовъ утра. Рѣшилъ постѣ обѣда вѣхать снова въ лазаретъ,—но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ... Только что пообедали, какъ пришелъ приказъ запрягать, сѣдлать и отходить назадъ!... Быстро удружились, одѣлись. Вдругъ скачетъ казакъ съ новымъ приказомъ: „подождать“. Такъ часа два и простояли. Я ходилъ взадъ и впередъ около повозокъ и думать грустную думу: какъ быстро мѣняются положенія—вчера радовались, надеялись... сегодня отступаемъ?! Но, что-жъ дѣлать, вотъ и нужно явить здѣсь вѣру и преданность Промыслу Божію... смиряемся! Новый гонецъ съ вѣстью: войска наши отстояли всѣ свои позиціи, атаки японцевъ отбиты... Слава Богу, это уже своего рода побѣда и большая; японцы думали, что стоитъ пмъ только нажать и мы отступимъ, но вотъ недѣлю съ безумной отвагой бросались они и... мы остались на

хѣсть! Завтра рано утромъ на три версты отойдутъ только штабы; раскладываться однако не велѣли. Выпрягли лошадей, поужинали, и улеглись на землѣ, подоставивши чумизу... Ночью хватилъ морозъ... охъ, холодно было, два раза вставалъ грѣться къ костру! Вотъ блаженство-то! Солдаты притащили мѣшокъ съ ячменемъ, на него я и усѣлся, ноги протянулъ къ огню, и живительная теплота побѣждала по тѣлу! Рядомъ съ костромъ спитъ адъютантъ, кругомъ сидятъ солдаты и ведутъ задушевные разговоры о родныхъ селахъ, близкихъ. Я смотрю въ огонь, согрѣлся, дремлю... Одинъ солдатикъ сидя уснулъ и едва не свалился прямо въ костеръ, а съ позиціи нѣтъ, нѣтъ да и донесется гулъ одиночнаго выстрѣла. Наконецъ дождался утра, закипѣла вода въ чайникахъ, и началось отогрѣваніе чаемъ. Къ 12 час. солнышко пригрѣло, все распустилось, и по страшной грязи мы перебрались на 3 версты назадъ!... Крутомъ снова адъ кромѣшный, пальба ужасающая, но войска наши все еще на своихъ мѣстахъ. Остановились мы въ такой грязной фанзѣ, что дрожь пробираетъ!... Большинство фанзъ въ своихъ огромныхъ окнахъ стекель не имѣетъ, а просто наклеена промасленная бумага, такъ и въ нашей, только и бумага-то продрана, дуетъ отовсюду, топить нельзя—трубы разобраны. Кое-какъ вычистили и поставили крошечки на канахъ, дырки заткнули тряпками, окна солдаты наклеили газетной бумагой, дверь завѣсили попоной, и дворецъ нашъ готовъ. На дворѣ фанзы выйти противно: стоять пять огромныхъ каменныхъ чановъ, наполненныхъ какою-то зеленой, воюющей жидкостью, въ которой копошатся черви... Я былъ увѣренъ, что это приготовлено для свиней, но китаецъ заявилъ, что это ихъ любимая приправа къ кушаньямъ, какъ у насъ квасъ, и тутъ же, обмокнувъ палецъ въ одинъ изъ чановъ, облизалъ говоря: „шанго, шанго!“ Господи, какой ужасъ! Пишу, а фанза дрожитъ отъ выстрѣловъ, падаетъ на дворѣ рвутся снаряды... иной разъ не выдержу, вскочу, бѣгу на дворъ посмотрѣть: не къ намъ-ли прилетѣла названная гостыя—бризантная бомба, которыми японцы любятъ угощать резервы. Поѣхалъ въ лазаретъ и пришлось увидѣть картину: бризантная бомба попала въ обозъ, съ страшнымъ трескомъ разорвалась, разбила одну повозку, и

вотъ поднялась ужасная суматоха... обозные кричать, спешать отъѣхать дальше, нѣкоторые лошади обезумѣли, мчатся... Слава Богу, темная ночь наступила, немного отдохнуть отъ грома и ужасовъ войны!

4, 5, 6-е Октября.

Все сражаются... только ночью немного отдыхаютъ, а сегодня и ночью японцы произвели атаку. Вдругъ въ 11^{1/2} часъ поднялся среди тьмы такой громъ пушекъ и ружейной пальбы, что мы сразу проснулись и выскочили изъ фанзы. Моросилъ осенній дождь, тьма—глазъ выколи, а горизонтъ какъ будто тысячами молній вспыхивалъ огнями выстрѣловъ и разрывовъ. Очевидно, японцы хотѣли прорваться, но наши войска отбили: это уже вторая ночная атака. Всѣ эти дни я навѣщаю лазаретъ 35-ой дивизии, а также санитарный поѣздъ. Одного тяжело раненаго нельзя было приобщить, пуля попала въ ротъ и вышла черезъ голлову, живъ еще, но густая черная кровь непрерывной струей текла изъ рта... онъ умиралъ уже, и я только благословилъ его. Пронесли еще солдатика, раненъ два дня назадъ, въ время ничего не вѣлъ... Вечеромъ пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги я возвратился въ свою фанзу. Всю ночь на 5-ое октября шелъ дождь, днемъ дождь... почва до того размокла, что ногъ не вытащишь, а бѣдные солдаты въ окопахъ сидятъ положительно въ водѣ. Недавно командиры нашего полка и адъютантъ подверглись большой опасности. Поѣхали они въ 3—4-й эскадроны, и по дорогѣ внезапно рядомъ съ ними и впереди разорвалось нѣсколько снарядовъ... Богъ спасъ ихъ! 6-го октября всѣ сидѣли дома, шагу двинуться было невозможно отъ невылазной грязи... только вечеромъ я съ адъютантомъ кое-какъ добрались въ 1-ый эскадронъ, гдѣ содержались плѣнные японцы. Теперь часто ловятъ японскихъ солдатъ. Въ печальномъ видѣ эти плѣнные, дрожать отъ холода, обувь плохая... Первый вопросъ, который они задаютъ, это—когда ихъ убьютъ и какимъ способомъ?... Очевидно начальники ихъ убѣдили, что у насъ плѣнныхъ убиваютъ. Пока не повѣритъ, сидитъ и старается не вѣсть, проситъ, чтобы сначала нашъ солдатъ попробовалъ пищу, а потомъ уже онъ продолжаетъ, подозрѣваетъ—не отравили-бы?! Зато, когда убѣдится въ своей безопасности

начинает ѣсть и пить за двоихъ... Цѣлый день ни одного выстрѣла съ обѣихъ сторонъ. Потери большія, но наши не только удержались на своихъ мѣстахъ, а даже совершенно разбили бригаду японской пѣхоты и захватили 15 орудій. Бѣдилъ въ лазаретъ, но намъ нѣтъ работы. Сегодня во время обѣда пришелъ изъ Мукдена хозяинъ нашей фанзы и радости его не было конца, когда онъ увидѣлъ, что и фанза и въ ней все цѣло... Онъ и смѣялся, и подпрыгивалъ, и къ намъ подбѣгалъ съ словами, выражающими, что мы „шанго капитаны“, не допустили, чтобы его фанзѣ сдѣлали „домайло“. Онъ все увѣрялъ, что изъ Мукдена и обратно туда „идетъ солнце“, т. е. что онъ въ одно солнце, въ одинъ день, сейчасъ уйдетъ снова въ Мукденъ, чтобы намъ не мѣшать, не безпокоить! Вся эта сцена произвела на меня страшно тяжелое впечатлѣніе... хозяинъ дома извиняется, что посмѣлъ прійти въ свой-же домъ?! Конечно, мы посадили его за столъ, накормили, дали рюмку водки, напоили чаемъ и дали денегъ и... нашъ „ходя“ снова побѣжалъ въ Мукденъ, гдѣ ожидаютъ его возвращенія „мамуся“ (мать) и „бабушка“ (жена). Вечеромъ пошелъ я на корпусный дворъ посмотреть, не привели-ли новаго плѣнника... Смотрю: среди двора подъ конвоемъ двухъ солдатъ съ ружьями сидитъ не плѣнникъ, а „плѣнница“—китайка съ двумя маленькими дѣтьми. Сидитъ она и немилосердно кричитъ: „солдаты хунхузы“, т. е. что солдаты наши схватили ее, какъ хунхуза! Но она напрасно заявляла громко о своей невинности; при тщательномъ осмотрѣ ея, какъ говорятъ, нашли бумагу и поймали-то ее въ тотъ моментъ, какъ она хотѣла пройти черезъ наши позиціи къ японцамъ! Вернулся въ фанзу, забрался на „канъ“ и вотъ слушаю, какъ воетъ вѣтеръ... Станный здѣсь, но выраженію солдатъ „климатъ“: съ 17-го іюня и по сей день одного дня почти не было хорошего, ровнаго, а все время зной, дождь, вѣтеръ, морозъ въ перемѣжку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

7—10-е Октября.

Съ утра все покрыто такимъ туманомъ, что въ двухъ шагахъ ничего не видно, да въ придачу къ этому грязь. Значить, почти навѣрное, сегодня никакихъ военныхъ дѣйствій не будетъ. Рѣшаю воспользоваться затишьемъ и помолитесь съ своими войнами. Практика показала, что въ военное время для общественной молитвы и назиданія нужно ловить моментъ, не ожидая непременно праздника, — иной праздникъ такой придется, что и съ съдла съ утра до ночи люди на огородѣ нашли приличное мѣстечко и отслужили мотень... бесѣдовать съ солдатами о праздникѣ Покрова Пресвятой Богородицы. Передать исторію праздника, затѣмъ изъ Русской исторіи напомнилъ примѣры, какъ Владычица помогала Русскому воинству въ его трудахъ и просилъ слушателей, раскаявшись во грѣхахъ, усердно молиться. Взбранной Воеводѣ о помощи Ея благодатной и надѣяться, что покаянная молитва будетъ услышана и Покровъ Божіей Матери будетъ всегда надъ нами, охраняя отъ бѣдъ и ево

собствуя побѣдѣ. Послѣ Богослуженія по обычаю обходили ряды солдатъ съ пѣніемъ „Спаси Господи люди Твоя“ и благословлялъ всѣхъ. Кромѣ нашихъ помолиться пришли офицеры и солдаты другихъ частей. Послѣ обѣда поѣхали съ Михайломъ въ 3, 4, 5 и 6-й эскадроны. Ъду уже шагомъ: два раза упалъ довольно благополучно, третій разъ не хочется... Господь и теперь помогъ. — Нашедъ эскадроны, они сегодня тоже въ относительномъ покоѣ и поэтому собрались на молитву почти въ полномъ составѣ. — Съ великой радостью побѣжали солдаты готовить мѣсто для молитвы и скоро доложили, что все готово... Приходимъ, эскадроны стоятъ на огородѣ съ китайской канустой и лукомъ. Отелужили обѣдницу... только что началъ говорить проповѣдь, какъ раздался страшный грохотъ, — оказывается, открыли пальбу поставленные недалеко отсюда наши осадныя орудія и мортиры... Казалось, разверзлась земля.. На минуту я остановился, но быстро оправился и продолжалъ говорить, тема та же, что и утромъ. Окончилось Богослуженіе, обошелъ ряды, благословилъ. День склонился уже къ вечеру и я, попрощавшись, поѣхалъ въ обратный путь... изъ солдатскихъ рядовъ донеслось: „счастливо оставаться, прѣзжайте почаще къ намъ!“ Ъдемъ, осадныя орудія бухаютъ... жутко становится: а вдругъ упадетъ 2-хъ пудовой снарядъ мортиры или осадный?! — Вотъ и домъ нашъ, или, какъ выражается адъютантъ, „тюрьма“. На лицо одно изъ слѣдствій войны: люди, побывавшіе на ней, иначе будутъ относиться къ жизни, многое будутъ цѣнить, что раньше не цѣнили, много изъ прежнихъ „не могу“ забудется, и человекъ ясно увидитъ, что прежнія его такъ называемыя „нужды“ и „необходимости“ были просто капризы и жить можно весьма скромно и просто! На войнѣ каждый узнаетъ себя... Тамъ въ мирной обстановкѣ быть можетъ проповѣдывать и горѣть пламенемъ любви къ ближнимъ... желать помогать и сочувствовать страданіямъ людскимъ, самъ во имя долга всѣ невзгоды претерпѣть обѣщавъ, порицать, какъ измѣнниковъ и трусовъ, всѣхъ, кто не выдержалъ ужасовъ войны и предавался унынію!... Теперь на войнѣ, когда увидѣть ужасныя людскія страданія и бѣдствія лицомъ къ лицу и самъ испытать невзгоды... Какъ-то отнесся къ всему этому? Хватило-ли мужества

смиренно снести свой крестъ и другимъ помочь въ томъ же? Не озабочился-ли? Да... на войнѣ каждый узнаеть себя и каждый познаеть другого, кто онъ, безъ прикрасъ... здѣсь маскировки долгой быть не можетъ!

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

11—14 Октября.

Погода установилась прекрасная: легкій морозъ отъ 3—6°, солнце сіяетъ, небо чисто, только немного беспокоитъ холодный вѣтеръ... Слава Богу, отдохнемъ, сраженія прекратились, армія стоитъ на своемъ мѣстѣ!.. Деревня, въ которой мы живемъ, расположена около самаго полотна жел. дороги, что насъ немало утѣшаетъ, въ верстѣ станція „Сунтунъ“. Параллельно съ полотномъ тянется длинная, мутная лужа—это по единогласному приговору всѣхъ—наша „Нева“, а самая линія—„невская перспектива“—проспектъ. Каждый вечеръ на этой „перспективѣ“ гулянье, выходятъ изъ своихъ „тюремъ“ всѣ, начиная съ генераловъ и кончая нами грѣшными, причемъ и фейерверкъ ежедневно къ нашимъ услугамъ. На позиціяхъ нашихъ и японскихъ нѣтъ, нѣтъ да и дадутъ залпъ изъ орудій: ухнетъ, блеснетъ огонь изъ дулъ, и въ небѣ вдругъ разорвется блестящимъ метеоромъ снарядъ... „Экъ ихъ... утѣшаются“, говоримъ мы.

12-е и 13-е октября мы и солдаты наши были въ трудахъ, готовились къ холодамъ: солдаты рыли землянки, нѣкоторые вычищали свинные хлѣва, обставляли ихъ соломой, строили изъ кирпича очаги и получались довольно сносная квартиры, а Михайлъ и Ксенофонтъ свою палатку все завалили чумизой. Штабной „печныхъ дѣлъ мастеръ“ Галкинъ вычистилъ въ нашей фанзѣ каналъ, сложилъ новую высокую трубу, и мы въ первый разъ затопили каналъ. Сначала было дымно, а потомъ ничего, и въ фанзѣ немного потеплѣло, а главное стало суше. Теперь только передѣлать дверь въ сѣни устроить изъ гаоляна, и мы готовы встрѣтить дорогаго союзника нашего и друга, господина—мороза съ матушкой зимой! Поореди фанзы вкопали въ землю широкую и дли-

ную скамью, это столяр нашъ, покрыли екатертью, и всѣ вмѣстѣ обѣдаемъ. Какъ то стало домовитѣе. Однако вышелъ казусъ, какъ затопили кань, ожили тараканы и сдѣлали на насъ энергичное нападеніе въ союзѣ съ крысами. Особенно по ночамъ допекали. Пришлось сразиться и таракановъ мы изловили, а съ крысами примирились, неприятель отважный, пришлось на ночь съѣсные припасы привѣшивать на веревочкахъ къ балкамъ! Иконами украсить нашу храмину не рѣшился,—ужь очень грязно и бываетъ пыльно, а подь подушкой всегда лежитъ у меня въ футлярѣ икона Богоматери „Иверская“, что отъ вокзальной церкви и этимъ утѣшаюсь. Вечеромъ 13-го октября я опять попалъ въ бѣду: рядомъ съ нами стали казаки, которые вытащили изъ фанзы солому и зажгли ее. Я подошелъ къ костру погрѣть руки, вдругъ изъ огня раздался выстрѣлъ, разорвался ружейный патронъ, вѣроятно, уронилъ казакъ въ солому, пуля улетѣла въ обратную отъ меня сторону, а если бы въ мою? Господь спасъ. Рядомъ съ костромъ рядами положены на заборъ пики, которыя служатъ очень мирной цѣли: на нихъ развѣшано и сушится казацкое бѣлье! 14-го октября во время гулянья по „перспективѣ“ пришла мнѣ мысль, что хорошо бы отслужить св. Литургію въ четырехъ эскадронахъ, которые стоятъ отдѣльно отъ насъ, недалеко отъ передовыхъ позицій, хотя въ случаѣ тревоги и придется, быть можетъ, испытать безпокойство и поспѣшность, но... Господь поможетъ!

Подумать, сказано—сдѣлано, и Михаилъ поѣхалъ въ эскадроны извѣстить ихъ объ этомъ и узнать, можно-ли завтра пріѣхать къ нимъ съ церковью? Отвѣтили, что если не будетъ боя, то просить и чрезвычайно рады! Вечеромъ, когда стемнѣло и звѣздочки зажглись въ небѣ, пошелъ я гулять и про себя отслужилъ утреню... О, Господи, какъ бы я счастливъ былъ, если бы удалось отслужить завтра св. Литургію! Легъ съ надеждой, велѣлъ Ксенофонту ночью исечь просфоры и къ 6 час. утра приготовить двуколку и лошадей.

(Продолженіе будетъ).

Жа в о й н ъ .

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продо жсеніе).

15-ое Октября.

Проснулся рано, готовлюсь служить и приобщаться св Тайнъ, а навѣрное не знаю, придется-ли? Заснулъ и про-

снулся съ одною мыслию—молитвой: „Господи, пошли мирный день и хорошую погоду, чтобы мы могли покойно отслужить Божественную Литургію!“ Всталъ... на дворъ... что-то тамъ? Быть можетъ вѣтеръ? нѣтъ, слава Богу, тихо... только порядочный морозъ... выстрѣловъ неслышно... кажется, удастся отелужить... Бѣгу въ обозъ... Михаилъ и Ксенофонтъ ужь собираются, чистятъ коней, сбрую, докладываютъ, что просфоры испеклись хорошія. Запрягли лошадей въ церковную двуколку, я сѣлъ съ Ксенофонтомъ на козлы, Михаилъ на „друга“ и поѣхали къ позиціямъ... Вдемъ... Тихо, морозно, но лучи солнышка начинаютъ уже побѣждать холодъ, и день обѣщаетъ быть хорошимъ... Вдругъ „ухнуло“ впереди... разъ, другой, третій... дрогнуло во мнѣ сердце... неужели „начинается“, и намъ не придется привести въ исполненіе святое намѣреніе? Все таки ѣдемъ дальше... вотъ и деревня гдѣ стоятъ эскадроны. Въѣжаемъ на большой огородъ, встрѣчаютъ солдаты съ лопатами, метлами,—это они ровняли и мели огородъ для церкви... нужно было видѣть искреннюю радость, съ которой они бросились помогать ставить церковную палатку, каждый непременно хотѣлъ что-либо сдѣлать... пришлось выбрать 6 человѣкъ, а остальнымъ велѣлъ идти одѣваться къ службѣ. Бываютъ и въ земной жизни моменты, когда тихая радость вдругъ нисходитъ въ душу, несмотря ни на какія положенія... Иногда эти моменты бываютъ на мгновеніе, а иногда на часы и дни. Счастливые святые Божьи люди, они подвигами своими удостоились такой благодати небесной, что эта „тихая радость“ теплилась въ ихъ душахъ даже многіе годы!... Что можетъ быть выше счастья, когда загорится въ душѣ огонекъ радости небесной, когда трепещетъ все существо и наполняется миромъ, любовью къ Богу, людямъ, всему сотворенному?! Какое изъ земныхъ мірскихъ наслажденій можетъ дать душѣ этотъ миръ и отраду?... конечно, никакого! Вотъ это состояніе радости небесной испытывалъ и я въ блаженный день 15-го октября, когда, стоя въ сторонѣ, наблюдалъ за постановкой церкви!... Такъ и въ древнія времена, думалось мнѣ, патріархи—Авраамъ, Іаковъ и другіе святые строили жертвенники Богу Живому для принесенія благодаренія за милости Его и молитвы объ очищеніи

„содъянныхъ лютыхъ“... Теперь и мы подобно имъ въ землѣ чуждей, передъ лицомъ смерти ставимъ жертвенникъ Господу, чтобы принести Безкровную Жертву благодаренія за все и о грѣсѣхъ! Не будемъ унывать или роптать! Смиримся, покоримся мудрому Промыслу нашего Отца... Ему угодно было попустить войну, попустить народамъ разсудиться честнымъ поединкомъ... не намъ укорять или разсуждать „почему“... Его святая Воля да будетъ! Лучше устремить всѣ силы существа нашего на покаяніе и безтрепетное мужественное исполненіе нашего долга и присяги до послѣдней капли крови! Готова церковь... я поставилъ престоль, облачилъ его, устроилъ жертвенникъ... Какъ добръ безконечно Господь по Его милости все способствовало нашему молитвенному торжеству: погода прямо таки чудная... правда, прохладно немного, но солнышко грѣло сильно и полнѣйшее безвѣтріе! Предъ началомъ службы раздалось близкое нѣсколько сильныхъ залповъ. Подполковникъ Чайковскій послалъ узнать: не рвутся-ли это снаряды? Нѣтъ, оказалось стрѣляли наши осадныя орудія, а японскія „шальные“ не долетали. Собрались эскадроны, и около 10 ч. утра св. Литургія началась; въ алтарѣ прислуживалъ, конечно, Ксенофонтъ. Служба прошла замѣчательно хорошо, особенно пѣніе! Въ этихъ эскадронахъ самые славные пѣвцы наши, но въдь теперь ни нотъ нѣтъ, ни свѣвокъ, однако такъ прекрасно и вдохновенно пѣли, что, казалось, ангелы спустились къ намъ, и свое небесное пѣніе соединили съ нашимъ земнымъ, несовершеннымъ... вышла такая гармонія, слезы исторгались.—Быть можетъ, это слишкомъ субъективно! или мнѣ только „казалось“?... Но нѣтъ... посмотрѣли бы вы, какъ во время „херувимской“, „Тебе поемъ“, „Отче нашъ“ безъ всякаго приказанія всѣ становились на колѣна прямо въ пыль... какъ усердно клали поклоны, молились! Нѣтъ... эту „небесную радость“ испытывали всѣ! Въмѣсто концерта пѣли „Душе моя, душе моя... возстани что спиши! Конецъ приближается... И всегда до слезъ трогаетъ эта дивная пѣснь, а теперь на войнѣ, когда для многихъ изъ насъ молящихся конецъ, дѣйствительно, можетъ быть весьма близокъ... въ особенности!... Какъ же утѣшительно услышать, что встрѣчать этотъ конецъ мы будемъ не одни,—съ нами Христосъ Богъ, все

наполняющей. Который пощадить насъ... значитъ вполне можно успокоиться и не смущаться. Проповѣдь говоритъ на Евангеліе о богатомъ и Лазарѣ, проводилъ ту мысль, что Господь въ этой притчѣ далъ намъ прекрасное наставленіе и утѣшеніе. На богатаго и бѣднаго Господь положилъ обязанность—послушаніе: одному по Божьему распорядиться богатствомъ, а другому смиренно перенести бѣдность и болѣзнь. Однако богатый оказался нерадивымъ, безпечнымъ... удовлетвореніе страстямъ, мірскія наслажденія предпочелъ небесному—исполненію своего долга послушанія! Даже настолько забылъ объ этомъ, очерствѣлъ, что не обратилъ вниманія на бѣдняка страдальца Лазаря, здѣсь-же у его порога лежавшаго въ ранахъ, гною... Дворовые же оказались милосердїи своего господина: они раздѣлили съ бѣднякомъ падавшія со стола крохи и лизали раны его!!... Богатый забылъ, что какъ страница въ книгѣ имѣетъ № и не пропадаетъ, такъ и дни, и года нашей жизни, что страницы, не пропадаютъ въ вѣчности, а все въ точности извѣстны Богу! Посему, когда пришелъ день смерти и перелисталась передъ очами Господа книга жизни его грѣшной, то судъ и стыдъ покрыли существо его, и мука оказалась послѣдствіемъ его безпечной и лѣнливой жизни! Лазарь же, будучи одинокъ между людьми, въ бѣдности и страданіяхъ помнилъ о смертномъ часѣ своемъ, о Промыслѣ Господа „хотяцаго всѣмъ спастись“ хотя и разными путями, и посему не ропталъ, а смиренно и благодарно терпѣлъ, надѣясь на вѣчную жизнь въ небесномъ Царствѣ Отца своего Бога, „идѣ-же правда живетъ!“ Бѣдный мученикъ помнилъ, что оставленный людьми, онъ тѣмъ любезнѣе сталъ небеснымъ нашимъ друзьямъ: Богоматери, святымъ и Ангеламъ, которые въ часъ смерти взяли святую душу его и отнесли въ лоно Авраамово, „идѣ-же вси праведніи почиваютъ!“ Кроме того утѣшался Лазарь въ своей многотрудной жизни и любовію животныхъ—псовъ; вѣдь и они „творенія Божія!“ Отсюда выводъ ясенъ... и мы, получившіе отъ Бога обязанность—послушаніе, воинское званіе, должны со всѣмъ усердіемъ нести его, чтобы въ день смерти и суда не оканзаться намъ среди лѣнливыхъ и безпечныхъ подобно богатому! Нѣтъ, мы должны стараться уподобиться Лазарю, тѣмъ

болѣе, что, какъ и онъ, мы лишены нашихъ близкихъ, сродниковъ... терпимъ лишенія, раны, болѣзни... смиренно благодарно перенесемъ все это, чтобы, когда придемъ ко Господу, могли сказать: „вотъ мы—и дѣла наши!... они покрыты честностію, смиреніемъ, терпѣніемъ и благодарностію“. О, тогда и наши души будутъ несены Ангелами на лоно Авраамово, а здѣсь на землѣ благословеніе Господне почіеть на насъ!—Окончилось Богослуженіе, приложились всѣ ко Кресту и разобрали церковь, благодаря сердечно Господа, что благополучно, безъ помѣхи, прошло молитвенное торжество наше. Какъ утѣшаетъ и ободряетъ молитва и таинство... точно на крыльяхъ летѣлъ я въ 3-й эскадронъ провѣдать ротм. Вітковскаго, которому немного нездоровилось... у него пилъ чай, а въ 5-омъ эскадронѣ обѣдалъ... Такъ пріятно было побесѣдовать о пережитомъ блаженствѣ съ офицерами, видя ихъ непритворную радость по поводу совершившагося событія... Очень усердно просили пріѣзжать еще съ церковью, что я, конечно, и сдѣлаю, если продолжится „затишье“ и позволитъ погода! Снова возмѣстился я на козлы двуколки и поѣхали домой, ведя задушевную бесѣду съ друзьями Михаиломъ и Ксенофонтомъ. Эти простые души тоже въ восторгѣ и по своему выражаютъ свои чувства и впечатлѣнія. Сговариваемся и 17-го октября во что бы то ни стало отслужить Св. Литургію для остальныхъ эскадроновъ и штаба 17-го корпуса, хотя бы и холодно было... „Мы вѣдь можемъ и скоро отслужить“, говоритъ Михайло, „а все-таки совершить Литургію это много значитъ!“ Я, конечно, вполне соглашаюсь. Отдохнуль немного и подъ вечеръ пошелъ на „перспективу“, подъ звѣздное небо... Какъ-то невыразимо захотѣлось побыть одному, собрать мысли, воскресить въ себѣ и „духовно“ пережить еще разъ тѣ чувствованія, которыми утромъ была полна душа!

отъ дѣланныхъ дѣлъ (Продолженіе будетъ).

Хавойнъ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продо іженіе).

16-ое Октября.

Сегодня всталъ и думаю: вотъ я пишу вамъ письма, а вы, вѣроятно, недовольны,—человѣкъ находится на войнѣ, а сраженій не описываетъ. Что-жь дѣлать? пишу только то, что самъ лично переживаю, чтобы послѣ самому-же прочитать и снова перечувствовать бывшее. Битвъ же подробно самъ часто не вижу, поему и описывать ихъ не могу, а съ чужихъ словъ не хочется. Часто записываю пустяки, но нужно помнить,—что здѣсь наша жизнь течетъ совсѣмъ по другому и иногда маловажное событіе оказываетъ весьма

большое вліяніе на нашу духовную настроенность! Сегодня удивительныя сновидѣнія посѣтили меня: будто воскресли Препод. Серафимъ и покойный нашъ чудо-богатырь ген. Скобелевъ! Препод. Серафимъ благословилъ меня и сказалъ: „бодрствуй утромъ, въ полдень и вечеромъ... Никогда не противься Духу Святому!“... Съ ген. Скобелевымъ вышелъ цѣлый разговоръ: „вотъ вы воскресли“, — говорю я — „скажите пожалуйста, что вы чувствовали послѣ смерти?“ — „Жизнь моя не прекращалась ни на секунду“, отвѣчалъ генераль, „я видѣлъ свое тѣло и все время ясно сознавалъ, что *существую!*“ — „Вы опять скоро уйдете туда?“ говорю я, — „попросите, пожалуйста, Господа, чтобы Онъ послалъ намъ въ армію новаго Скобелева!“ — „ Попрошу“, былъ отвѣтъ. Послѣ этого вижу: несутъ большой Крестъ впереди меня, за нимъ монахи поютъ молебенъ Препод. Сергію, св. Никону и св. Митрофанію, а сзади иду я. Хотя и опасно выводить изъ сновъ какія-либо заключенія, а все же какъ-то легче на душѣ стало: живые жители и земная Церковь молитвами своими не оставляютъ насъ! Послѣ чаю сѣлъ на канѣ почитать, вдругъ музыка... что такое? Какая теперь музыка, когда войска сидятъ въ окопахъ?! Можетъ быть ослышался, — пѣтъ, ясно доносятся звуки военного марша. Всѣ бѣжимъ изъ фанзы влѣдствовать столь необычайное явленіе! Смотримъ: гарнизонъ нашей деревни высыпалъ уже на околицу, а откуда-то несутся звуки, виднѣется какая-то черная масса. Приложивши руки къ козырьку, всѣ вглядываются... Что такое? „Подмога идетъ изъ Расей“, говорятъ солдатики. Дѣйствительно, повернуло черное пятно на дорогу къ намъ, и сверкнуло сразу солнце на массѣ штыковъ... ближе... несомнѣнно пѣхота. Вотъ уже музыка съ нами рядомъ, колышется знамя съ большимъ крестомъ... „Кто вы? Откуда?“ несутся со всѣхъ сторонъ... „Изъ Расей! 61-я дивизія!“ отвѣчаютъ бородачи. Господи... какъ радостно бьется сердце... подмога изъ Россіи... вѣдь только мѣсяць назадъ они съ дорогой родины... уже этимъ однимъ милы... какъ будто родные прѣехали!... Не выдержалъ я... „Здравствуйте!“ кричу, „дорогіе! Богъ въ помощь! не робѣйте, скоро побѣдимъ!“ — „Дай Богъ, спасибо! слышится изъ рядовъ... а что етъ (т. е. японецъ) еще далеко? „спрашиваетъ на ходу пожилой солдатъ... „Верстовъ

6—7. будетъ%, отвѣчаютъ наши. Прощи... солдаты хороше одѣты, обозы чистенькіе, все новое, еще не испытали манчжурскихъ прелестей! Ободренный пошелъ я въ 4-ый эскадронъ къ Калинину условиться относительно завтрашней службы. Рѣшили въ расположеніи его эскадрона очистить мѣсто и поставить церковь, чтобы сегодня въ четыре часа дня отслужить всенощную, а завтра св. Литургію. Снова повторилась вчерашняя картина: какъ въ тѣхъ эскадронахъ, такъ и здѣсь живо заработали лопаты, метлы... Распоряжался и особенно усердствовалъ мой любимецъ георгиевскій кавалеръ унт.-офицеръ Власовъ, что „Библию прочиталь“. Замѣчательный это человекъ, искренно религиозный, умный и безстрашный воинъ. Во время всѣхъ сраженій онъ вызывался и ходилъ въ самыя опасныя развѣдки, забирался въ расположеніе непріятеля, вѣзвалъ тамъ на деревья, фанзы, сопки и высматривалъ японскія батареи укрѣпленія... Онъ уже имѣетъ Георгія 4-ой степ., теперь представленъ и къ другому 3-ей ст. Работа кипѣла, скоро выровняли, вычистили, вывели... оставалась поставить церковь... но вдругъ поднялся вѣтеръ да такой холодный, что о службѣ и думать нечего! Пришлось опять утреню читать про себя, а завтра, если утихнетъ, поставимъ церковь ужь утромъ и отслужимъ св. Литургію! Въ 8 час. вечера подвѣлась страшная канонада съ японской стороны... Мы вышли на „перешективу“... горизонтъ на большое разстояніе безпрестанно всныхиваетъ огнями, — разрываются снаряды и кажется, очень близко, еще придется ли завтра служить?

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка в. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

17-е Октября.

Какъ настанетъ „затишье“ военное—такъ я начинаю волноваться погодой... дождь, вѣтеръ, морозъ... все страшно беспокоитъ! Вѣдь хочется воспользоваться затишнымъ временемъ, чтобы какъ можно болѣе влить въ усталыя души воиновъ религіознаго утѣшенія, ободренія!.. Когда прекратится сраженіе,—у меня сейчасъ мысль—ну, окончилось „виѣщнее“ сраженіе, затихли виѣщніе непріатели, отдыхаютъ полководцы... теперь значить пора намъ священникамъ начинать „духовную“ битву съ внутренними врагами, имъ же имъ „легионъ“; уныніе, тоска по родинѣ, близкимъ, сомнѣнія, физическія страданія отъ ранъ, болѣзней, непогоды... въ окопахъ многіе солдаты опухли отъ сырости и лежатъ безъ движенія... Вотъ и хочется хорошей погоды, чтобы можно было развѣзжать, служить св. Литургію, обѣдниці, молебны, бесѣдовать... и этимъ въ самое сердце поражать внутреннихъ непріателей, чтобы въ новый бой воины шли добрыми, одушевленными! Конечно, и во время битвы есть дѣло священнику, но вѣдь каждый понимаетъ, что подъ громъ пушекъ и свистъ пуль много не набесѣдуешь! Тогда только благословеніе, краткая молитва, 2—3 слова въ утѣшеніе—вотъ и проповѣдь, а *главное* дѣло іерея переходить въ лазареты, перевязочные пункты, поближе къ бою, туда, гдѣ небо сходится съ землею, и ангелы, по словамъ преподобнаго Серафима, едва уснѣвають брать души человѣческія!.. Такъ съ тревогой за погоду всталъ я и 17-го октября. Ночью быть вѣтеръ... ясно слышались... скрипѣли утляя наши окопушки, трещала и рвалась на нихъ бумага, утромъ тоже... ну... что будетъ?! Готовлюсь все-таки служить св. Литургіи!.. Позвалъ своихъ солдатъ, пошли расставлять церковь,—и что-

е? Къ 10-ти часамъ засіяло солнце... куда что дѣвалось, и тучки разбѣжались, и вѣтеръ утихъ. Совершаю проскомидію... „разъ—два, разъ—два, лѣвой... лѣвой“, слышу обычный голосъ вахмистра... идутъ эскадроны, штабные 17-го корпуса. обозные саперы... Пришли генералы, офицеры... раздаются энергичное: „здорово молодцы—драгуны!“ Гремятъ отвѣтное: „здравія желаемъ Ваш—ство“, Затѣмъ „на молитву шапки долой“... и Голова Михайла просовывается сквозь полотняную дверь алтаря съ словами: „батюшка, готово“... будто я не слышу?! Возглашаю: „Благословенно Царство Отца и Сына и св. Духа“... И полились снова изъ нашихъ устъ священныя пѣсни и молитвословія Божественной Литургіи... *заструились*... какъ струится тихо и мѣрно чистый ручеекъ среди зелени травъ и злаковъ земныхъ, покрытыхъ благовоными цвѣтами... освѣщаемый и согрѣваемый солншкомъ!... „О, Господи“, невольно думалось... „вѣримъ, исповѣдуемъ и чувствуемъ, какъ невыразимо прекрасно, чисто, свѣтло, Божественно содержаніе этой дивной службы—св. Литургіи! Но... помоги Отецъ нашъ, чтобы души наши, освѣщаемыя и согрѣваемыя, какъ солнцемъ, крѣпкой горячей вѣрой въ Тебя,—очистились отъ сквернъ унынія, сомнѣнія, страстей... и какъ благовоными цвѣтами покрылись добродѣтелями!... Чтобы намъ неосужденно присутствовать и духовно участвовать въ совершеніи Святѣйшаго Таинства и, какъ говорятъ св. отцы, „истинно насладиться Божественныя Литургіи“!! Да, тогда *все будетъ хорошо*, и этого страшнаго червя-разлуку съ присными нашими, дорогой родной,—ужасы сраженій и лишенія походной жизни... все, все перенесемъ, благодаря и славословія Промыслителя, изволившаго и удостоившаго даровать намъ такой крестъ!! Пльчѣ, по моей просьбѣ, собрались отъ всего полка и Богослуженіе прошло такъ же, какъ и 15-го октября въ деревнѣ „Таузейкъ“. Какъ на особенность нашей здѣшней службы, укажу на то, что на Великомъ входѣ всегда поминаю всѣхъ воиновъ, на полѣ брани за вѣру, Царя и Отечество животою своей положившимъ!“ Если бы вы знали, съ какимъ искреннимъ чувствомъ скорби и молитвы произносятся и выслушиваются *здѣсь* эти слова? Головы сами опускаются на грудь, руки совершаютъ крестное знаменіе, уста тихо шепчутъ:

„Царство Небесное!“ Вѣдь поле-то брани оно здѣсь, подъ нашими ногами, а свѣжія могилы братьевъ нашихъ вокругъ... стоить только оглянуться!... Проповѣдь говорилъ на притчу о богатомъ и Лазарѣ. Послѣ службы сейчасъ-же разобрали церковь,—это дѣлаемъ быстро: часъ ставимъ и $\frac{1}{2}$ часа разбираемъ, очень удобно! Прибрались, иду пить чай въ свою „квартиру“ и видаться съ дорогой женой, родными, духовными дѣтьми... Еще вчера вечеромъ получить цѣлыхъ 8 писемъ и у меня хватило терпѣнія ни одного не прочитать, отложилъ это блаженство на сегодня, чтобы праздникъ былъ полный... вотъ теперь сижу и читаю. Изъ писемъ вижу, какъ всѣ грустятъ, скучаютъ... дорогіе мои, а я то, я развѣ веселюсь! По правдѣ сказать, такіе приливы тоски по всему родному часто нападаютъ, что приходится употреблять все силу воли и вѣры, чтобы смирить мятущийся духъ! Смиримся же! Слышите?.. Смиримся подъ крѣпкую Руку Божию и будемъ въ терпѣливомъ служеніи долгу предъ Богомъ, Царемъ и Родиной, до той минуты, когда или скажутъ „довольно! вернитесь къ роднымъ жертвенникамъ и очагамъ своимъ!“ или изсякеть послѣдняя капля крови!... Послѣ обѣда читалъ „Церковныя Вѣдомости“... Страшно поразило меня начало проповѣди Еп. Иннокентія воинамъ въ Севастопольскую войну... „Не поученіе говорить вамъ мы прибыли сюда,—нѣтъ, мы явились учиться у васъ, славные защитники града... учиться, какъ исполнять заповѣди Христа Спасителя: „оставь отца, мать твою и домъ твой, возьми Крестъ и гряди по Мнѣ“!... Не тоже ли, думаю, переживаютъ и нынѣшніе наши воины? Несеніе ими креста—разлука съ близкими, родиной, ужасы войны и лишенія... не есть-ли высочайшая добродѣтель? Чему же еще учить ихъ? Не справедливѣе-ли у нихъ учиться?... Посему не напрасно-ли проповѣдую?... эти вопросы вдругъ нахлынули на меня... но успокоился, вспомнивши слово святое: „нѣсть чловѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ, аще и единъ день житія его“... и слова Апостола: „настой благовременно и безвременно“—да къ тому-же проповѣдь не только назидаетъ а и утѣшаетъ!... Вечерѣтъ... садится солнышко, красивымъ полымемъ горитъ горизонтъ на морозъ... беру палочку и иду „по обычаю“ на проспектъ нашъ утѣшиться покойнымъ.

ширымъ небомъ, могучимъ солдатскимъ пѣніемъ вечерней молитвы, картиною пылающихъ костровъ, бѣгущихъ паръ дымъ, поѣздовъ туда, на... милый сѣверъ!!! Подходить ген. Ванновскій и говоритъ: „какъ хорошо поютъ ваши эскадроны молитвы, я всегда съ удовольствіемъ слушаю“!!! Приятно мнѣ было это услышать, — но нужно правду сказать: вся ваша армія очень хорошо поетъ ежедневно „пѣснь Богу едиными усты и единымъ сердцемъ“!!! — „Батюшка“, доносятся голоса солдатъ съ нашего двора? „ужинъ подаи, остынетъ, пожалуйте скорѣй!“ Ну, значитъ пора кончить день... иду!

18-го и 19-го числа стояла чудная погода, солнце сильно грѣло и къ полудню разгоняло морозы — утренники!! Много гулялъ я за эти дни, читалъ и посѣтилъ лазаретъ 35-ой дивизіи... больныхъ и раненыхъ нѣтъ, а въ санитарномъ поѣздѣ оказался свой священникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

20-е Октября.

...Какъ памятно мнѣ это грустное число!!.. Въ то время я служилъ въ 47-омъ драгунскомъ полку въ гор. Ры-

ция, Плоцкой губ., въ 15-ти верст. отъ прусской границы. Какъ сейчасъ помню: утромъ ѣздилъ на границу въ та-
 можню „Добрынь“, служилъ молебень о здравіи дорогого
 Государя... а ночью... вдругъ стукъ въ дверь и сдавленный
 голосъ офицера сквозь слезы: „батюшка... горе... скончался
 Государь Императоръ Александръ III... скорѣе служить па-
 нихиду и приводить къ присягѣ... полкъ уже вышелъ изъ ка-
 зармъ!“ Какъ громъ небесный сразила насъ эта скорбная
 вѣсть... Бѣгу на улицу, въ церковь... тьма непроглядная, осен-
 ная... слышенъ мѣрный шумъ шаговъ, звучать въ тактъ шир-
 ры... полкъ идетъ... я вмѣшиваюсь въ ряды солдатъ... Пани-
 хиды... слезы общія... затѣмъ присяга новому Государю импера-
 тору Николаю II, „многая лѣта... ура!“... Все это среди тьмы, въ
 глухую полночь, при слабомъ мерцаніи свѣчей... въ Поль-
 шѣ, на границѣ государства! много пережито въ эту страш-
 ную ночь тревоги и скорбей... до гроба не забыть!.. Вотъ
 и теперь 20-е октября, собрались воины, пропѣли панихиду,
 помянули вѣчной памятью незабвеннаго Царя-Миротворца!
 Возвращаюсь съ панихиды... идетъ артиллерія... смотрѣть
 скачетъ артиллеристъ солдатъ ко мнѣ на дворъ, просить
 благословенія и быстро говорить: „батюшка, будьте мило-
 стивы, дайте мнѣ крестикъ на шею... въ прошломъ бою
 потерялъ, теперь опять ѣдемъ на позиціи, можетъ убьютъ,
 не хочется умирать безъ креста“. Спасибо, что у меня имѣется
 запасъ маленькихъ образковъ и ладонокъ съ 90-ымъ псал-
 момъ, сейчасъ-же досталъ и далъ пять крестиковъ, чтобы
 онъ и товарищамъ далъ... Какъ-же радъ былъ солдатикъ-
 счастливый поскакалъ догонять свою часть! Подошелъ еще
 какой-то унтеръ-офицеръ съ просьбой дать ему евангеліе,
 удовлетворилъ и этого. Погода прекрасная... Гулялъ по
 линіи, бесѣдовалъ съ солдатами, идущими съ позиціи о
 томъ, что „онъ“ (японецъ) близехонько сидитъ отъ нашихъ
 окоповъ, а въ деревнѣ Линшипу одну половину занимаетъ
 „онъ“, а другую мы... „Носъ показать невозможно днемъ,
 сейчасъ пули пуцаютъ, такъ и сидимъ по файзамъ, а ночью
 по темнотѣ проносимъ пищу и воду!“... Идетъ изъ Мукдена
 толпа солдатъ... человекъ около 100 разныхъ полковъ:
 „откуда вы?“—спрашиваю... „изъ лазаретовъ, чиненыя... Ляо-
 янскіе,... въ свои полки идемъ... Охъ, ужъ если бы Господь

помогъ поскорѣй добить его“, отвѣчаютъ. Вечеромъ снова смотрѣли идущую съ музыкой „подмогу“... Нѣкоторые солдаты поморозили ноги на Байкаль, тамъ, говорятъ, морозъ до 20°. Завтра для насъ двойной праздникъ: день восшествия на престолъ Государя нашего Императора и день рожденія Августѣйшаго нашего шефа! Рѣшаемъ, если Богъ дастъ погоду и миръ, собрать завтра весь полкъ въ деревню „Тадзеинъ“, отслужить тамъ св. литургію и молебенъ, устроить парадъ и общую трапезу! Сегодня снова пришли козлева фанзы и поразили насъ: принесли намъ въ подарокъ семь большихъ грушъ и плитку китайскаго сахара, апаками объясняя, что это они въ знакъ благодарности за то, что мы сохраняемъ ихъ фанзу и дали имъ денегъ. Конечно, снова дали имъ 3 руб. и записку, чтобы часовые на рѣкѣ Хулхе пропустили ихъ въ Мукденъ по мосту, а то, когда китайцы шли къ намъ, часовые сдѣлали имъ „домайло“, надавали „пилюлей“ и заставили идти черезъ воду. Уморительно было смотрѣть, когда они же стали показывать, какъ солдаты давали имъ „пилюли“, причемъ сами же смѣялись.

21—22-е Октября.

Утреню служилъ на обычномъ своемъ мѣстѣ за линіей жел. дороги, тамъ есть укромная дорожка... Погода опять безпояснота... холодный вѣтеръ, но... поручаюсь Господу!... Ѣдемъ по прежнему съ церковію къ позиціямъ въ деревню „Тадзеинъ“, гдѣ стоятъ четыре эскадрона, туда же идутъ изъ нашей деревни остальные два эскадрона и штабъ. На томъ-же прекрасномъ, ровномъ огородѣ разставили церковь... Михаилъ въ восторгѣ... „ни разу такъ хорошо не ставили церковь“... говоритъ онъ... Ксенофонтъ хлопочетъ у костра, готовить угли для кадила и кипятить воду для теплоты; онъ счастливый будетъ прислуживать за Богослуженіемъ, улыбка не сходитъ съ его лица!... Мы съ нимъ прямо бѣда, все просится недѣли на двѣ-три въ эскадронъ „новоеватъ“. Я, конечно, противлюсь, убѣждаю его, что и въ обозѣ Богомъ и Царемъ служба все равно считается, какъ и въ строю... Съ недѣлю помолчать, а потомъ опять „батюшка, опустите немного повоевать, я вернусь... бѣлья настираю, приготовлю, на все время хватить!“... Раздались обычные

залы наших (осадных) орудій... Подполковникъ Букрѣвъ шутя говоритъ: „это, батюшка, къ обѣдѣ звонять... хороше колокола!“—За хлопотами по постановкѣ церкви я и забылъ о вѣтрѣ; когда-же вышелъ читать входныя молитвы, то прямо пораженъ былъ: тишина полная! Подождите, что-то чудесное творится и тѣмъ болѣе удивительно, что тишина продолжалась только пока шло Богослуженіе, но какъ только все кончилось, снова подулъ сильный вѣтеръ, и вѣдь это уже который разъ! Слава Господу Богу! На литургіи и молебствіи присутствовалъ весь полкъ, генералъ, начальникъ западнаго отряда баронъ Бильдерлингъ, начальники (пѣх. дивизій) 3-ей и 35-ой Добрянскій, намальникъ нашей бригады Степановъ, начальникъ штаба 10-го корпуса Цуриковъ и г. г. офицеры изъ которыхъ другихъ частей. Служба прошла очень торжественно, выстрѣлы не беспокоили. Проповѣдь говорилъ по поводу празднуемыхъ событій—о необходимости особенно горячо помолиться за дорогого Государя нашего Императора... да царствуетъ Онъ благополучно еще многіе годы на славу Богу, благо отечества и страхъ врагамъ... помолиться также за Августѣйшаго Шефа нашего Великую Княгиню Елисавету Федоровну, которая, какъ мать относится ко всемъ чинамъ полка, съ еердечнымъ участіемъ вникая во всю трудовую жизнь ихъ! Зато и Черниговцы все преполнены горимею благодарностію Ея Императорскому Высочеству и преданы своему Шефу всею душою! Просильте войновъ усугубить ревность свою по исполненію воинскаго долга, чтобы доказать тѣмъ свою любовь и преданность Государю и доставить радость Августѣйшему Шефу своему! Послѣ молебна и многолѣтія около церкви былъ парадъ, играли гимны „Боже Царя храни!“ марши, вообще торжество вышло такое, какою все мы давно не испытывали!... Послѣ парада все свалилось группами и потомъ—общій обѣдъ. На дворѣ фаанъ устроили покромъ огромный столъ, со всей деревни притащили скамейки и оставшіяся китайскія стулья, вмѣсто бокаловъ—кружки и то два провинію и вино приобрѣли въ Мукденѣ. Обѣдъ прошелъ очень оживленно и покойно. Отъ „дантинскихъ“ враговъ, хотя появленіе „шимозовки“ (бомбы) всеми признавалось возможнымъ, вѣдь позиціи наши по

Большее двухъ верстъ отсюда, но... про это не думали! Все было, какъ слѣдуетъ: одолѣли общими усилиями 70 куръ и дылгать, малую толику бифштексовъ, закусокъ... играли трубачи наши, гремѣло сердечное ура Государю нашему и Августѣйшему Шефу, затѣмъ тосты и прочее. Въ 3 часа дня я возвратился въ свою деревню „Коу-лоу-дзы“. Японцы тоже празднуютъ свой царскій день, на сопкѣ противъ насъ выкинули національный флагъ огромныхъ размѣровъ... Замораживаетъ... затопили кань, фанза наголнилась дымомъ, пришлось спасаться на излюбленный нашъ проспектъ. Охъ эти кань... очень осторожно ихъ нужно топить!... Китайцы поемножечку подбрасываютъ газляныхъ корешковъ и поддерживаютъ медленный огонь, лишь бы кань былъ теплый и можно было сидѣть и лежать на немъ. Китайцамъ тепло въ фанзахъ не нужно, они всю зиму ходятъ въ ватныхъ штанахъ и курткахъ, такъ и спятъ. Русскіе же люди любятъ, чтобы въ хатѣ было жарко, вѣдь надо раздѣться, распариться!... Вотъ солдатики наши во исполненіе сего идеала и давай нажаривать, да и сожгли такимъ образомъ вещи полков. Ванновскаго: кань лопнулъ, а на немъ лежали чемоданы съ бѣльемъ, они и сгорѣли. Да, ... зимушка-зима насъ не мало заставляетъ задуматься!.. Чѣмъ будемъ топить свои обиталища и варить нищу?—лѣсовъ здѣсь нѣтъ, а ракиты и вербы въ деревняхъ уже теперь во многихъ мѣстахъ составляютъ одно воспоминаніе... Довольствіе людей, кормъ скота—тоже вопросъ. До сихъ поръ *мѣстных* средства много помогали, но вѣдь это все въ недалекомъ будущемъ будетъ съѣдено, какъ-то прокормимся привознымъ?!.. Полагаемся на благодать Господню!... Какъ грустно! Печка, въ которой Ксенофонтъ пекъ просфоры, сегодня не дѣйствовала, пробовали спечь просфоры въ временной—не вышли, такъ 22-го октября и не пришлось отслужить св. литургію! Впрочемъ, утѣшился тѣмъ, что въ 11 час. утра отслужилъ молебень Богоматери и благодаря солнышку, пригрѣвшему богомольцевъ, прочиталъ даже акафистъ, молитву и говорилъ проновѣдь. Кромѣ иконы Божіей Матери „Казанской“ на столѣикъ поставилъ также „Иверскую“, да офицеры принесли свои иконы—Спасителя, преп. Серафима, свв. Митро-

фанія, Теодосія и Николая. Он вышелъ изъ иконостаса — послѣ молебна всѣ прикладывались къ иконамъ. Гласъ, оже иже... (Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полна о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

23-е Октября.

Завываніе вѣтра разбудило всѣхъ насъ сегодня. Въ фанзѣ темно... съ позицій доносятся звуки рѣдкой орудейной пальбы... порвалась во многихъ мѣстахъ на окнахъ и двери газетная бумага и вѣтеръ свободно гуляетъ у насъ... морозъ не менѣе 8—9°. Скрипнула дверь... принесли деишники кипятокъ... уфъ, какъ пріятно погрѣться чайкомъ!.. Всталъ... паръ отъ каждаго изъ насъ валить столбомъ, что отъ паровоза... неволью смѣемся другъ надъ другомъ... „А мнѣ“, кричитъ адъютантъ своему Ивану, „давай коху!“.. „Кохой“ солдаты называютъ кофе и сколько не переучивали, ничего не выходитъ! Съ этой „кохой“ въ полку въ мирное время была пресмѣшная исторія. Одно время солдатамъ отпускали кофе, кипятили въ котлахъ и подивизионно поили. Однако войны наши страшно не влюбились новый благородный напитокъ и пили его только „по послушанію“! Кончилось тѣмъ, что какъ только провинится солдатъ и офицеръ вознамѣрится наказать его, поставить на часы, напри-

хѣрь.—взводный унтеръ-офицеръ пресерьезно докладываетъ: „ваше благородіе, не стоитъ ставить на часы, лучше посадить его на „коху“!.. Этого посаженія солдаты боялись больше часовъ...—„На дворѣ страсть, что такое... пыль, снѣгъ!“ говоритъ деньщикъ. Взглянули мы за дверь.—дѣйствительно, „мчатся тучи, вьются тучи“... кружится въ воздухѣ снѣгъ!... Наконецъ-то матушка Манчжурія пожаловала насъ новою милостію: постлала на землю бѣлое пуховое одѣяльце... спасибо... да то бѣда, что „мягко стелеть, а жестко спать!“ ...Лошади визжать, прыгаютъ, срываются съ коновязей, солдаты кричатъ на нихъ, ловятъ... „О Боже-жъ мій, шось-то зробылось... тпру, дурный, балуй“... раздается за окномъ голосъ солдата-хохла... Въ воздухѣ кружатся стаи воронъ, опадающіе листья... съ крикомъ летятъ на югъ за-подалые гуси. гнутся и скрипятъ деревья, орутъ неистово осла... „Ну и концертъ“, говоритъ проѣзжающій казачій офицеръ, „остается только, чтобы изъ вашей трубы вылетѣла въ ступѣ баба-яга съ метлой... тогда картина будетъ полная!“... Напились чаю, притащили солдаты гаоляннхъ корешковъ и закурились каны, сегодня меньше дыму,—вѣроятно, отъ вѣтра хорошая тяга, хотя тепла и мало отъ этой топки. Что это за удивительное растеніе—гаолянъ, многополезное!?. Я уже раньше писалъ въ дневникъ, что высота его достигаетъ 5½ аршинъ, стволъ довольно толстый и зерна съ каждаго стебля цѣлая пригоршня. Зерно очень похоже на нашу гречневую крупу и каша изъ гаоляна почти та-кая-же, какъ и изъ гречи, только тяжелѣе для желудка. Кромѣ зерна изъ гаоляна дѣлаютъ прекрасныя крыши, ци-новки, корзинки, кѣтки, имъ топятъ, хотя для топлива больше употребляютъ гаолянныя корни, они даютъ сильный жаръ... Вообще насколько грязны, отвратительно грязны китайцы,—настолько-же они прекрасныя земледѣльцы! Они сѣютъ гаолянъ, чумизу (родъ проса, только мельче), бобы, рисъ, пшеницу, ячмень, всевозможныя огородныя овощи и при всей своей вони и грязи очень любятъ цвѣты! Обра-ботка земли образцовая, но совершается примитивно.—ни машинъ, ни плуговъ, ни даже хорошей сохи нѣтъ,—все дѣлается отъ руки, мотыгой, лопатой, скряжкой, серпомъ... да вѣдь какъ? Только любоваться нужно! Они не сѣютъ въ

нашемъ смыслѣ, а скорѣе сажаютъ каждое зернышко, тщательно вынашиваютъ, такъ что поля производятъ полнее впечатлѣніе отлично, старательно воздѣланнаго огорода. Скотъ далеко не у каждаго хозяина есть и потому съ поля въ деревню все несутъ сами на коромыслахъ, такимъ-же способомъ несутъ и продукты на базаръ. Мельницъ буквально нѣтъ ни одной, а мелютъ патріархальнымъ способомъ: накладываютъ камень на камень и вертятъ; если есть осель. — онъ это дѣлаетъ съ завязанными глазами, а нѣтъ, такъ вертятъ сами. Замѣчательны въ деревняхъ колодцы... они выложены внутри тесаннымъ камнемъ, вообще вѣковѣчный характеръ многое носитъ здѣсь, арбы напримѣръ. Ну что-бы сдѣлать легкую телѣжку, вѣдь и одинъ мулъ повезъ-бы, — нѣтъ, ѣздить на такихъ тяжелыхъ арбахъ, что меньше трехъ животныхъ и запречь нельзя... такъ ѣздили вѣрно китайцы 2000 лѣтъ назадъ, такъ и теперь! Представьте, что творится съ этими арбами въ періодъ дождей?!... Пріѣхали съ позицій офицеры и рассказываютъ, что наши войска и японскія стоятъ другъ отъ друга очень близко, такъ что днемъ штыкъ, ни другіе не могутъ высунуть головы изъ окна, сейчасъ-же пуля! Однако скука смертная томить обѣ стороны, вотъ и начали утѣшаться: наши выставили чучело, японцы тоже и открылась состязательная стрѣльба. Если нашъ попадетъ, — японцы на палкѣ поднимаютъ бѣлый флагъ, — если нѣтъ, — черную шапку, такимъ-же сигналами и наши отмѣчаютъ японскую стрѣльбу. Затѣмъ, — между позиціями обѣихъ армій протекаетъ узкая рѣчка „Шахе“... водица бѣжитъ чистенькая такая... японцу и русскому одинаково смерть какъ хочется попить. Вотъ въ одномъ мѣстѣ какъ-то и условились... дадутъ сигналъ наши, японцы отвѣтятъ, и идутъ нашъ и японецъ безъ оружія съ ведрами за водой, отдадутъ другъ другу честь, наберутъ воды и расходятся къ своимъ позиціямъ, стрѣльбы не производится. Нѣсколько разъ такъ дѣлали, все шло хорошо, но на какомъ-то разѣ не стерпѣла русская душа и давай ругательски ругать японца, — а тотъ маленько по русски-то смекнулъ, да оскорбился, сталъ отвѣчать. Русскій кричитъ: „давай на кулачки“... тотъ согласился, рѣчка мелкая... живо перескочили и пошло... и кулаками, и ведрами. А съ позицій на это еди-

борство объ арміи любятъ!... Кончилось тѣмъ, что съ суровавленными физиономіями явились борцы каждый къ своимъ позиціямъ. Среди японцевъ многіе говорятъ по русски и часто переговариваются съ нашими, напр. вечеромъ причать: „русскіе, не стрѣляйте сегодня ночью и мы не удемъ, давайте поспимъ!“... А утромъ здороваются... вѣдь есть мѣста, гдѣ между позиціями 400—500 шаговъ! У меня новое горе: заболѣлъ мой „китаецъ“—бѣленькая лошадка острымъ хроническимъ воспаленіемъ глазъ! Я послалъ его лечиться въ Мукденъ, немного лучше стало, но ветеринарный врачъ увѣряетъ, что непременно ослѣпнетъ, очень жаль, придется опять вѣзти на „другъ“. Ксенофонтъ сейчасъ принесъ мое бѣлье... не только вѣстираль, но даже выгладить! Я давно велѣлъ выбросить утюжекъ и думать, что это исполнено. Смотрю сегодня торжественно несеть бѣлье, и улыбка во весь ротъ... „Ну, думаю, что-нибудь не такъ... а вѣдь бѣлье-то, кажется, выглажено?“ говорю... „Такъ точно, это значить вы приказали выбросить утюжекъ-то, а я думаю—зачѣмъ? пригодится, да и спрятали,—вотъ теперь и выгладить, совсѣмъ видъ другой!“—побѣдоносно заявляеть.—Входитъ Михаилъ, и оба сразу съ грустью говорятъ, что вѣтеръ и морозъ такіе, что завтра служить будетъ невозможно, значить и просфоры печь не нужно!... День на день не приходится“... говорю я: „Господь-то по добротѣ своей завтра можетъ послать и погоду... просфоры нужно печь непременно!“—Теперь мы опять обзавелись собственной печью, Галкинъ въ землянкѣ сложилъ... Подошелъ я къ ней, заглянулъ... сидитъ Нечаевъ и топить печь, а Ксенофонтъ согнувшись натираетъ тѣсто, такъ и зовемъ его теперь „Ксенофонтъ-просфорникъ“.—Надвигается ночь,—вѣтеръ воетъ по прежнему... морозъ крѣпчаетъ... На всякій случай готовлюсь служить литургію!...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо о. Митрофана Сребрянскаго*).

Глубокочтимый и дорогой во Христь
собратъ о. М—ъ!

Господь да воздасть вамъ Своею благодатию за вашу любовь и вниманіе ко мнѣ грѣшному.—Я получилъ письмо ваше, радуюсь, что Вы и дѣти ваши здоровы и благополучны. Я—тоже все еще живу и даже здоровъ, что всецѣло приписываю милости Божіе по вашимъ св. молитвамъ. Мы составляемъ конный отрядъ генерала Степанова и постоянно находимся въ боевыхъ разъѣздахъ, охраняя правый флангъ вашей арміи отъ хунхузозъ и обхода японцевъ. Сейчасъ съ 5-го іюня находимся въ резервѣ у ген. Мищенко, который недавно разбилъ десятитысячный отрядъ японцевъ. Что-то сильно говорятъ о мирѣ, но въ арміи большинство шириться не хотятъ, да и я стою за войну, вѣдь позоръ-то какой для Отечества! Впрочемъ воля Бога и Царя для насъ законъ,—что будетъ,—то будетъ! Надо смириться! Мы все время на границѣ Монголіи въ 180-ти верстахъ отъ жел. дороги, сами поймете, какъ трудно доставать здѣсь необходимое для существованія! Сѣна и соломы нѣтъ совсѣмъ, черно гаолянное только и то съ трудомъ понемногу доставать, спасибо трава подросла, солдаты ее косятъ и кормятъ лошадей. Трудновато и опасно но мы свыклись. Благословляю дѣтей вашихъ. Цѣлую крѣпко васъ! Вашъ душой.

Священникъ Митрофанъ Сребрянскій.

10 іюня, 1905 г.,

д. Тавайза.

* Письмо это адресовано къ одному изъ сотрудниковъ Редакціи и замѣчательно тѣмъ, что даетъ свидѣтельство о настроеніи нашей арміи. Ред.

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Миколая Профана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

24-е Октября.

Утро... чуть-чуть свѣтаетъ... я еще лежу... слышу тихонько подходить Михаилъ и говорить въ подполоса: „Тышка, а вѣдь на дворѣ-то совсѣмъ тихо, только морозъ градусовъ десять, просфоры испекли, можетъ быть отслушимъ?“... „Конечно отслушимъ“, говорю я, — „часамъ 10^{1/2}, солнышко намъ поможетъ тепломъ своимъ! Скажи эскадронамъ, чтобы мели площадку для церкви да на службѣ надѣли шлемы на головы!“ Какъ я радъ... а вчера такъ грустно было на душѣ! Живо вскочилъ, все привелъ въ порядокъ и побѣжалъ на свою дорожку служить утрекѣ. Морозище такой, что пришлось надѣть мѣховыя рукавички. За линіей жел. дороги гулъ множества голосовъ. — Пѣхотинцы полки собираютъ съ полей брошенный китайцами гаолянскіе складываютъ его въ скирды, строятъ шалаши... Къ десяти часамъ поставили церковь и душа моя возрадовалась. — Только пришли наши эскадроны, но и много отъ другихъ частей: эскадронъ Нѣжинскаго полка, телеграфныя роты 17-го и 6-го саперныхъ батальоновъ, обозные 17-го корпуса и наши... цѣлое множество... вѣдь это такъ приятно!... Часъ читать благословилъ сапернаго унтеръ-офицера, онъ былъ неописуемо счастливъ и хотя съ тропаремъ и кондакомъ никакъ не могъ справиться, но это не мѣшало его воодушевленію. — напр. говоря „придите поклонимся Христу Царю и нашему Богу“... онъ на самомъ дѣлѣ кланялся въ землю... замѣчательно религиозный!... Св. Литургія прошла и на этотъ разъ по милости Божіей хорошо. Михаилъ меня очень утѣшилъ: послѣ Евангелія вдругъ слышу заглаго „Господи помилуй“ на тѣ мотивы, что пѣлись въ нашей церкви на незабвенныхъ службахъ въ четверги и пятницы.

большихъ усилій стоило мнѣ удержаться отъ слезъ!.. Ну
 и солдаты же есть богомольные, особенно изъ запасныхъ...
 многие прямо почти всю службу стояли на колѣнахъ и мо-
 лились такъ усердно, отъ всего сердца, что трогали до глу-
 бины души!—„Вѣрую“, „Отче нашъ“ по обычаю пѣли всѣ!..
 Поразили меня за этой службой китайцы... Цѣлой толпой
 подошли они еще когда мы ставили церковь, осмотрѣли
 каждую икону и затѣмъ, ставъ въ сторонѣ, всю литургію
 простояли, не двигаясь съ мѣста, сосредоточенно слушая и
 наблюдая происходящее! Вѣдь общественнаго Богослуженія
 въ нашемъ смыслѣ у нихъ не существуетъ или по крайней
 мѣрѣ до сихъ поръ я ни въ Ляоянѣ, ни въ Мукденѣ этого
 не замѣтилъ! Среди китайцевъ стоялъ нашъ штабный пе-
 реводчикъ, прекрасно говорящій по-русски, онъ, вѣроятно,
 и давалъ нѣкоторыя поясненія своимъ соплеменникамъ!
 Проповѣдь я говорилъ на Евангеліе... что вотъ пришелъ въ
 страну Гадаринскую Господь и по Милосердію Своему исцѣ-
 лить бѣсноватаго, изгнавши изъ него легионъ бѣсовъ.
 Нецѣлнейный такъ былъ радъ и благодаренъ. Спасителю,
 такъ полюбилъ Его, что слѣдовать за Христомъ, всегда
 быть съ Нимъ, слушать Его св. ученіе и угождать Ему—
 поставилъ себѣ единственною цѣлю жизни, единственнымъ
 счастіемъ! Съ другой стороны, жители Гадары, тоже имѣю-
 щіе грѣхи и болѣзни, видя такое чудо милосердія Спаси-
 теля, должны бы бѣжать къ Нему... просить прощенія грѣ-
 ховъ своихъ, исцѣленія болѣзней, просвѣщенія. Но... огру-
 бѣли сердца ихъ въ погоню за житейскими зыгодами и
 вѣчному спасенію они предпочли отреченіе отъ Христа и
 вратковременныя блага! Послали сказать Спасителю, чтобы
 Онъ ушелъ изъ предѣловъ ихъ... и Господь ушелъ, но тоже
 съ милосердіемъ: повелѣлъ исцѣленному остаться и пропо-
 вѣдывать соплеменникамъ своимъ покаяніе, спасеніе... вѣдь
 Христосъ явился на землѣ „взыскать и спасти погибшее!“
 Просилъ воиновъ и на себя обратить вниманіе... вѣдь бѣс-
 новатый не только тотъ, кто явно одержимъ бѣсомъ, но всякій
 нераскаянный грѣшникъ, любящій незаконную жизнь и не
 желающій исправляться, какъ и говоритъ св. апостоль; кто
 дѣлаетъ грѣхъ, тотъ отъ діавола, потому что діаволъ сна-
 чала согрѣшилъ“... Большинство и не подозреваетъ, что

всѣ свои грѣховныя дѣла творять они по наущенію, со-
 лазну древняго клеветника—дѣвола, какъ послушныя раба-
 его, воображаютъ, что это ихъ *естественныя* желанія... вѣ-
 вѣдь если бы дѣвола всегда дѣйствовалъ открыто, то е-
 и слушать бы не стали! Кому грѣхъ доставилъ счастье? Вѣ-
 вѣчное, конечное, а даже земное?... никому, а всегда, на-
 оборотъ, разстраиваетъ мирную святую жизнь души, до-
 водитъ до унынія, отчаянія, убиваетъ ее, да и земное бла-
 и сосостояніе и здоровье также убиваются имъ! Такъ неужели
 будемъ и далѣе пребывать во грѣхахъ? О, скорѣе обратимся
 къ Спасителю! Горячей *второй*, пламенной *молитвой*, о сокру-
 шеннымъ *покаяніемъ*, *рвѣнностью* въ дальнѣйшей жизни
 начать исправляться привлечемъ къ себѣ Господа Христа,
 умолимъ Его, да проститъ насъ, да исцѣлитъ наши немощи
 души и тѣла, да просвѣтитъ, да поможетъ намъ въ труд-
 дахъ нашихъ! Вѣдь милосердіе Спасителя уже надъ нами,
 Его сладкій прощающій голосъ каждый слышитъ въ таин-
 ствѣ покаянія, Его укрѣпляющую силу каждый получаетъ
 въ прочихъ таинствахъ и особенно въ Евхаристи! Будемъ
 же подобно исцѣленному бѣсноватому всегда благодарить
 Господу, и единственная *цѣль* жизни нашей дальнѣйшей
 счастье да будетъ въ любви къ Спасителю и въ слѣдованіи
 за Нимъ святыми *чувствованіями* и добрыми дѣлами нашей
 жизни! Да сохранитъ насъ Господь отъ ужаснаго грѣха
 Гадаринскихъ жителей—отреченія отъ Христа и вѣчнаго
 спасенія, —а каждый упорный, нераскаянный грѣшникъ
 и отрекся уже... горе ему... и вѣчная погибель блюдетъ его!
 и *кто* Обѣдаемъ... у насъ гость... настроенъ страшно пес-
 мистически. И то, и другое надо бы во его иначе... а мы
 окажется, что если бы все шло, какъ по маслу, то, пожалуй
только себѣ приписали бы окончательную побѣду!... Теперь
 трудимся, какъ можемъ... вѣдь у насъ и всегда такъ быва-
 а все же въ концѣ концовъ побѣждали, зато это къ сла-
 ренію располагаетъ, а смиреннымъ даетъ Господь благода-
 Побѣдимъ, дастъ Богъ и рабами гордыхъ еретиковъ не бу-
 демъ... вотъ братьями—готовы, если они отбросятъ свою
 отъ гордыню и увѣруютъ во Христа, Посему, когда побѣдимъ
 то прежде всего воздадимъ славу *Силѣ* Божіей, а потомъ
 отъ уже должное и человѣческихъ слабымъ силамъ... Такъ

лучше, гордости поменьше! Да, испытаніе, — это великій пробный камень твердости въ вѣрѣ и любви ко Господу!! Однако правда остается правдой: армія наша чудная — терпѣливая, не унывающая... Если представить все обстоятельство и условія войны здѣсь, какъ мы ее называемъ „колоннальной“, такъ надо удивляться, что такъ хорошо все идетъ, другая армія на нашемъ мѣстѣ неизвѣстно еще, что сблала бы?!... Недаромъ, какъ говорятъ, японцы послѣ послѣднихъ битвъ кричатъ намъ изъ окоповъ: „русскіе, долго вы еще будете мучить насъ?“ Это что-то не похоже на побѣдный кликъ... Ну, а дальше, что Богъ дастъ!...

(Продолженіе будетъ).

За войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продо жженіе).

25-е Сентября.

...Удивительно рѣзко измѣнилась погода; сегодня совершенно тепло, такъ что я ходилъ утромъ гулять до ст. „Суютунъ“ въ тепломъ подрясникѣ и назадъ едва добрелъ. — такъ жарко... Около станціи оживленіе, тысячи солдатъ строятъ дорогу шириною въ 50 аршинъ на протяженіи всего фронта, чтобы во время предстоящаго сраженія свободнѣе было передвигать резервы въ разные пункты. Я нарочно постоялъ, понаблюдаль... Оживленіе полное, унынія нигдѣ вездѣ смѣхъ, шутки, прибаутки, а шутятъ-то кто? бородачи, въ большинствѣ семейные, — ужъ, кажется, имъ-бы носъ-то повѣсить!... Вы въ Россіи больше предаетесь унынію, нежели мы здѣсь... Стыдно! Господи, куда ни оглянешься — море людей и все военные... Кажется, теперь когда увижу штатскаго или женщину въ модномъ костюмѣ, то удивленіе не будетъ конца! Сегодня прошелъ около линіи жел. дороги какой-то пожилой господинъ въ штатскомъ пальто и шляпѣ, съ длинной бородой... Такъ вѣдь останавливались, взглядывались на него и все спрашивали, что это за человѣкъ такой? Съ двухъ часовъ дня у насъ необычайное оживленіе и торжество: получили подарки отъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровы — офицеры и чиновники каждый по $\frac{1}{2}$ ф. чаю, 2 ф. сахару, $\frac{1}{4}$ ф. кофе (или табаку), клюквенный экстрактъ, фланелевыя рубашки и кальсоны, 2 пары чулокъ, 3 нос. платка, кусокъ мыла.

коробку печенья, конверты, бумагу, карандашъ, лимонную кислоту, кусокъ марли. Солдаты каждый получили: $\frac{1}{4}$ ф. чая, 1 ф. сахару, рубаха, кальсоны, кисеть, портянки, платки, мыло, бумага, конверты, карандашъ, крючки, пуговицы, наперстокъ, нитки, подсолнухи или табакъ, ножъ. Кромѣ того отъ Великой Княгини Елисаветы Феодоровны наши солдаты получили табакъ, огниво, мыло, спички и лѣкарства. Нужно было видѣть восторгъ всѣхъ чиновъ арміи! Искреннее „ура“ гремѣло вездѣ и русское сердечное спасибо Царственнымъ заботницамъ нашимъ! Въ этотъ же день интенданство прислало каждому солдату китайскую ватную куртку и ватные чулки. Ожидаемъ еще одного блага: ходитъ слухъ, что солдатамъ на зиму выдадутъ валенки... Однимъ словомъ, жить и воевать можно! Вотъ вы тамъ пессимистически настроены,... по вашему мы еще не побѣдили, а наши солдатики иначе рассуждаютъ: „когда „добивать“ его (японца) пойдемъ?“ все спрашиваютъ! Нашимъ полкомъ очень довольны всѣ начальники... онъ служитъ всему корпусу и другимъ, держа *связь* между отрядами, постоянно производитъ развѣдки для 35 и 3-й пѣх. дивизіи и артиллерійскихъ бригадъ! Во время самыхъ сраженій наши эскадроны производятъ усиленные развѣдки, подъ огнемъ развозятъ приказанія, открываютъ япон. батареи, доставляя всѣмъ этимъ отличныя свѣдѣнія войскамъ и артиллеріи. Особенно отличились наши эскадроны въ послѣднихъ сраженіяхъ, такъ что представлено очень много къ Георгіевскому кресту, да есть уже 18 георгіевскихъ кавалеровъ. Сейчасъ пришла радостная вѣсть: считавшійся убитымъ 15-го авг. рядовой 6-го эскадр. нашего полка Раскопатынъ оказалось взятъ былъ въ плѣнъ, бѣжалъ и сегодня послѣ страшныхъ мытарствъ, наконецъ, добрался до нашихъ позицій и скоро прибудетъ въ полкъ!.. Подробности напишу, когда разспрошу плѣнника. Все только себя мы любимъ критиковать, а вотъ какъ присмотрись лучше къ японцамъ, то окажется, что у нихъ далеко не все обстоитъ благополучно! Изъ нашего плѣна не убѣжишь, а изъ японскаго уже сколько прибѣжало!.. Послѣ взятія Путиловской сопки японцы такъ разбѣжались, что въ тылу нашей арміи ловили ихъ потомъ.

26-е число, еще лучше погода, и я грѣшный цѣлый день почти провель на воздухѣ... Когда еще будетъ такой мирный, свѣтлый и теплый день! Завтра думаю поѣхать въ деревню. Тадзеннѣ и отслужить въ эскадронахъ св. Литургію.

(Продолженіе будетъ).

Х а в о й н ь .

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

27-е Октября.

...Вчера, только мы улеглись, какъ вдругъ поднялась орудійная пальба и ружейная „трещетка“ на протяженіи всей 35-й дивизіи!... Японцы сдѣлали нападеніе, — но жестоко поймались: наши выдержали себя, сначала не стрѣляли, а какъ только вылѣзли японцы изъ окоповъ, наши и открыли стрѣльбу залпами:.. Всѣ атаки отбили и непріятель до утра убирать своихъ убитыхъ и раненыхъ! Въ девять часовъ я съ церковію пріѣхалъ въ дер. „Тадзенъ“.. Пришли солдаты помогать ставить... Одинъ говоритъ мнѣ: „ну, батюшка, и посмотрѣлся же я сегодня страстей! Съ разбѣдомъ выѣхали мы рано утромъ и видѣли поле, покрытое японскими трупами, почти всѣ раздѣты, у многихъ окочевѣлыя руки подняты вверхъ... вообще лежатъ въ разныхъ положеніяхъ... просто ужасъ!“ Въ 10 час. началась св. Литургія.. на этотъ разъ и вѣтерокъ былъ и батареи наши рядомъ стрѣляли... канонада была порядочная, такъ что я даже послалъ спросить полковника В—го, можно-ли проповѣдывать или надо поспѣшить? Отвѣтилъ, что минутъ десять еще можно. Проповѣдь говорилъ на ту же тему, что и у себя въ воскресеньѣ. Въмѣсто концерта велѣлъ прочесть „Воскресни Боже, суди земли“... и „Ангель вопіюще“... Сознаю, что это не своевременно по уставу церковному... Но здѣсь, когда страданія и смерть кругомъ передъ глазами, и притомъ каждый ожидаетъ, что, быть можетъ, сегодня-же, даже сейчасъ придетъ и его „страшный часъ смертный“, — напряженіе нервовъ, туга сердечная такова, что невольно дрогнетъ и мужественная душа!.. Вотъ здѣсь-то услышать радостную пѣснь... „Твой (Богоматри) Сынъ воскресъ тридневенъ отъ

гроба и мертвые востыгнувъ люди веселитесь“ необычайно утѣшительно!! Что-же... если и умремъ сегодня?! Въдъ воскресъ Спаситель нашъ и мертвыхъ воскресилъ, значить и насъ воскреситъ. Поэтому съ веселіемъ духовнымъ, радостно встрѣтимъ смерть, если угодно Господу ее послать намъ! На это и въ проповѣди указалъ! Приходить мысль даже „Христосъ воскресе“ пѣть на общей молитвѣ... Если я согрѣшилъ этимъ нарушеніемъ Устава церковнаго, то заранѣе усердно прошу св. Церковь, которую я чту и въ послушаніи которой пребыть до конца жизни считаю своимъ долгомъ и счастьемъ простить меня!! Въдъ среди этихъ скорбей военного времени хочется все сдѣлать, чтобы только доставить войнамъ возможно большее утѣшеніе, ободреніе... они въдъ тоже люди немощны! Подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ энергія духовная расходуется быстро.—значить, быстро-же, всѣми мѣрами нужно стараться и пополнить ее. Насколько религія христіанская необходима войну, между прочимъ, приведу слѣдующій рассказъ, переданный мнѣ полковникомъ В—ъ... „Я долго жилъ въ Японіи по дѣламъ службы и былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ ректоромъ Токійской духовной семинаріи. Вотъ однажды онъ пригласилъ меня къ себѣ на чай по случаю св. крещенія гвардейскаго офицера. Понятно я заинтересовался причиною, побудившею его принять христіанство. Оказалось, что главная причина была война. Офицеръ этотъ съ своимъ корпусомъ воевалъ на о. Формозѣ; страна гористая, населеніе особенно въ горахъ дикое, жестокое, и японцамъ пришлось сильно страдать. Вотъ здѣсь то, сказалъ офицеръ, при видѣ ужасныхъ физическихъ и душевныхъ страданій своихъ солдатъ, я не зналъ, чѣмъ ихъ и себя утѣшить?! Лучшимъ исходомъ была смерть, но какая? Безъ опредѣленной надежды на дальнѣйшее существованіе, безъ напутствія?! Вернувшись домой, я изучилъ христіанскую религію и нашель въ ней все, чего искала душа моя! Долго, съ большимъ оживленіемъ вели мы за чаемъ разговоръ на религіозныя темы... Гдѣ-то теперь этотъ православный японскій офицеръ? Можетъ быть убитъ уже!“ Замѣчательный рассказъ?! Какъ ярко онъ выражаетъ необходимость христіанской религіи для души челоуѣка! Истинно слово древ-

наго отца... „душа по природѣ христіанка!“ Возвратился я въ свою деревню, славя Бога, помогшаго совершить Богослуженіе, хотя, сознаюсь, такъ тревожно ни разу еще не служилъ св. Литургію!... Подъѣжаемъ къ фанзѣ... слышу звуки молотьбы. Что такое? Смотрю, казаки на сосѣднемъ дворѣ палками молотятъ рисъ, котораго они навозили себѣ массу!... Созрѣвшій рисъ имѣетъ стебель желтый, будучи связанъ въ снопы, производитъ впечатлѣніе пшеницы. Когда его вымолотятъ, то надо еще его рушить, какъ гречу!... Люблю я день, въ который служу Литургію: съ такимъ легкимъ, отраднымъ чувствомъ удовлетворенія проходитъ весь день.

(Продолженіе будетъ).

Жа войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

28—29 Октября.

...Съ утра вѣтеръ... пыль... и на проспектъ нельзя выйти. Проходящіе обозы вздымають тучи пыли и ею обдаеть

всего—предпочитаю сидѣть на своемъ „канѣ“ и читать. Спасибо еще фанза досталась хотя грязная и дырявая, но довольно просторная, нѣсколько шаговъ можно сдѣлать, вотъ уставши сидѣть, немного и погуляю. Все время, конечно, въ тепломъ подряеникѣ и скуфейкѣ; выпало два денька, что господинъ—морозъ куда-то изволилъ отбыть,—а теперь опять возвратился и попрежнему подбадриваетъ! Спасибо ему, а то бы поди заскучали! Интересно заглянуть, какъ на „чистомъ“ воздухѣ готовится намъ пропитаніе? Нашъ „поварь“, Ваня-солдатъ, на морозѣ котлеты выдѣлываетъ, подплясываетъ... а на сковородкѣ что-то шипитъ... это онъ рѣшилъ во что бы то ни стало сегодня блинчатые пирожки смастерить съ гаолянной начинкой! Да, мы вѣдь не какъ вѣбудь ѣдимъ... у насъ французская кухня? На вопросъ: „что сегодня будетъ на обѣдъ?“—Ваня не иначе отвѣтитъ, какъ по-французски: супъ „потафе“, котлеты „гаше“ и на третье „маседуанъ“. Просто потѣха, а онъ это совершенно серьезно докладываетъ. На холодъ Ваня не жалуется, а только искренно скорбитъ, что „вотъ вѣтеръ муку разноситъ“. Послѣ обѣда явился изъ Мукдена нашъ хозяинъ,—что-то похудѣлъ... Конечно, опять его угостили, дали денегъ, напирось. Въ благодарныхъ чувствахъ онъ общалъ въ слѣдующій разъ принести намъ „кулису“ (курицу) и яйца. Между прочимъ рассказывалъ, что ему снова было отъ часовыхъ на р. Хун-хе „ломаило“ и убѣдительно просилъ дать ему записку. Тогда адъютантъ пресерьезно даетъ понять ему, что записку онъ можетъ потерять, а вотъ если печать полковую приложить ко лбу, то и записки не нужно! Повѣрилъ „ходя“ и умоляетъ приложить печать. Тогда адъютантъ дѣйствительно приложилъ ко лбу его синей мастикой полковую печать... вышла великолѣпно! Китаецъ въ восторгѣ, теперь и записокъ не нужно... а у насъ при видѣ этой картины получился положительно „смѣхъ неподобный!“ Сегодня подсчиталъ потери нашего полка... по милости Божіей—мало, хотя работу полкъ несетъ *все время трудную и опасную!* По 29 окт. въ полку по болѣзни и отъ ранъ умерло десять (10) нижнихъ чиновъ, ранено пятнадцать (15), осталось на полѣ сраженія, неизвѣстно убитыми или взятыми въ плѣнъ, три (3) нижнихъ чина и вахмистръ Бурба, офи-

церовъ легко контужено два (2) — Сущинскій и Тимофеевъ. Сейчасъ получилъ письма изъ Орла съ описаніемъ празднества въ дорогихъ мнѣ церкви и школѣ 1-го октября!.. Не могу описать радости моей при чтеніи этихъ писемъ? Спасибо великое всѣмъ устроившимъ эту радость!.. Господь да благословитъ ихъ Своею благодатію. Что-то заболѣлъ у меня лѣвый глазъ, вѣроятно, ячмень, хожу три раза въ день къ доктору... все таки дѣло!.. Просыпаюсь 29-го... надо мной въ полумракѣ, какъ тѣнь, стоитъ Ксенофонтъ!.. слышу его тихій голосъ: „батюшка, какъ спали? не озябли? воду я уже приготовилъ“. Онъ каждое утро рано является и караулить, когда я проснусь!.. Умываемся!.. передаю ему отъ матушки и орловцевъ поклоны, онъ всегда отъ этого въ восторгѣ! Весь день прошелъ однообразно-грустно!.. Даже пустяка и то нѣтъ для записи. Японцы ежедневно нападаютъ, наши успѣшно отбиваютъ!.. Стрѣльба ежедневно, но мы такъ уже къ ней привыкли, что не обращаемъ никакого вниманія!

30—31 Октября.

Погода окончательно испортилась!.. къ холодному вѣтру присоединился дождь, снѣгъ!.. если и завтра такъ будетъ, то служить немислимо! После чаю пошелъ на новоселье къ Михаилу и Ксеноф. въ ихъ землянку. Очень хорошая вышла квартира: въ полтора аршина глубины вырыли погребъ, на него строили, внутри обставили гаолянью, снаружи засыпали землей, устлали полъ цыновкой, даже и иконочку св. Николая повѣсили. Михайлъ сидитъ на своемъ ложѣ, ноги завернулъ въ полушубокъ и читаетъ Ксенофонту „Свѣтъ“; завтра они будутъ строить себѣ что-то вродѣ печи. После обѣда привели къ намъ рядового 6-го эск. *Раскопанина*, который 15 августа былъ взятъ японцами въ плѣнъ и бѣжалъ. Разсказъ о томъ, какъ онъ странствовалъ, я записалъ за нимъ и потому передамъ его словами!.. „Этотъ значить было 15-го августа“, началъ онъ, „я былъ посланъ поручикомъ Ведерниковымъ въ дозоры!.. Только выѣхалъ изъ деревни, какъ японцы изъ засады дали залпъ и убили подо мною лошадь. Вытащилъ я ноги изъ подъ сѣдла да и побѣгъ въ гаолянью!.. думалъ, къ своимъ бѣгу, анъ глядъ прямо на ихъ пѣхоту наткнулся, наставили

они на меня винтовки дала, дала, ала, ала, кричат и схватили. Живым манером сняли съ меня винтовку, пашку и потащили въ фанзу. Тутъ мнѣ было допросъ, только я ничего не понялъ, что они алакали, такъ и бросили меня! Сижу день, другой... дають по маленьку рису, а больше ничего, такъ десять дней просидѣлъ вродѣ какъ на этапѣ, а мимо то все ихня войска шли. Вотъ разъ ночью сижу на канѣ, не сплю, потому тоска слышу захрапѣть часовой, подошелъ я тихонько къ двери... вижу спитъ, а ружье ремнемъ къ рукѣ привязалъ. Забилось во мнѣ сердце, думаю... все равно погибать, — Господи, помоги мнѣ убѣжать! Сначала думалъ штыкомъ его убить, который на боку виситъ вродѣ пашки, а потомъ раздумалъ. Забрался на канѣ, потихоньку разобралъ гаолянъ на крышѣ, высунуть голову... все хранить... тогда я перекрестился да и вылъзъ наружу, спустился и бросился бѣжать черезъ огороды прямо на сонку... перемахнулъ... еще сажень 200 отбѣжалъ — утро подходит, думаю: надо на день прятаться. Нарвалъ гаоляну и залѣзъ подъ большой камень..., подъ нимъ отъ воды образовалась ямка и водицы еще немного было. Натеръ я руками гаоляну да и поѣлъ сырой, пригоршней набирая воды, попилъ, лежу! Весь день шла ихъ пѣхота, конница, обозы... никакъ невозможно уйти, такъ четыре дня пролежалъ подъ камнемъ этимъ. Потомъ стало тише и я ушелъ. Дошелъ до рѣчки большой и по горло въ водѣ перешелъ ее ночью, а днемъ лежу въ гаолянѣ, которымъ и питался: воду пилъ на дорогѣ изъ колеи. Долго плуталъ я, наконецъ дошелъ до желѣзной дороги, забрался ночью подъ мостикъ и спрятался за бадкой. Днемъ приходили туда солдаты, но меня не замѣтили; я видѣлъ, какъ они гоняли на себѣ вагоны паровозовъ не было. Слѣдующей ночью я ушелъ въ поле и легъ въ гаолянѣ на день. Смотрю, пришли китайцы жать: я имъ говорю, что я русскій солдатъ, прошу ихъ спрятать меня, а то придетъ японскій солдатъ и мнѣ будетъ „контрами“. Въстѣ съ тѣмъ показываю, что мнѣ очень хочется кушь-кушь и что, если они меня спасутъ, — то большой русскій капитанъ дастъ имъ много-много рублей. Китайцы между собою поговорили что-то, положили меня на землю и укрыли гаолянными снопами, а сами ушли, говоря, что

сейчасъ принесутъ мнѣ кушъ-кушъ. Дѣйствительно, очень скоро возвратились, принесли лепешекъ и варенаго рису; я съѣлъ и попилъ хорошей воды, затѣмъ уснулъ, а ночью они взяли меня въ свою фанзу. Хозяинъ фанзы оказался старшиной, посадилъ меня на канъ, накормилъ, напоилъ чаемъ и даже далъ рюмочку ханшину. Пришелъ китаецъ, немного говорить по-русски, объяснилъ мнѣ, что сюда каждый день заѣзжаютъ японцы, и мнѣ будетъ „контрами“ (убьютъ), если я останусь такъ, и потому мнѣ нужно переодѣться. Сейчасъ-же обрили мнѣ усы, бороду, половину головы, обмотали голову синимъ платкомъ, надѣли китайскую шляпу и одежду и велѣли притвориться нѣмымъ. Затѣмъ перевели меня въ другую деревню и помѣстили къ китайцу, у котораго я довольно долго работалъ. Однажды черезъ переводчика хозяинъ приказалъ мнѣ становиться на колѣни и молиться ихъ богамъ. Заплакалъ я, сталъ на колѣна, а самъ молюсь по нашему, говоря: „Пресвятая Богородица, спаси меня грѣшнаго!“ Послѣ этого онъ привелъ китайскую мадамъ съ двумя дѣтьми, посадилъ меня рядомъ съ ней на канъ и говоритъ, что это теперь моя бабушка и мои дѣти... значить женили меня. Только я это будто заплакалъ и говорю, что у меня уже есть бабушка и свои двое дѣтей; лучше проводите меня къ русскимъ, капитанъ русскій за это много-много денегъ дастъ! Днемъ прѣзжали японскіе разъѣзды, брали фуражъ и даже тащили съ собою дѣвушекъ китайскихъ, если находили, меня же не узнавали. Черезъ нѣсколько дней три китайца вызвались проводить меня къ русскимъ. Я иду за ними будто нѣмой; японцы останавливали, осматривали, но меня такъ и не узнали,—даже черезъ мость прошелъ и часовые пропустили! Зато какъ я подошелъ къ нашимъ постамъ, такъ прямо зарыдалъ! Солдаты наши хстѣли стрѣлять, но я закричалъ: „братцы—я свой!“ Тогда взяли меня и привели къ офицеру!... Въ концѣ разсказа Раскопатынъ, бритый, въ китайскомъ халатѣ, расплакался... видно нервы его совсѣмъ растрепались. Онъ все боялся, что китайцы выдадутъ его японцамъ, а они оказали ему истинное добро, спасибо имъ!—Командиръ корпуса приказалъ Раскопатына произвести въ унтеръ-офицеры и пред- ставить его къ Георгіевскому кресту. Спрашивали его, не

видѣлъ-ли въ плѣну вахмистра нашего Бурбу? — нѣтъ, не видалъ... Погода разыгралась такая, что выйти невозможно; солдаты, какъ сурки, поцрятались въ землянки; мы тоже сидимъ въ фанзахъ. Служить нѣтъ никакой возможности, страшно грустно!

31-е число прошло тоже въ сидѣньи. (Продолженіе слѣдуетъ).

Жа войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

1-е Ноября.

Вотъ уже и ноябрь пришелъ... охъ! какъ давно мы изъ Россіи! кажется, годы прошли... ну, да ничего, только бы у васъ тамъ не было унынія,—а мы-то перетерпимъ!.. Помни-

те, что Богъ —нашъ генераль, а войны наши тѣ-же чудо-богатыри, что и прежде были! Посему надежда и надежда должна быть въ сердцахъ, а не унылая какая-то тоска, что просвѣчиваетъ въ газетахъ и во многихъ письмахъ съ родины! Стыдно, мнѣ кажется, унывать русскимъ, знающимъ кое-что изъ своей исторіи, да еще православнымъ христіанамъ! Не десять мѣсяцевъ какъ теперь, а цѣлые долгіе годы переживала Русь святая военныя невзгоды и даже разоренія, —а все-таки при помощи Господа, Владычицы и святыхъ, да русскаго мужества и терпѣнія выживала и все росла! Такъ будетъ и теперь... побѣдимъ, Богъ дастъ, и сладостный миръ снова низойдетъ въ свое время на наше отечество! Потерпимъ! Ну, а морозъ сегодня Богъ далъ настоящий. Довольно глубокия лужи у нашей фанзы замерзли, выдерживаютъ чедовѣка, думаемъ вечеромъ изслѣдовать нашу „Неву“! Краснымъ полымемъ утреннія и вечернія зори горятъ, и солдатики довольно усердно потираютъ себѣ носы и уши, а наше традиціонное похлонываніе руками, постукиваніе погами и криканье со словами: „ну хорошъ морозецъ!“... слышится вокругъ безъ конца! Морозъ около 15° да вѣтерокъ въ прибавку. Съ утра сидимъ на канахъ, облачившись во все теплое и по русскому обычаю подтруниваемъ надъ врагомъ... что моль „ниппонамъ“ (такъ зовутъ японцы себя) теперь не весело, каково-то они, южные жители, танцуютъ сейчасъ въ траншеяхъ! Вѣрно проклинаятъ милое супружество г. мороза съ зимушкой-зимой, съ которыми они по собственной своей охотѣ такъ близко познакомились?! не начинали-бы!! Шутимъ... будто матушка-зима однихъ „ниппоновъ“ студитъ, а насъ грѣетъ?! Но у насъ ужъ законъ таковъ, что „завѣй свое горе веревочкой да по вѣтру!!... чтобы и духу его не было. Да, много приходится удивляться нашимъ воинамъ! Вѣдь надо не только воевать и переносить прелести зѣбняго климата, а и о пищѣ и топливѣ заботиться. Правда, интенданство въ эту войну стоитъ на должной высотѣ и дѣлаетъ для арміи, что возможно—это голось всѣхъ... Но многое, очень многое части должны пріобрѣтать сами на отпускаемые деньги, напр. топливо, добрую половину фуража, мяса... Денегъ на это много даютъ, да вѣдь и за деньги иной разъ трудно достать. Такъ и бываетъ, что стоитъ полкъ на позиціи, а за скотомъ ѣздить солдаты верстъ за 40—50 назадъ... То-же и фуражъ... за чумизой, за дровишками верстъ за 10—15 и болѣе ежедневно отправляются и недостатку въ чемъ-нибудь не было еще... Несмотря на множество трудностей, унынія въ арміи нѣтъ.—въ этомъ можно ручаться!.. Бдутъ обозы, идутъ „смѣны“ на позиціи, и какихъ только костюмовъ нѣтъ?!.. Блѣдые полушубки, черные, короткіе, длинныя,—шинели, китайскіе

ватные халаты, пуйки... папахи, фуражки, китайскія войлочныя шапки... все перемѣшалось, какъ въ калейдоскопѣ! Офицеры тоже въ разномъ одѣяніи! Всѣ другъ надъ другомъ острить по поводу костюмовъ... одно несомнѣнно; всѣмъ тепло! Такъ весь день и прошелъ... сидѣли, пили чай, говорили, опять пили чай, читали вслухъ газеты отъ 5-го октября—самыя новѣйшія! такъ и прошло 1-ое ноября, какъ и предыдущіе дни, скучно, однообразно!

Морозъ еще крѣпче, но тихо, и потому погода кажется теплой, все-таки на воздухъ служить невозможно, и я все откладываю Богослуженіе... грустно, но что-жъ сдѣлать? Ни одной фанзы нѣтъ въ нашей деревнѣ просторной, чтобы устроить въ ней службу; вотъ 4-го ноября думаю вѣхать въ дер. „Тадзейнъ“, тамъ есть подходящая фанза, можетъ быть удастся отслужить св. литургію! Положительно удивляютъ меня наши хозяева китайцы. Недаромъ кто-то изъ мудрыхъ совѣтуетъ при встрѣчѣ съ человѣкомъ прежде всего искать въ немъ остатки образа и подобія Божія, т. е. хорошее, доброе... дурное же и само наружу выйдетъ! Вотъ и китайцы, при массѣ несимпатичныхъ чертъ, имѣютъ много и хорошаго, которое при внимательномъ наблюденіи и добромъ къ нимъ отношеніи обнаруживается. Напр., ихъ истинно братское отношеніе въ продолженіе болѣе мѣсяца къ нашему солдату 6-го эск. Раскопатину?! Въдь это прямо въ „восторгъ“ всѣхъ насъ привело! Теперь наши хозяева.. мы дѣйствительно хорошо къ нимъ относилсь, по и они не пожелали остаться въ долгу. Сегодня послѣ обѣда вдругъ открывается дверь и съ побѣдоноснымъ видомъ вваливаются наши хозяева, два брата... улыбка отъ уха до уха. Отдали намъ честь по военному и громко говорятъ: „капетана, кулса есть, глуса“ и положили на столъ двухъ куръ и 10 грушъ. Мы подумали, что это они изъ Мукдена принесли продать намъ, потому я и спрашиваю: „сколько вамъ „денга надо?“ Они сдѣлали изъ себя знакъ вопроса и потомъ вдругъ оба заговорили: „о капетана, капетана... денга ни нада, шибко знакомъ.“... Итакъ нѣсколько разъ и головами качали, т. е. что это они по знакомству, по дружеству принесли намъ, помня наше добро;—очень растрогали насъ! Я все-таки досталъ немного денегъ и даю одному... опять отказы, потомъ взять, подержалъ немного въ рукѣ... вдругъ положить на столъ, замахать руками и опять „шибко знакомъ, ни нада.“ Едва уговорилъ взять и то только тогда, когда убѣрилъ его, что это я даю „бабушкѣ“ его и дѣтямъ! Сколько разъ уже приходили они къ намъ... при насъ словари и разговоры русско-китайскіе печатные, но мы къ нимъ не прибѣгаемъ, объясняемся такъ. Здѣсь образовался какой-то

свой особый „русско-китайскій жаргонъ“, на которомъ обѣ стороны трещать безъ умолку и отлично понимаютъ другъ друга. Въ этотъ жаргонъ вошли русскіе слова на китайскій ладъ и чисто китайскія. Вотъ нѣсколько для примѣра: „ломайло“ (отъ рус. ломать, болѣть) убытокъ, „куи куи“ (курить), „лѣба“ (хлѣбъ-пища), „ханшнѣ“ (водка), „контра-ий“ (убить), „пилюля“ (выстрѣль, ударъ), „куи-куи“ (вѣсть), „моя“ (я), „твоя“ (ты), „шанго“ (хорошо), „жудо сест“ (плохо дѣло), „кохонди“ (работать) „иго солнце“ (одинъ день), „сахле“ (сахаръ), „машинка“ (обманщикъ), „шибко“ (очень), „ходя“ (знакомъ-другъ), „капетана“ (офицеръ-чиновникъ), „кубо“ (поди прочь)... и многое другое, — остальное дополняется обобщенной выразительной мимикой! На этотъ разъ командиръ полка далъ имъ записку, пропускъ, и они забрали остальное свое имущество. Сегодня на нашемъ бивакѣ кипитъ работа: изъ гаоляна строятъ конюшни, а у насъ въ фанзѣ Галкичъ сложилъ печь, все-таки не такъ холодно будетъ! Купели въ Мукденѣ бѣлой бумаги и ею сплошь оклеили окна и дверь, предварительно оборвавши прежнюю газетную обклейку... Вообще уборка была генеральская, даже паутину снимали, точно къ свѣтлому празднику готовимся... не радуемся, такъ стало въ фанзѣ свѣтло! Ходить слухъ, что простоишь здѣсь еще съ мѣсяцъ. Къ вечеру все окончилъ и пошли гулять... приходимъ на Неву — длинную лужу версты въ двѣ, дедъ, какъ стекло, такъ соблазнительно, къ тому же и засидѣлись за децогоду, ну и рѣшили малость размяться! Сбросили кто 20, кто 30 лѣтъ съ плечъ и пошло катанье на льду да такое энергичное, что матушка Нева стонала... утѣшеніе велие и гимнастика хорошая!

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка отъ Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

3—6-е Ноября.

Сегодня поднялись рано, еще темно... въ 8 час. придетъ главнокомандующій, онъ объѣзжаетъ войска! Я вышелъ гулять и встрѣтилъ поѣздъ ген. Куропаткина... благословилъ издали его вагонъ... Да, много нужно этому человѣку силъ души и тѣла, чтобы справиться съ возложенной на него трудной задачей! Миѣ кажется, однихъ собственныхъ силъ ему мало, и болѣе чѣмъ кто-либо онъ нуждается въ поддержкѣ Высшей силы! Особенно нужно молиться за него и просить ему отъ Бога благодати!... Пробѣжалъ поѣздъ... еще немного погулялъ я и, грѣшникъ искренно посмѣялся на солдатиковъ. Смотрю со стороны позиціи быстро приближается отрядъ какой-то кавалеріи... ближе... что-то лошади какъ будто малы? Подѣхали... и я не могъ удержаться отъ смѣха; это оказались пѣхотные солдаты, которые отвезли на ослахъ хлѣбъ на позиціи и оттуда возвращаются уже верхами, усѣвшись на крупахъ ословъ. Фигура солдата громадная, а осель такой маленькій и сѣменить ножками быстро-быстро; зрѣлище получается столь смѣшное, что всѣ невольно хохочутъ! Генераль Куропаткинъ верхомъ объѣзжалъ нашъ полкъ и благодарилъ два раза— „спасибо драгуны, работали молодцами!“ говорилъ онъ... „Рады стараться“... гремяло въ отвѣтъ. Затѣмъ главнокомандующій вызвалъ изъ рядовъ Раскопатина, который бѣжалъ изъ плѣна; я самъ лично приколовъ къ груди его Георгіевскій крестъ, со словами: „именемъ Государя Императора награждаю тебя, спасибо за молодецкую службу!“ и поѣхалъ далѣе, а счастливый новыи георгіевскій кавалеръ возвратился въ эскадронъ добывать второго Георгія... У насъ печь уже топится, съ ней какъ-то стало уютно и весело... такое удовольствіе ее топить, сами бросаемъ гаолянные корешки въ огонь, дрова... Испекли просфоры, а служить 4-го ноября не пришлось. Похваралъ я немного... 4-го, рано утромъ, Ксенофонтъ подошелъ ко мнѣ и подаль телеграмму отъ Вел. Княгини Елизаветы Феодоровны: „Сегодня 3-го ноября утромъ скончался тихо Елисаветинскомъ госпиталѣ Харбинѣ ротмистръ Бодиско, сподобился два раза приобщиться св. Таинъ. Помолитесь за упокой

его души. Не сомнѣваюсь, что ваши молитвы о его бѣдной семьѣ укрѣпятъ ихъ въ тяжкомъ испытаніи! Помогите вамъ Господь! Елисавета". Какъ громомъ сразила насъ вѣсть о новой жертвѣ... и все на долю бѣднаго 4-го эскадрона выпадаетъ... Замѣчательно: 30-го окт. мы получили извѣстіе, что Бодиско лучше, порадовались. Однако ночью подъ 3-е ноября я вижу во снѣ, что Бодиско умеръ, и я утѣшаю его супругу. Утромъ, когда я рассказалъ объ этомъ своимъ сожителямъ,—то всѣ шутя рѣшили: значитъ выздоровѣлъ, на яву вѣдь наоборотъ. Вдругъ телеграмма, что именно 3-го ноября дѣйствительно Бодиско умеръ, я послалъ его женѣ телеграмму, въ которой, утѣшая ее, пришлось невольно повторить то, что говорилъ ей во снѣ!... Сейчасъ же послали въ эскадроны записки съ приглашеніемъ на панихиду по усопшемъ товарищѣ. Господи, до чего грустная эта была панихида! Морозъ, страшный вѣтеръ... мы приютились около гаолянной конюшни, чтобы хотя немного защититься отъ вѣтра... и вотъ съ завываніемъ бури слилось наше пѣніе погребальныхъ молитвъ!...—слезы сами лились у меня... да, тяжелая была панихида. На душѣ тѣмъ болѣе тяжело, что совершенно невозможно здѣсь отслужить св. литургію. 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го просидѣлъ въ фанвѣ: нездоровилось...

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

7-е Ноября.

...Холодный вѣтеръ, почти буря, продолжается. Я вышелъ изъ фанзы... невеселая картина вокругъ: свищетъ вѣтеръ... проволока на телеграфныхъ столбахъ прямо стонетъ, въ воздухѣ кружится пыль, чумизная солома, гаолянъ... съ крикомъ, кружась и кувыркая, носятся стаи воронъ... Сегодня воскресенье... мысль объ этомъ стрѣлою пронзила меня... „Господи, и сегодня нельзя помолиться!“—защемило сердце... Немного постоялъ я среди этого хаоса, и вдругъ сразу рѣшеніе вошло въ душу: „отслужу хотя молебенъ!“.. Иду въ эскадроны свои, къ нѣжинцамъ (ихъ 6-й эск. стоитъ съ нами и держитъ летучую почту), саперамъ, штабнымъ... вездѣ спрашиваю: согласны ли на этой погодѣ простоять молебенъ? и къ величайшему моему удовольствію всѣ, какъ одинъ отвѣчали: „покорнѣйше благодаримъ, очинно даже ради помолиться... вѣстимо день воскресный, а насчетъ погоды не извольте беспокоиться: въ Россіи то на Крещенье и не въ такомъ холодѣ молились!“ Иду въ обозъ, говорю Михайлѣ, и въ 11 час. на томъ же мѣстѣ, гдѣ и панихиду служили у конюшни изъ гаоляна, рядомъ съ лошадьми, поставили столикъ, на него Иверскую икону Богоматери, Евангеліе, крестъ, собралось очень много молящихся и молебенъ начался!—Что это былъ за молебенъ?! Какъ хватили сотни людей едиными устами и сердцемъ: „Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся святому Господу Иисусу Единому Безгрѣшному“... такъ и свищетъ, и стонъ вѣтра, и скрипъ деревъ... весь этотъ гамъ бури... все пропало... заглушили!!.. Надъ всѣмъ стоялъ одинъ общій кликъ: „Исусе Сладчайшій, спаси насъ! Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ! Пресвятая Богородице, спаси насъ!“ и

величаніе святыхъ. Молитва и одушевленіе побѣдили стихій! О, Господи Боже мой, какая же радость наполнила все существо мое: вотъ не думалъ, что сегодня придется помолиться, да еще такъ! Оглянувся я, многіе солдаты на колѣнахъ... усердно молятся... Поютъ, конечно, *всѣ* и *все*, т. е. весь молебень: и тропарь, и „Господи помилуй“ и загѣвы! Вотъ гдѣ особенно познается необходимость и польза общаго пѣнія, вѣдь оно страшно одушевляетъ, такъ сказать, заражаетъ молитвеннымъ чувствомъ... Пришелъ человѣкъ на молитву съ холоднымъ сердцемъ... вдругъ запѣли всѣ, онъ невольно подтянулъ, присоединился и... увлекся общей молитвой, куда дѣвалась и холодность души, все разогрѣлось! Это многіе, очень многіе испытывали! Часто участвуя въ общемъ пѣніи молитвы, солдатикъ изучаетъ церковныя, чудныя напѣвы, начинаетъ любить ихъ и понемногу пѣть и одинъ. Такъ однажды темнымъ вечеромъ вышелъ я гулять... слышу гдѣ то вдали тарахтитъ двуколка и доносится голосъ, поющій „яко Спаса родила еси душъ нашихъ“... Я остановился... звуки замерли въ темнотѣ, только еще ближе тарахтитъ телѣжка... Вдругъ снова пѣніе: „Свѣте тихій“... до конца, потомъ запѣлъ: „отъ юности моя мнози борють мя страсти“... и поровнялся со мною. Смотрю: пѣхотный солдатикъ на козлахъ возвращается съ позиціи, за плечами винтовка, на головѣ башлыкъ... Невольно благословилъ его, а онъ уже проѣхалъ и все поетъ... „Святымъ духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается“... Далеко въ ночной тишинѣ разносился его голосъ... наконецъ замеръ... Я стоялъ, какъ очарованный, и едва поборолъ волненіе, охватившее меня!.. Такъ, по милосердію Божію, и помолились мы, даже и краткую проповѣдь успѣлъ сказать „о воскресеніи“... „Для чего“, спросилъ я, „умеръ и воскресъ Господь. Который, какъ Богъ, могъ и не умирать? Ради насъ Онъ умеръ и воскресъ! Нѣтъ ничего страшнѣе смерти для человѣка! Но какъ только онъ увѣруетъ во Христа, тотчасъ же этотъ страхъ смерти долженъ исчезнуть, такъ какъ Господь умеръ за грѣхи наши и тѣмъ убилъ смерть, затѣмъ воскресъ съ собою и даруетъ въ Царствѣ Своемъ жизнь вѣчную!... Почему просить воиновъ теперь уже не бояться смерти, а твердо вѣрить въ общее наше воскресеніе, утѣ-

шаться этимъ и святою жизнію приготовляться! Бояться же больше всего нужно грѣха, который хуже смерти, такъ какъ для ожесточеннаго, нераскаяннаго грѣшника и воскресеніе будетъ печальнымъ: онъ лишится вѣчной жизни въ царствѣ Христа!... Благословилъ всѣхъ крестомъ, поздравилъ съ праздникомъ, и спрашиваю: „ну что, дорогіе, озябли?“ — „Никакъ нѣтъ“, понеслось со всѣхъ сторонъ „мы очень рады“. — „Въ такомъ случаѣ и въ слѣдующій праздникъ приходите, отслужимъ молебень!“... Разошлись... солдаты побѣжали и какъ кроты полѣзли въ свои землянки, а я въ свой „дворецъ“, чтобы, отогрѣться чаемъ!.. Ксенафонть принесъ кипятокъ, бесѣдуемъ, вспоминаемъ, какъ бывало я приходилъ изъ церкви и онъ подавалъ мнѣ самоваръ въ столовую, а не то что „въ такую дрянь, какъ эта фанза“, — говоритъ онъ — „въ Орлѣ то у меня кухня была въ 100 разъ лучше!“ Оба и смѣемся... „А ты“, говорю я, „испеки-ка сегодня просфоры, можетъ быть завтра Господь погодку дастъ, такъ мы поѣдемъ въ Тадзеинъ, отслужимъ тамъ св. литургію, хотя въ фанзѣ“... Какъ часто бываетъ — буря сразу прекратилась и вечеръ въ противоположность утру наступилъ совсѣмъ тихій. Взошла луна, на небѣ ни облачка, и мы съ удовольствіемъ погуляли на сонѣ грядущій!..

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

8-е и 9-е Ноября.

Утро прекрасное, тихое, солнечное! Буду служить св. Литургію въ д. Тадэинь, а раньше послалъ верхомъ Михаила приготовить для служенія фанзу. Подъѣзжаемъ къ знакомому огороду, встрѣчаетъ вахмистръ 3-го эск. Жучинъ и говоритъ: „батюшка, погода хорошая, вѣтра нѣтъ, разрѣшите на прежнемъ мѣстѣ поставить церковь, а то въ фанзѣ не все солдаты стануть“. Я согласился, и еще разъ Господь привелъ отслужить св. Литургію съ прежнею торжественностію... придется-ли еще зимою? Проповѣдь говорилъ о св. Архистр. Божіемъ Михаилѣ. Просилъ воиновъ помнить и твердо хранить въ душахъ своихъ для подражанія слѣдующую отличительную черту изъ святой небесной жизни Архистратига—его пламенную ревность о славѣ Божіей! Эта святая ревность выразилась наиболѣе въ томъ, что онъ крѣпко хранилъ вѣру и вѣрность Господу, прославлялъ имя Божіе между небесными силами своею чистотою, святостію

и любовію къ нему и ангеловъ укрѣплять въ томъ-же. Онъ настолько ревновалъ о славѣ имени Божія, что когда одинъ высшій ангелъ нарушилъ свою вѣрность Господу и сталъ между ангелами клеветать на святѣйшаго Бога, тогда Арх. Михаилъ вознегодовалъ на клеветника, сталъ обличать его, а ангеловъ убѣждать быть вѣрными Творцу Своему и наконецъ ополчился на діавола. Произошла на небѣ великая брань: Михаилъ и ангелы его съ кликомъ: „съ нами Богъ“... — воевали противъ сатаны и его ангеловъ, побѣдили, и діаволь былъ низринутъ на землѣ! Эта брань была на небѣ,— то теперь и на землѣ, по наущенію того-же сатаны и ангеловъ его, многіе люди теряютъ вѣру и вѣрность Богу, становятся гордыми, злыми, развратными. Они встаютъ на Господа, нарушаютъ миръ на землѣ, начинаютъ войны, крамолы, встаютъ противъ Помазанника Божія—Царя и его законовъ и готовы все истпровергнуть. Дорогие войны, берегитесь этихъ людей, не слушайте ихъ навѣтовъ, а, наоборотъ, всегда вспоминая св. Архистр. Михаила и призывая Его на помощь, будемъ здѣсь на землѣ, какъ онъ на небѣ, всѣми силами существа нашего ревновать о славѣ Имени Божія! Посему будемъ крѣпко хранить вѣру и вѣрность Творцу и Спасителю нашему Богу, будемъ прославлять Имя Его между людьми молитвами, славословіями и нашего доброю святою жизнію! Не будемъ не только слушаться крамольниковъ, но, наоборотъ, постараемся образумить ихъ, обличить и привлечь къ послушанію Богу и Царю. Если же какой народъ, не взирая на наше миролюбіе, возстанетъ на насъ по гордости своей, какъ вотъ теперь японцы напали на насъ, даже не объявивши войны,— то, подражая св. Михаилу, съ молитвою и кликомъ „съ нами Богъ“, — поидемъ и сразимся съ ними! Не жалѣя силъ своихъ и самой жизни, мужественно, храбро будемъ бороться... да понесетъ врагъ заслуженное имъ наказаніе за гордость свою, какъ и Гоенодъ сказалъ: „поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ!“ Послѣ же побѣды нашей да воцарится на землѣ миръ и тишина, а врагъ нашъ, смирившись несчастьемъ, да обратится къ Богу, наказавшему гордыню его нашею рукою!.. Вмѣстѣ съ тѣмъ просиль всѣхъ поусерднѣй помолиться о упокоеніи

души новопреставленнаго воина Александра—(ротмистръ Бодиско), по которомъ послѣ Литургіи отелужилъ панихиду. Пока разбирали и укладывали церковь, я попилъ чайку въ 5-мъ эск., отъ обѣда-же отказался, такъ какъ я все еще на діетѣ. Вернулся домой, поздравилъ именинника М. М. Б—ва, и остатокъ дня провелъ въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ наши всѣ на именинахъ. Вечеромъ долго гулялъ.

9-го и 10-го ноября погода была такъ хороша, что не хотѣлось итти въ фанзу, и я нагулялся на нѣсколько дней впередъ. Съ грустью сегодня попрощался съ своею бѣленькою лошадкой, пришлось отправить въ эскадронъ, совсѣмъ почти ослѣпла. Завтра думаю ѣхать съ церковью въ Мукденъ, гдѣ находится часть нашего обоза и всѣ чиновники штаба 17-го корпуса, т. е. казначейство, контроль, почта, телеграфъ, интендантство съ своими обозами.

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

11—13-е Ноября.

...Прошло нѣсколько дней, а записать нечего: такъ однообразна жизнь теперь! Японцы напали было на ген. Ренненкамфа, за три дня понесли большія потери и совершенно отбиты. По всей линіи ежедневно рѣдкая стрѣльба, по ея никто изъ насъ не интересуется. Собирался ѣхать служить въ Мукденъ, но снова заболѣлъ, и три дня просидѣлъ я въ фанзѣ, теперь оправляюсь. Вообще замѣчено, что здѣсь двѣ болѣзни должны претерпѣть прибывающіе изъ Россіи: лихорадку, которая схватываетъ сразу, дня три треплетъ невыносимо и затѣмъ быстро же проходитъ, если нѣтъ осложненій, потомъ рѣдко возвращается; я пережилъ эту болѣзнь подъ Ляояномъ благополучно. Вторая болѣзнь—это желудокъ и кишечникъ... нѣкоторые заболѣваютъ сразу по пріѣздѣ, а многіе съ хорошимъ желудкомъ долго борются, но потомъ и они заболѣваютъ. Я попалъ въ послѣдніе, долго не поддавался и вотъ заболѣлъ. Эта болѣзнь проходитъ безусловно; только требуется строгая и продолжительная діета. Благодаря затишному времени, я имѣю возможность выполнить это условіе и хворалъ только

двѣ недѣли. Такимъ образомъ при помощи Божіей теперь могу сказать, что я сдѣлался настоящимъ „манчжурскій“ житель, и новыхъ сюрпризовъ не предвидится. Дай Господи! Въ пятницу, 12-го ноября, иду тихонько по биваку, подходит солдатикъ и убѣдительно просить дать ему въ землянку „иконочку“, потому безъ образа какъ то на душѣ непокойно. —говорить; грустно мнѣ было, но я отказалъ ему. Шейные образки есть у меня въ запасѣ, а бумажныхъ большихъ нѣтъ! Со скорбію ползелься я въ свою фанзу... но Господь помогъ совсѣмъ неожиданнымъ способомъ... 12 ч. дня. Писарь несетъ почту.. разсматриваю полученныя газеты... три номера „Русскаго Инвалида“ и въ каждомъ „каталогъ церк. вещей“ Виталиева и Слонова со множествомъ напечатанныхъ иконъ и крестовъ порядочнаго размѣра. Вотъ я взялъ да и вырѣзалъ ихъ оттуда, получилось 157 крестовъ и иконъ, которые я освятилъ и потомъ ходилъ по своему приходу въ каждую землянку, разносилъ образки! Хватило всему полку, и радость была общая! Невольно сказалъ я большое спасибо г-ну Слонову, навѣрное онъ и представить не могъ, чтобы его каталогъ могъ сослужить такую службу воинству?! Погода все время неровная, но въ общемъ хорошая. морозъ град. 10—12. Солдаты наши открыто выражаютъ свое удовольствіе, что и сытно имъ, и одѣты хорошо, и въ землянкахъ очень тепло. На дрова пилятъ растущія близъ деревень деревья, причемъ, если удастся найти хозяина, ему за дерево платятъ два рубля. За покупкой чумизы приходится ѣздить верстъ за 40 въ сторону—здѣшнюю сѣвн. До сихъ поръ еще ни въ чемъ недостатка не терпѣли, можетъ быть, Господь поможетъ, такъ и прозимуетъ!...

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

14—16-е Ноября.

Тревожно прошла ночь... внезапно поднялась буря, какой я не запомню, постоянно казалось, что вотъ—вотъ раз-

летятся въ дребезги всѣ наши окна и двери! Утромъ, когда вышелъ изъ фанзы, едва не свалился въды воть горе другое воскресенье буря! Больше часу ходилъ я по биваку, искалъ мѣстечка для молебна, гдѣ было бы хотя в много тише, но не нашель! Сила вѣтра такова, что не только икону, но даже и столъ несетъ, а стаи воронъ, несмотря на всѣ усиля, не могутъ летать противъ вѣтра! Грустно, но службу пришлось отложить! вѣроятно, всю зиму такъ будемъ мучиться, и еще не разъ! Воскресение Христова придется прославлять въ будничные дни?! Къ вечеру немного утихло, и я получилъ возможность погулять, посѣтить всѣ свои любимыя мѣста, т. е. полотно ж. д., затѣмъ „дорожку“ и обошелъ деревню. У насъ теперь и магазинъ есть свой: маркитантъ какой-то въ свиномъ хлѣбѣ открылъ торговлю. „Я подошелъ, спросилъ краснаго вина „Удѣльнаго“, есть—оно у насъ стоитъ 1 р. или 80 к., а здѣсь запросили 4 р. 50 к. Ну, я пожелалъ самому торговцу пить его на здоровье и отправился къ большой толпѣ солдатъ, окружающихъ китайскую арбу. Стоитъ арба, на ней лежатъ мѣшокъ съ грушами и пять китайцевъ, кругомъ солдаты съ ружьями—конвой. „Что за люди?“ спрашиваю. „Да вотъ, батюшка,“ отвѣчаетъ старшій: „видите лежатъ мѣшокъ съ грушами? Это они будто торгуютъ, пять человекъ одинъ мѣшокъ? И ѣдутъ на самыя позиціи именно туда, гдѣ пушки наши, чтобы сосчитать ихъ. Надобли они намъ страсть! это японскіе шпионы!“ А „шпионы“ сидятъ себѣ съ самымъ равнодушнымъ видомъ, хотя отлично знаютъ, что ожидаетъ ихъ! Дѣйствительно, за деньги многие китайцы усердно служатъ японцамъ, стараются подъ видомъ торговли поближе подойти къ позиціямъ, высмотрѣть, сосчитать, что нужно и потомъ фонарями и флагами передаютъ добытыя свѣдѣнія неприятелю. Теперь имъ трудно стало работать: постоянно ихъ ловятъ!

15-го утромъ вѣтеръ тише, но морозъ больше... заложилъ двуколку, я сѣлъ въ кресло, чтобы было теплѣе. И съ подполковникомъ Байковскимъ поѣхали въ 10-й корпусъ отслужить панихиду по убитомъ офицерѣ Залѣсскомъ. Отецъ его, жандармскій офицеръ, служить въ Орлѣ, а его хорошо знаю. Вѣдный японца только что выпущены

въ офицеры, въ концѣ сентября пріѣхалъ въ Елецкій полкъ и 4-го октября уже убитъ. Пріѣхали въ штабъ 10 корпуса, къ намъ присоединился генералъ Цуриковъ, и мы поѣхали къ могиламъ. Недалеко отъ дороги, около китайской деревушки, небольшой четверугольникъ обрытъ канавой и обсаженъ елками... внутри рѣшетка съ дверкой, и среди нея двѣ могилы,—очень хорошо обдѣланы на нихъ дубовые кресты. Это лежатъ офицеръ Залѣсскій и рядовой пѣхотнаго полка—боевые товарищи!.. Я былъ пораженъ... какъ чудно обдѣланы могилы... казалось, здѣсь была сама родительская любящая рука и укладывала каждый кусочекъ земли, садила каждую елочку?! Это все заботы дорогого нашего бывшего командира, генерала Цурикова... Дай Богъ ему здоровье! Отслужили панихиду... не хотѣлось уходить изъ этого тихаго уголка... Особенное чувство возбуждаютъ въ душѣ здѣсь могилы: хочется ихъ цѣловать, будто тамъ лежатъ самыя дорогія, близкія существа. Стоимъ... „Отслужились честно царю земному“, со вздохомъ говорятъ мои солдаты...—„А теперь“, продолжаю я, „они, какъ мученики, первыми стоятъ у Престола Царя Небеснаго и служатъ Ему съ Небесными Силами!.. Однако морозъ сталъ пощипывать, пора домой, и мы потихоньку поѣхали!.. Проѣзжаемъ массу землянокъ, цѣлыя села.. рядами, какъ улицы... Издали онѣ производятъ впечатлѣніе могилъ. Михаилъ скачетъ на „другѣ“, который, не хуже моего „китайца“ три раза упалъ, вообще спотыкается и страшно нудливъ. Мнѣ офицеры обѣщали подарить вмѣсто ослѣпшей другую хорошую лошадку!

16-го порядочная была стрѣльба, погода хорошая, только очень холодно,—думаю, градусовъ 15 морозъ. Я одѣтъ тепло и много гулялъ. Послѣ обѣда послалъ Михаила въ дер. „Тадзеинъ“ сказать эскадронамъ, что завтра я пріѣду къ нимъ служить.

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

17—19-е Ноября.

Погодку Господь далъ хорошую... правда, морозъ и вѣтерокъ. но на чистое небо выплыло яркое солнышко и выступило въ борьбу съ тѣмъ и другимъ. Побѣды полной солнышко не одержало, но все-таки морозъ на половину долженъ былъ смириться. Съ удовольствіемъ ѣхали въ Тадзеинъ... Вѣзжаемъ на столь знакомый и ставшій уже дорогимъ сердцу огородъ... солдаты метутъ, но вѣтеръ на немъ гуляетъ съ порядочною силою; очевидно, молиться на этомъ огородѣ нельзя, велѣлъ прекратить уборку. Ѣдетъ на встрѣчу ротм. Витковскій, совѣтуемся... и рѣшаемъ, что другого мѣста по погодѣ для молебна нельзя выбрать, какъ между лошадиными стойлами и скирдами чумизы; здѣсь, дѣйствительно, вѣтра почти не было. Собрали сюда эскадроны и въ полномъ внѣшнемъ покоѣ отслужили мы молебенъ. Теперь на каждомъ молебнѣ поемъ „Воскресеніе Христова видѣвше“... чтобы этимъ хотя немного восполнить невозможность совершить св. Литургію въ воскресный день... Солнышко такъ пригрѣло, что я рѣшился даже побесѣдо-

вать и сказала небольшую проповѣдь о необходимости и возможности „спасаться“ и на войнѣ. Послѣ молебна подходит вахмистръ Жучинъ и говоритъ: „батюшка, баня готова... пожалуйте, а потомъ ротмистръ просить васъ къ себѣ на чай!“ Идемъ съ Ксенофонтомъ (послѣ пришелъ и Михайль). На порогѣ бани встрѣчаетъ унт.-офицеръ Ивановъ, тотъ самый, что 17 юля на ст. „Янтай“ рельсой придавило... „Это ты выздоровѣлъ“, говорю: „слава Богу!“— „Точно такъ, батюшка, а доктора-то тогда говорили, что смерть моя пришла, а вотъ Богъ далъ, какъ приобщился, такъ и сталъ оправляться!“

Я осмотрѣлся... старая, престарая фанза вся обставлена гаоляномъ, окна заложены кирпичемъ, предбанникъ цыновками отдѣленъ отъ самой бани. Внутри бани около стѣны сложена печь и на нее навалена груда камней, которые накаливаются чрезвычайно, на нихъ льютъ воду и паръ готовъ. Стоять три огромныхъ китайскихъ глиняныхъ чана, ведеръ по 15-ти каждый, въ нихъ вода. Каны покрыты новыми чистыми цыновками... на нихъ мыться. Жара страшная и восторгу нашему нѣтъ предѣла. Да, спасибо 3-му эскадрону, вотъ мастера-то!

18-го ноября ходилъ пѣшкомъ въ Суютунъ, носилъ письма.

19-го съ утра на протяженіи фронта 10 и 17 корпусовъ началась оружейная стрѣльба и осадныя орудія бухали не переставая до глубокаго вечера, окна наши готовы были выскочить, а Н. В. Букрѣевъ увѣряетъ, что и стѣны нашей фанзы тряслись. Улеглись уже къ полночи, какъ-то съ нервами трудно было справиться!

(Продолженіе слѣдуетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

20-е Ноября.

Съ утра вѣтеръ, но не холодный... рѣшаю послѣ обѣда ѣхать съ церковью въ Мукденъ отслужить тамъ всенощную, а завтра св. Литургію. Послѣ чая сижу на канѣ, что то читать... вдругъ за окномъ раздались вопли: „пожаръ, горимъ“. Сердце такъ и упало, вѣдь здѣсь теперь всё постройки—порохъ; конюшни, шалаши—все изъ гаоляна... стоятъ скирды чумизы... да и фанзы то не имѣютъ потолка, а прямо гаолянная крыша, загорись она сразу—все провалится внутрь... Дай Богъ самому выскочить! Стрѣлой всё вылетѣли мы на дворъ, и что же? Огромное пламя, рядомъ съ нашей фанзой... казаки по неосторожности подпалили гаолянъ!! Боже мой, что поднялось!! Крики, гамъ, лошади носятся... люди растаскиваютъ гаолянъ, несутъ воду... Пламя только на аршинъ не достало до нашей фанзы... Я бросился къ себѣ, схватилъ и началъ было вытаскивать свои вещи, но, благодаря распорядительности командира полка, удалось скоро заглушить... наволновались порядочно! Пообѣдали и поѣхали: Михаилъ на „Другъ“, а я съ Ксенофонтомъ въ двуколкѣ... опять въ Мукденъ... съ 28 сентября не былъ... дорогу выровняли, построили вездѣ хорошіе мосты; поѣзда идутъ, тянутся обозы, выздоровѣвшіе солдаты идутъ къ своимъ полкамъ, на поляхъ много солдатъ собираютъ остатки гаоляна... однимъ словомъ, оживленіе полное! Какъ непохоже на первую половину сентября, когда здѣсь была пустыня! Встрѣтили по

бокамъ дороги нѣсколько могимъ съ небольшими крестами; на нихъ какая-то любящая рука повѣсила маленькіе вѣнки изъ красныхъ цвѣтовъ... они уже наполовину растрепались, но какъ ярко выражается непритворная любовь?!... Конечно, всѣ проѣзжающіе крестятся. Переѣхали ж. д. На платформѣ стоятъ 8 осадныхъ орудій, недалеко укрѣпленія... Вотъ и р. Хунхе... уже покрыта льдомъ, столь памятныхъ бродовъ нѣтъ, вездѣ ледяной мостъ... Однако китайцевъ не видно, ихъ почти совсѣмъ не пускаютъ черезъ рѣку къ позиціямъ; слишкомъ шпионять! Завѣднѣлся Мукденъ... т. е. не дома его, — ихъ не видно, городъ стоитъ на равнинѣ... завиднѣлись стѣны и четырехъэтажные башни надъ воротами. Ыдемъ мимо нашего бывшего бивака... какой грустный видъ онъ теперь имѣеть... лучше бы не смотрѣть?!... Ворота и ограда разрушены, деревья всѣ до одного порублены, и китайцы выкорчевываютъ пни, а когда вѣдь мы жили, была прекрасная роща и густая трава,—теперь же пыль, и стоитъ одинокая, грустная каменная черепаха! На улицахъ Мукдена огромное движеніе, прямо давка, и среди этой толпы рысью ѣдутъ двуколки, скачутъ всадники... какъ не подавили еще народъ, прямо поражаюсь... только и слышишь крики: „цубо, цубо“. Торговля въ разгарѣ, хотя все сильно подорожало. Смѣшной видъ имѣютъ китайцы зимою: руки точно отрублены, такъ глубоко ихъ прячутъ въ рукава, а такъ какъ нельзя же спрятать такую красоту, какъ длинная коса, или у женщинъ чуть не трехъэтажная прическа,—то несмотря на холодъ, на голову надѣваютъ маленькую шапочку, а на уши навѣшиваютъ стеганные маленькіе кусочки, вродѣ нашей ижицы.—Бѣжитъ маленькій китайченокъ, весь поспинѣлъ... въ рукахъ маленькая книжка... увидѣлъ меня, сейчасъ же присѣлъ и кричитъ: „Капитане, русскій священикъ... моя католикъ французъ!“ и протягиваетъ мнѣ книжку, оказывается, молитвенникъ; на переплетѣ выбитъ большой крестъ, напечатанъ по-китайски. Пока я разсматривалъ молитвенникъ, онъ на бѣгу разстегнулъ свою курточку, и съ торжествомъ досталъ съ груди довольно большой крестъ и кричитъ мнѣ: „Капетана, моя естъ креста!...“ Симпатичный мальчикъ,—это онъ бѣжалъ въ католическую каплицу молиться... Пріѣхали въ учрежденія 17 корпуса, я похѣстился въ казначействѣ, которое занимаетъ очень хорошій домъ китайскаго мандарина. Домъ этотъ построенъ по типу фанзы,—но, во-первыхъ, огромный, а во-вторыхъ, прекрасно внутри обдѣланъ: висятъ довольно хорошія картины, стоятъ полированные столы, кресла, диваны, разныя ширмы прямо чудной работы... А къ потолку привѣшано масса фонарей. На средней стѣнѣ отлично выткано шелкомъ „божество изобилія“ въ замѣчательномъ видѣ: изъ одного туловища

выходятъ, начиная съ пояса, три человѣка, и отъ нихъ сыплется множество маленькихъ дѣтей.—Нашъ офицеръ Шауманъ, Алалыкинъ, милые чиновники казначейства, контроля, интендантства, почты и телеграфа, встрѣтили меня прямо по родственному и отъ души радовались, что сегодня и завтра у нихъ будетъ Богослуженіе.—Господи, какое блаженство то тутъ! Кресла съ *стинками*, можно и отдохнуть... на столѣ большой тульской самоваръ пыхтитъ и свиститъ паромъ, горять лампы съ керосиномъ... вѣдь 5 мѣсяцевъ этого уже не видалъ я! Сейчасъ же меня усадили, напоили чаемъ, и началось совѣщаніе о службѣ. Домъ огромный, человѣкъ 150 можетъ стать. Въ восточной части рѣшили повѣсить иконы, иконостасъ,—это будетъ алтарь, а остальная часть для народа. Извѣстили всѣхъ, что въ 6½ ч. вечера будетъ всенощная. Къ этому времени пришли наша обозная команда, да чины корпусныхъ учреждений; молящихся собралось очень много. Зажгли въ фонаряхъ свѣчи, получилось нѣкоторое подобіе люстры, и всенощная началась... Прекрасно пѣлъ хоръ чиновниковъ... я самъ читалъ стихиры и канонъ—причемъ канонъ пѣли на два хора: чиновники „Отверзу уста моя“, а я съ Михаиломъ „Христосъ рождается“. Одушевленіе и восторгъ были общіе! На Богослуженіи присутствовали три сына хозяина мандарина, стояли они въ первомъ ряду и внимательно слѣдили за всѣмъ происходящимъ. Ночевать остался здѣсь и спать на китайскомъ плетеномъ диванѣ, укрывшись теплымъ подрясникомъ. Долго не могъ уснуть: все прислушивался къ доносившимся съ улицы звукамъ, какъ отдаленный рокотъ моря, еще шумѣла толпа на улицахъ Мукдена и изрѣдка звучать „гонгъ“.

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Сребрянскаго.

Часть вторая.

Въ Манчжуріи.

(Продолженіе).

21-е Ноября.

Рано утромъ проснулся... разбудили своимъ крикомъ хозяйскіе гуси, которыхъ множество на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ, а также ораніе уличныхъ торговцевъ... китайскіе „куpezы“ начинаютъ торговать еще до свѣта! Всталъ, приготовился... разбудилъ Михаила и мы съ нимъ начали разставлять церковь. Прежде всего сняли со стѣны китайскихъ боговъ, затѣмъ отдѣлили часть китайской фанзы, повѣсили въ рядъ иконы, царскія врата, а противъ иконостаса на стѣнѣ икону „Тайной вечери“. Поставилъ походный престоль... получилась очень хорошая церковь! Къ 9 часамъ снова собрались всѣ и при томъ же прекрасномъ пѣніи чиновниковъ совершилъ я здѣсь св. литургію... Съ улицы доносился шумъ множества голосовъ, въ окнахъ головы любопытныхъ китайцевъ... Сразу какъ-то вспомнилась дорогая каждому христіанину жизнь древнихъ!... вспоми-

лось, какъ въ первые вѣка христіанства въ многолюдномъ языческомъ Римѣ, въ домѣ кого-либо изъ вѣрныхъ, напр. св. Агнессы, собрались освятить молитвой день воскресный гдѣ немногіе, что познали истиннаго Бога. Изъ ихъ усть лились сердечныя славословія Творцу и Спасителю, ихъ руки приносили безкровную жертву... весь обликъ ихъ носилъ печать сосредоточенія, благоговѣнія, а кругомъ на улицахъ Рима шумѣла многотысячная толпа изъ братьевъ, еще „сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной!“... И вотъ, стоя предъ св. престоломъ, невольно думалось, что и мы сейчасъ подобны древнимъ. Въ многолюдномъ языческомъ Мукденѣ „малое стадо“ христіанъ собралось прославить воскресшаго Господа, Его Пречистую Матерь и принести безкровную жертву о грѣхахъ и немощахъ своихъ. Посмотрите, какое истинное благоговѣніе выражено въ самой ихъ внѣшности, какъ усердна ихъ молитва, какъ одушевленно ихъ пѣніе... а кругомъ шумятъ и (мятутся) многія тысячи братьевъ еще незнающихъ Христа. Проповѣдь говорилъ по поводу празднуемаго событія „Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы“, о томъ, какія назиданія можно вывести изъ него для нашего спасенія. 1) Приготовляясь къ величайшему служенію и счастью быть Матерію Господа, Пресвятая Дѣва съ ранняго дѣтства отдала свою душу и тѣло подъ покровъ религіи, и только при храмѣ такъ воспитала себя, что теперь Она безъ сравненія славнѣе даже Серафимовъ. Мы тоже родились на землѣ не для грѣха, а для великаго служенія и счастья: прославить имя Божіе на землѣ добрыми дѣлами и удостоиться въ блаженномъ Его царствѣ, въ самомъ близкомъ съ нимъ единеніи жить вѣчно. Для этого нужно очень и очень приготовляться, и счастливъ, кто съ ранняго дѣтства начинаетъ воспитывать свое духовно-тѣлесное существо религіознымъ воспитаніемъ. Если же кто еще не начиналъ этого, скорѣе пусть начинаетъ, время не терпитъ, каждый день приближаетъ насъ къ переходу въ царство Небеснаго Отца и горе неготовымъ! 2) Пресвятая Богородица достигла великаго прославленія... за что? Она сама же даетъ отвѣтъ: „яко призрѣ на смиреніе рабы своея!“... Да, смиреніе вотъ та сила, которая низводитъ на человѣка благодать Господню и дѣлаетъ плодоносными всѣ честныя

труды его! Смиранный всего достигнуть, всему научиться, т. к. сознавая немощь свою, не сочтетъ за униженіе попросить руководства у болѣе опытныхъ и знающихъ, и не только научиться самъ, но и другимъ поможетъ. Смиранный послушливъ „властемъ придерживающимъ“ по слову Божію, онъ не нарушитъ мира, перетерпитъ оскорбленіе, благодарно приметъ обличеніе. Онъ разливаетъ вокругъ себя миръ и и благодать. Вторая сила, спасающая насъ—это добровольное рабство Богу и Его волѣ, Его закону. Теперь все говорятъ о свободѣ, вѣрнѣе о произволѣ,... но эта грѣшная свобода именно и ввергаетъ душу въ страшное рабство дьяволу, грѣху. Если же человекъ вседушевно покорится Господу, полюбитъ Его и исполненіе Его закона поставитъ себѣ въ необходимость, то непременно освободится отъ внутреннихъ враговъ, приобрететъ миръ души. Внѣшнія непріятности и скорби не повернуть къ тщеславію, и онъ будетъ истинно великъ и свободенъ. Посему просилъ слушателей поспѣшить воспитаніемъ душъ своихъ подѣ руководствомъ религіи, поспѣшить стяжать столь необходимыя для спасенія главныя добродѣтели христіанина: смиреніе и добровольное подчиненіе Божіей воли!... Окончилось Богослуженіе отслужилъ еще два молебна: Пресв. Богородицѣ и св. Александру Невскому, и грустная дѣйствительность снова передъ нами: война, чужбина, одиночество... Какъ я и всѣ были счастливы невыразимо, что удалось съ такимъ торжествомъ отпраздновать великій праздникъ! Убѣдительно просили меня прѣхать 4-го декабря..., дай Господи дожить до этого дня въ мирѣ и здоровьѣ... вѣдь здѣсь единственное истинное счастье—это помолиться, отслужить св. литургію!... Вышли молящіеся..., разбираемъ церковь, а мои милые хозяева засуетились уже съ самоваромъ, вѣдь надо напоить батюшку чайкомъ... „А, можетъ быть, вы, батюшка выпьете кофе? Представьте, настоящаго молока раздобыли бутылку и свѣжаго сыру?“ слышу голосъ казначея... „Нѣтъ, отвѣчаю, боюсь пить молоко, у меня еще очень недавно большое лямбда было съ желудкомъ!“ Попили чай, а солдаты мои пристають: „батюшка, что-же сниматься-то? не раздумайте, пожалуйста!“ Вѣдь вотъ все упрашиваютъ сняться съ ними... соглашаюсь... Чиновники дали намъ провожатаго, и мы

отправились въ китайскую фотографію, гдѣ насъ китаецъ и снялъ въ двухъ видахъ!... Весь изволновался я, пока доѣхали мы обратно до казначейства: каждую минуту мнѣ казалось, что сейчасъ мы задавимъ снующихъ прямо подъ колесами двуколки китайцевъ! Всѣ мы постоянно оралі: „цубо, цубо“... но мало помогало!! Наконецъ, добрались и... прямо подъ обѣдъ... да какой? Откуда-то икру достали, рыбу „кету“ изъ Амура, вродѣ нашего балыка, куриный супъ, котлеты. Однако, какъ ни хорошо въ гостяхъ, а время отпавляться и домой... третій часъ уже пошелъ, а впереди еще 15 верстъ. Утромъ погода была тихая и 5° морозъ, а съ 12 час. вдругъ поднялся сильный холодный вѣтеръ... „Какъ это мы доѣдемъ“, говорю я солдатамъ, „не отморозили-бы вы себѣ уши?“—„Ничего“, отвѣчаютъ; „вѣтеръ въ спину, доѣдемъ!“ Поѣхали... хорошо было на душѣ... Когда-то еще Господь приведетъ отслужить св. литургію!.. А дѣйствительно, спасибо вѣтеръ въ спину, если-бы напротивъ—хоть оставайся ночевать!.. Тучи пыли и песку гнались за нами, я поминутно напоминалъ Михаилу и Ксенофонту тереть уши!.. Мечтаемъ, какъ по пріѣздѣ будемъ грѣться чайкомъ (хотя я то и не озябъ, тепло очень одѣтъ). Переѣхали желѣзную дорогу... вдругъ... „бухъ, бухъ, бухъ“... донеслись звуки пальбы... сражаются... слышите?“ говорю... „Это пушки прогрѣваютъ“ смѣются солдаты. Наконецъ пріѣхали... слава Богу! Наступилъ вечеръ... топили печь, попонами и накидками завѣсили окна и... даже стѣны съ подвѣтренной стороны, сквозь солому немного продуваетъ... Надѣли шинели и улеглись!...

(Продолженіе слѣдуетъ).